Красный Архив
APR 24 1931

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

#40

ТОМ СОРОКОВОЙ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

СОДЕРЖАНИЕ:

Врангелевщина. — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. — 25 лет назад (дневник Л. Тихомирова). — „Князья церкви" (дневник А. Н. Львова). — Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. — Вокруг 1 марта 1881 г. — С. Г. Нечаев и тульские оружейники. — К истории побега Ярослава Домбровского.

ЦЕНТРАРХИВ
1930

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1930 год

НА ЖУРНАЛ

НАУЧНОЕ СЛОВО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СССР

III ГОД ИЗДАНИЯ

Ответственный редактор проф. О. Ю. ШМИДТ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Точные науки — академ. А. Ф. Иоффе, проф. В. Ф. Каган и прив.-доц. Э. В. Шпольский. Биология — проф. Н. К. Кольцов. Медицина — проф. А. И. Абрикосов. Обществоведение — акад. Н. И. Бухарин, проф. В. П. Милютин, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. И. К. Луппол. Техника — акад. Г. М. Кржижановский и проф. М. Я. Лапиров-Скобло. Организация и гигиена умственного труда — прив.-доц. К. Х. Кекчеев.

ЖУРНАЛ

ПОСВЯЩЕН вопросам естествознания (точные науки, биология), медицины, техники, обществоведения, организации и гигиены умственного труда.

РАССЧИТАН на подготовленного читателя (педагога, врача, инженера, агронома, естественника, хозяйственника, партийного, профессионального и советского работника).

ИМЕЕТ постоянный состав сотрудников, в число которых входят крупнейшие ученые СССР, излагающие на страницах журнала результаты своих последних исследований.

ДАЕТ в каждом номере несколько крупных статей, посвященных успехам мировой науки и техники и критическому обзору новых научных теорий. Кроме того в каждом номере помещаются постоянные отделы „Из жизни науки" и „Библиография".

ОСОБЕННОСТЬ ЖУРНАЛА

НАУЧНОЕ СЛОВО охватывает громадный круг вопросов (естествознание — медицина — техника — общественные науки) и благодаря этому дает возможность своим читателям быть в КУРСЕ ВСЕХ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ;

ЗНАКОМИТ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С АКТУАЛЬНЕЙШИМИ ПРОБЛЕМАМИ НАУКИ В ЕЕ ЦЕЛОМ И СТАВИТ НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ В СВЯЗЬ С ТРЕБОВАНИЯМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ;

дает рефераты наиболее интересных статей из советских и иностранных журналов и отзывы о наиболее интересных вновь выходящих книгах;

систематически освещает деятельность крупнейших научных учреждений СССР (Академии наук, Коммунистической академии, институтов НКЗдрава, НТУ, ВСНХ и т. д.);

имеет специальный отдел „Организация и гигиена умственного труда" (статьи, заметки, рецензии).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА	
на год	8 р.
на 6 мес.	4 р.
отдельный номер	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3, Моск. областн. отдел Госиздата „Московский рабочий" — Москва, Неглинный пр., 9; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у письмоносцев.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

40

ТОМ ТРЕТИЙ (СОРОКОВОЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

★

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-67072. П.-12. Гиз 40869.
Заказ № 1292. Тираж 1 800 экз. 12 п. л.

Врангелевщина.

(Из материалов Парижского «посольства» Временного правительства.)

Окончание [1]).

Нератов — Гирсу [2]).

Константинополь. 23 августа 1920 г. № 702.

Просьба передать посольствам и миссиям.

Струве телеграфирует циркулярно за № 1042.

(Лат. б.) Ввиду расширения территории и в связи с соглашением с казачьими атаманами, генералом Врангелем издан приказ 6 (19) августа № 3504, коим он впредь именуется главнокомандующим русской армией, а состоящее при нем правительство — правительством Юга России.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 24 августа 1920 г. № 323.

Лично.

Строго доверительно.

(Шифр А.) Прошу сообщить, не возбуждала ли Франция перед Врангелем, в связи с признанием правительства Юга, вопроса о разрешении использовать русское золото, переданное немцами по условиям перемирия для оплаты французского долга Америке. Считаю долгом предупредить, что подобные переговоры встретили бы резкое осуждение со стороны Америки и, по всей вероятности, исключили бы возможность поддержки отсюда правительства Юга.

---

[1]) «Красный архив», 1930, т. II (39), стр. 3—46.

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 1 ноября 1920 г.», — «Вход. № 2189», — «Д. 24, Юг».

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 27 августа 1920 г. № 711.

Струве просит передать за № 1076.

(Шифр.) Благоволите незамедлительно через наших дипломатических представителей в надлежаще осторожной форме поставить перед соответствующими правительствами вопрос о нашем признании вслед за Францией и телеграфировать мне о ваших шагах.

Нератову и балканским представителям телеграфирую особо.

Горлов — в росс. посольство в Париже.

Варшава. 29 августа 1920 г. № 186.

Савинков просит передать Гирсу, Львову и Чайковскому его телеграмму генералу Врангелю. (Шифр.) Как председатель Русского Политического Комитета в Польше, формирующего русские отряды на территории Польской республики, заявляю, что признаю вашу власть и готов вам подчиниться. Савинков.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 29 августа 1920 г. № 330.

(Шифр А.) Вопрос о посылке из Америки военного снаряжения должен получить решение в ближайшее время. Американское правительство решило сперва осведомиться официозно через адмирала Мак Колли о задачах и предполагаемом характере действий Юга России. Мне доверительно известно, что в посланном запросе Америка, в общем, ищет подтверждения принципов, изложенных в письме Струве Мильерану и других официальных заявлениях. Досадная приостановка военного снабжения вызвана обстоятельством предвыборной борьбы и газетным шумом относительно признания правительства Францией. Очень надеюсь, что благоприятный ответ из Крыма даст повод американскому правительству твердо и открыто определить отношения к Югу России. В общем, настроение американского правительства продолжает оставаться благоприятным, но ему приходится считаться с крайне серьезным внутренним политическим положением.

Бахметев — послу.

Вашингтон. 29 августа 1920 г. № 331.

Угет для Миллера. Копию в Константинополь для Вильчевского.

(Шифр.) Пароходом «Фараби», вышедшим из Нью-Йорка 20 августа, отправлено 436 пулеметов Кольта с запасными частями, 2 миллио-

на 479 тысяч 600 ружейных патронов, 456 кусков стали, 344 ящика инструментов и материалов Ремингтона, 3 130 винтовок, собранных из запасных частей, которые подлежат использованию как запасные части или тщательному испытанию перед раздачей воинским частям. В адрес общества служащих Владикавказской железной дороги 14 514 пар мужской обуви, 2 500 дамской, 5 040 детской. Объяснение относительно обуви везет инженер Магула.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 30 августа 1920 г. № 728.

Струве просит передать за № 1101.

(Шифр А.) Подчеркнув значение усиления наших фронтов, на которых достигнуты крупные успехи, благоволите в надлежаще осторожной форме обратить особое внимание на вопрос о признании правительства Юга России Северо-Американскими Соединенными Штатами, Бельгией и Японией.

Поклевский — посольству.

Бухарест. 30 августа 1920 г. № 49.

(Шифр А.) Получил телеграмму № 710 [1]), начало которой несколько искажено при передаче. Мне кажется, что нам следует повременить с возбуждением вопроса о признании правительства Юга России. Румынское правительство все больше и больше проникается симпатией к главнокомандующему и к проводимым правительством Юга России принципам внешней и внутренней политики, однако, принимая во внимание непосредственное соседство Румынии с Советской Россией и отсутствие единой политики у союзников по отношению к России, здешнее правительство твердо решило держаться пока политики нейтралитета в русских делах и избегать угроз по отношению к большевикам. Ввиду вышеизложенного, я уверен, что румынское правительство не нашло бы возможным в настоящую минуту последовать примеру Франции в вопросе признания правительства Юга России.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 2 сентября 1920 г. № 746.

Ссылаюсь на телеграмму Петряева от 26 августа № 101.

(Шифр В.) Желательно было бы вызвать новое подтверждение из Парижа французским военным властям в Константинополе и Софии

[1]) В подлиннике сноска: «Вероятно, телеграмма Нератову».

распоряжения о выдаче нам военного снаряжения. Есть основание предполагать, что английские члены контрольной комиссии имеют неблагоприятные для нас инструкции, будут тормозить выпуск снаряжения.

Надеюсь, что твердо принятая в отношении нас линия поведения окажет свое воздействие и на англичан, позиция коих в Константинополе остается попрежнему для нас неизменно благожелательной, но стеснена Лондоном.

Штрандтман — Гирсу.

Белград. 2 сентября 1920 г. № 306.

Я телеграфирую в Константинополь.

Просьба передать в Севастополь.

№ 1.

(Шифр А.) Председатель совета министров Веснич прочел 31 августа перед временным народным представительством декларацию нового кабинета. По вопросам иностранной политики он, в первую очередь, сказал следующее: «Последний русско-польский конфликт поверг европейскую дипломатию в большое смущение, заставив ее усиленно им заняться. Мы могли только сожалеть об этом бесцельном кровопролитии между двумя братскими народами, и мы, естественно оставались нейтральными в этой борьбе».

Сегодня я лично просил у Веснича объяснений относительно причин, побудивших правительство назвать конфликт «русско-польским», кровопролитие «бесцельным» и упомянуть о «нейтралитете», заявления о коем, согласно двухкратным мне заверениям и. д. министра иностранных дел Нинчича, не должно было быть. Веснич ответил, что конфликт назван русско-польским потому, что поляки вели войну против России, а не против большевиков, о которых в декларации вообще не упоминается; что, с этой точки зрения, по мнению правительства, борьба бесцельна и о ней нельзя не сожалеть и что заявление о нейтральности вызвано необходимостью для еще не окрепшего королевства С. Х. С. вести среднюю линию между политикой Франции и Англии. Он при этом категорически утверждает, что политика его правительства относительно Италии остается неизменною и что, узнав о разговорах Трумбича в Лондоне с большевиками, ему было послано предписание от таковых воздержаться. Эту последнюю подробность Веснич просил меня не сообщать другим иностранным представителям.

Продолжение следует за № 2.

Штрандтман — Гирсу.

Белград. 3 сентября 1920 г. № 309.

Я телеграфирую в Константинополь.

Прошу передать в Севастополь.

№ 2.

(Шифр А.) В связи с переданным за № 1 разговором, я спросил Веснича, не найдет ли королевское правительство своевременным оформить отношения с правительством главнокомандующего, аккредитовав при нем дипломатического представителя. Веснич ответил, что он лично ничего сказать не может до прибытия сюда на-днях министра иностранных дел Трумбича, что кабинет, им возглавляемый, политически не однороден и что поэтому он не хотел бы дать мне неправильное впечатление недостаточно обоснованным ответом. Затем он сказал, что лично у него нет серьезных сомнений. Должен добавить, что Трумбич, особенно после его переговоров в Лондоне с большевиками, будучи под влиянием англичан, может явиться тормозом в этом вопросе. Я умышленно не поставил вопроса в плоскость признания, считая, что до сих пор фактически таковое существует, что присутствие в Белграде вверенной мне полноправной российской миссии является символом признания королевством антибольшевистской России, что нам необходимо лишь придать сношениям обычную международную форму.

Поклевский — Гирсу.

Бухарест. 3 сентября 1920 г. № 53.

Я телеграфирую в Константинополь.

(Шифр А.) По имеющимся у меня достоверным сведениям, румынское правительство только что получило составленную в очень мягких выражениях новую радиотелеграмму Чичерина с предложением заключить сепаратный мир. Мне кажется, можно быть уверенным заранее, что румынское правительство будет попрежнему всячески стараться выиграть время и избегать прямого ответа на вопрос о мире с Советским правительством.

Крупенский — Гирсу [1]).

Токио. 3 сентября 1920 г. № 257.

Получил вашу телеграмму № 1225.

(Шифр.) В противоположность опубликованным посольством в здешней прессе сведениям об успехах генерала Врангеля на Кавказе,

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 4 сентября 1920 г.», — «Вх. № 1474», «Д. 24, Юг».

агентская телеграмма из Лондона передает официальное большевистское сообщение о полном уничтожении сил генерала Врангеля на Кубанском фронте.

Прошу сообщить истинное положение.

Поклевский — Гирсу.

Бухарест. 4 сентября 1920 г. № 54.

Я телеграфирую в Константинополь.

(Шифр А.) В результате моих дальнейших переговоров румынское правительство соглашается выдать немедленно 20 000 винтовок и 2 миллиона к ним патронов, 25 полевых орудий, 21 000 снарядов, 250 пулеметов Кольта с 500 000 патронов и известное количество материалов второстепенного значения. Невозможность дать больше винтовок и патронов румыны объясняют тем, что их 7-й и 8-й новые корпуса вооружены нашими винтовками в количестве 80 000. У румын остается еще наших 147 000 винтовок, но они нуждаются в починке, причем румынское правительство готово обсудить вопрос о постепенном приведении их в годность в здешнем арсенале и передаче их затем нам. Румыны также указали на возможность передать нам винтовки и патроны 7-го и 8-го румынских корпусов, как только последние будут перевооружены оружием, которое здесь надеются получить из неприятельских стран на основании мирных трактатов. Момент передачи указанного выше количества военного имущества румыны обусловливают получением письма от начальника французской военной миссии с просьбой выдать это оружие Франции. Французы обещают написать это требование без замедления.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 6 сентября 1920 г. № 260.

Получил вашу телеграмму № 1317.

(Шифр.) Миллер нисколько не уклоняется от совместной работы на пользу общего дела, особенно с правительством Врангеля, коему он, как и все мы, горячо сочувствует. Но я вполне понимаю, что возложенная на него тяжелая ответственность, которой он считает себя по совести связанным, не позволяет ему по простому о том требованию предоставить распоряжение вверенными ему суммами другим лицам, каков бы ни был их личный авторитет, тем более, что ему совершенно неизвестно, израсходованы ли уже на государственные нужды находившиеся у этих лиц несравненно более крупные денежные средства.

Требования о передаче в их распоряжение доверенных Миллеру сумм поступали к нему и от Семенова, назначенного Колчаком главно-

командующим на Дальнем Востоке, и от образовавшегося в Харбине из бывших членов омского правительства «Политического совещания», и от владивостокского правительства, причем всеми ими давалось основанием к этому ведение ими борьбы за русскую государственность. Отказав в свое время всем этим организациям, Миллер и ныне не считает себя в праве исполнять чьи бы то ни было требования без определенной мотивировки. Доказательством того, что он вообще не отказывается удовлетворять просьбы, получаемые им из Европы, служит перевод им денег Замену и, по желанию последнего, в Пекин для беженцев.

По возвращении Миллера в Японию, я переговорю с ним, но считаю, что вряд ли можно настаивать на переводе им денег тому или другому лицу без объяснения, на какие надобности деньги эти будут расходоваться и почему расходы эти относятся именно на средства, хранящиеся у Миллера.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 8 сентября 1920 г. № 770.

Срочно.

Струве просит передать за № 1154 от 23 августа (5 сентября).

Я телеграфирую Горлову.

Получил вашу телеграмму № 186.

(Шифр.) Для В. В. Савинкова. В решении вашем подчиниться правителю Юга России генерал Врангель приветствует объединение всех русских антибольшевистских сил, борющихся против общего врага. Считая раздробление сил вредным и руководясь соображениями стратегического свойства, главнокомандующий считает необходимым сосредоточить на здешнем фронте все боевые элементы, желающие и могущие быть направленными в Крым.

Бахметев — послу.

Вашингтон. 8 сентября 1920 г. № 346.

Копия в Лондон.

Угет для Замена.

(Шифр.) Затрудняюсь немедленно ответить на ваш № 1311 вполне определенно. В настоящее время ввиду забастовок обеспечить быструю доставку угля из Америки в больших количествах трудно. Однако главное затруднение — в общем политическом положении, о котором посол сообщил Гирсу. Разрешение на вывоз первых 15 000 тонн удалось

получить путем заверения, что уголь пойдет исключительно для судов Доброфлота. Ввиду этого считаю, что на сентябрь следовало бы воздержаться от дальнейших покупок угля. Тем временем желательно получить от вас разъяснение, на какие именно надобности и в каких количествах требуется уголь, это облегчит дальнейшие настояния. Запросы Англии были сделаны Шестаковским. Предложенный вами способ в нормальных условиях был бы наиболее целесообразен. Однако необходимость согласовать срок каждой предполагаемой партии с фрахтованием, при требовании фирмой немедленного решения, затрудняет (проявление) действий. Поэтому, если практически в каком-либо случае представится более удобным обратиться к вам, то непременно сделаю.

Нератов — Базили.

Константинополь. 9 сентября 1920 г. № 780.

Струве просит передать за № 1151 от 5 сентября.

(Лат. б.) Ввиду полученного сведения об опубликовании в Лондоне Брестской советской делегацией о якобы понесенном нашими войсками на Кубани поражении, правительство Юга России заявляет, что сообщение это является чистейшим вымыслом. Высаженные в начале августа десанты на Кубани, действительно, оттягиваются ныне назад в связи с общей стратегической обстановкой в северной Таврии. Оперировавшие на Кубани наши части не только не испытали какого-либо поражения, но сами разбили две дивизии красных, захватив свыше шести тысяч пленных, 8 орудий и несколько десятков пулеметов, причем наличность десантного отряда увеличилась за счет присоединившихся казаков в два с половиною раза.

Нератов — послу.

Константинополь. 10 сентября 1920 г. № 789.

Струве просит передать за № 1171.

В дополнение к моему № 1129.

(Шифр.) Необходимо безотлагательно вновь настаивать перед французским правительством о содействии нам в получении из Румынии находящегося там нашего артиллерийского имущества. В первую очередь — ружья с патронами и легкие пушечные выстрелы [1]). Всякое промедление может быть гибельным. Необходимо просить также предоставить нам наше артиллерийское имущество, находящееся во Франции. Кривошеин.

[1]) Так в подлиннике.

Росс. представитель в Константинополе — послу в Вашингтоне.

Пера. 11 сентября 1920 г. № 799.

Струве просит передать за № 1191.

(Шифр А.) Ввиду недостатка средств для покрытия заграничных расходов, необходимо добиться займа на снаряжение и содержание армии, хозяйственное устроение, а также помощь беженцам. Вооружение, уголь, нефть, в счет займа, желательно получить из Америки натурой. Минимальная желательная сумма — 50 000 000 долларов. Из 50 миллионов около 10 нужны для выкупа денежных знаков и замены их новыми с металлической базой. По соглашению с Бернацким, прошу вас выяснить и всячески подготовить почву для совершения в Америке такого займа, конечно, в совершенно частной форме, на указанную приблизительную сумму. Гарантией оплаты капитала и процентов могут послужить различные виды государственных доходов и концессии на территории русской армии. Нератов.

Почтограмма начальника управления иностр. дел Нератову в Константинополь.

Севастополь. 12 сентября 1920 г. № 324.

Благоволите передать в Париж. А. В. Кривошеин просит передать.

Правительство Юга России, желая начать деятельный товарообмен с Францией, посылает на адрес французского министерства торговли пароход «Константин» с 5 000 тонн зерна. Правительство просит произвести реализацию грузов по усмотрению французского министерства и поставить вырученные суммы на счет нашего финансового представителя Замена. Вырученными от товарообмена с Францией суммами предполагается на основании договоров покрывать стоимость снабжения русской армии и денежной ссуды [1]), о которой мы просим французское правительство. Желателен приезд специально уполномоченного лица для обсуждения условий помянутого договора в духе прошлогодних предложений генерала Манжена. Что касается общих начал торговой политики Юга России, которые предположено детально обсудить на созываемом обширном финансово-экономическом совещании, то пока сообщаем следующее.

Правительство Юга России ставит своей задачей возможно широкое развитие торговых сношений территории русской армии и Запада. Правительство надеется в близком будущем установить

---

[1]) Так в подлиннике.

режим свободной торговли. Пока, по соображениям фискальным и коммерческим, признано целесообразным взять в свое ведение экспорт зерновых продуктов, ради накопления зернового фонда для товарообмена с заграницей. В ближайшие месяцы поступает в порты Крыма до 5 000 000 пудов ячменя и пшеницы. Правительство зафрахтовало, и грузятся пароходы для доставки зерна, минуя ближние порты, непосредственно в Марсель. Реализация зерна заграницей предположена при участии крупных частных фирм. Фирмы, привлеченные к сбору зерна, получают право на вывоз части его в свою пользу без обязательства обратного ввоза товаров. Вывоз прочих товаров предположено освободить от всяких стеснений. Эта мера, надо надеяться, привлечет к торговле старые фирмы, специализировавшиеся на отдельных отраслях торговли и не желавшие работать в порядке нарушавшего их специальные навыки обязательного товарообмена.

К содержанию настоящей телеграммы, которую желательно предать широкой гласности, надлежит привлечь общественное мнение. Струве.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 16 сентября 1920 г. № 357. Повторение.

№ 1.

(Шифр.) Струве, по соглашению с Бернацким, просит выяснить и подготовить почву для займа в 50 000 000 долларов, причем гарантией могут послужить различные виды государственных доходов и концессии на территории русской армии. Свой ответ сообщаю вам за № 2. Свои соображения относительно предлагаемых гарантий сообщаю письменно.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 сентября 1920 г. № 849.

Просьба передать генералу Миллеру.

Струве телеграфирует в Бухарест за № 1240 от 17 сентября.

(Шифр А.) Начальник снабжения сообщает, что ввиду изъявленного Румынией согласия на передачу нашего военного имущества Франции, которая, в свою очередь, передаст его нам, представляется необходимым безотлагательно принять зависящие меры к скорейшему пополнению наших запасов путем передачи сказанного имущества в распоряжение нашего главного командования. С этой целью в Румынию предполагается командировать специальную ко-

миссию из трех офицеров для вывоза имущества. Принимаются меры к посылке транспорта. Чрез здешнюю французскую военную миссию сделано сношение об оказании содействия генералу Геруа к скорейшему получению и вывозу имущества.

Благоволите со своей стороны оказать в этом деле самую энергичную поддержку.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 23 сентября 1920 г. № 361.

Получил вашу телеграмму № 1432.

(Шифр А.) Доверительно. Американское правительство поручило посланнику в Пекине высказаться самым категорическим образом в пользу неприкосновенности прав России в Китае. Альтернативу продолжения покровительства нашего представительства американцы видят в установлении международной охраны русских интересов.

Продолжаю думать, что можно было бы достигнуть восстановления положения миссии и консульств, если бы Франция взяла на себя активный почин в Пекине.

Секретная телеграмма Нератова посланнику в Каире.

Константинополь. 23 сентября 1920 г. № 862.

Саблин телеграфирует из Лондона от 17 сентября № 503:

«Об ассигнованиях на авиацию. От авиационного министерства получены следующие неофициальные сведения: 1) Возможность получить даром все аэропланы, которые были на пути в армию Юга России, а теперь находятся в Александрии и Абукире. Но погрузка и транспорт должны быть сделаны на наш счет или на наших пароходах. 2) Там же имеется около 200 аэропланов, которые могут быть приобретены за ничтожные цены, причем справку можно получить в авиационном парке в Каире. Местным властям дано полное право распоряжения всем имуществом». Конец телеграммы Саблина.

Благоволите срочно выяснить и телеграфировать: 1) сколько аэропланов, предназначавшихся нам, мы могли бы получить даром, 2) каких систем, 3) точное местонахождение, 4) упакованы ли они или нет, 5) сроки получения, 6) эти же сведения, а также цену аэропланов, которые могут быть нами куплены. Нератов.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 23 сентября 1920 г. № 275.

Получил вашу телеграмму № 1413.

(Шифр В.) Французское правительство уведомило здешнего французского посла, что оно не считает возможным принять на себя защиту русских интересов в Китае и берет под свое покровительство только Русско-азиатский банк ввиду того, что в нем заинтересованы французские капиталы и что вскоре учреждение это сделается французским.

Французское правительство считает, что желательно охранить от посягательств китайцев участок русской миссии в Пекине и русские концессии в Тяньцзине и Ханькоу, взяв их под защиту союзных держав. С этой целью оно просило остальные великие державы предписать своим представителям в Пекине сговориться по этому вопросу с тамошним французским посланником. Японское правительство дало соответствующие инструкции своему посланнику в Пекине, но японский министр иностранных дел заявил при этом французскому послу, что не видит, какие шаги могли бы быть предприняты державами, если китайцы, вопреки их представлениям, насильственным образом заняли русские концессии.

Лютш — посольству.

24 сентября 1920 г. № [?].

(Шифр К.) Генерал Хорват просит меня передать:

«Прошу передать генералу Врангелю.

Пользуясь слабостью России, китайское правительство, под предлогом ограждения своих пределов от проникновения большевизма через русское население в Китае, решило лишить русских права экстерриториальности и потребовало прекращения деятельности наших дипломатических и консульских представителей. Русские граждане, концессии и город Харбин обречены на китайский произвол. Этот удар русским интересам и всему русскому населению в Китае, почти сплошь антибольшевистскому, возможно предотвратить путем распространения вашего влияния на Дальний Восток и принятия русских в Китае под вашу защиту. Полагаю, что вам, в свою очередь, придут на помощь державы, в частности, Франция, вас поддерживающая. Если нельзя предотвратить упразднения русского представительства, то нужно заменить его тотчас иным, с обязательной отдачей русских подданных юрисдикции культурной державы. Реальной силой, на которую вы могли бы опереться на Дальнем Востоке, яв-

ляется отступившая из Сибири в Забайкалье армия Каппеля, которой ныне командует генерал Лохвицкий. Армия эта насчитывает 12 000 непримиримых борцов против большевизма на Дальнем Востоке. Ваша поддержка даст ей силы и энергию в дальнейшей борьбе вместе с вами на воссоздание России. Как один из старейших деятелей Дальнего Востока, прошу вашей защиты русским в Китае, признающим вашу власть и борющимся с большевизмом».

Нератов — послу в Токио.

Константинополь. 24 сентября 1920 г. № 865.

Срочная.

Струве просит передать за № 1267 от 21 сентября.

(Шифр.) По поручению правителя и главнокомандующего, прошу вас нащупать почву и предпринять шаги по вопросу о признании Японией правительства Юга России, являющегося преемственным носителем русской государственной и национальной идеи в борьбе с большевизмом. Нератов.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 24 сентября 1920 г. № 869.

Просьба передать генералу Миллеру.

Я телеграфирую Горлову в Варшаву.

Струве за № 1268 от 21 сентября просит передать.

(Шифр А.) Главнокомандующий просит передать Б. В. Савинкову.

Получив вашу телеграмму о признании русской власти и готовности мне подчиниться и выслушав генерала Гершельмана, приветствую вашу работу по упрочению русско-польских отношений. Считаю выступление на польском фронте русских частей, не могущих быть использованными здесь, вполне целесообразным. Нахожу, как прежде, что все русские регулярные части на польском фронте должны находиться на правом фланге поляков, дабы в момент выхода на русскую территорию или в иные окраины, которые я признал соответственными, по соглашению между русским и польским командованиями, они могли немедленно соединиться с главными русскими силами, ибо за участь войск, действующих оторванно, я на себя принять ответственность не могу.

Придавая важное значение правильной деятельности русских частей на польском фронте, я нахожу необходимым вверить комадование особо опытному, знающему и энергичному военачальни-

ку. Таковым мог бы явиться, если к тому не встретится препятствий со стороны маршала Пилсудского, бывший главнокомандующий Северной армией генерал Миллер.

Уверен, что при этой постановке дела, единственно отвечающей размерам военной и политической задачи, вы будете с прежней энергией привлекать новых бойцов за русскую государственность и, в согласии со мною, работать над улучшением и укреплением русско-польских отношений. Генерал Врангель.

Подтягин — Миллеру.

Токио. 24 сентября 1920 г. № 598.

24 августа атаманом Семеновым было подписано предварительное соглашение с делегатами Владивостокского народного собрания об объединении Приморской и Забайкальской областей. Краевое Забайкальское народное собрание было пополнено народными представителями и переформировано во Временное собрание в Чите, получившее полноту гражданской власти. Однако, по полученным сегодня официальным сведениям, атаман Семенов, после попытки переговоров, обнаружив неискренность делегатов отдельных дальневосточных правительств, даже попытки их вести пропаганду в войсках атамана, объявил, что он, опираясь на свои войска, в случае требования отставки, будет продолжать решительную борьбу оружием. По проверенным газетным сведениям, в районе местечка Акшай начались военные операции.

Крупенский — послу.

Токио. 25 сентября 1920 г. № 278.

Миллер просит передать генералу Миллеру за № 1407.

(Шифр.) Искренно рад, что ты разделяешь мои принципиальные соображения. Я неоднократно высказывал полную готовность оказывать финансовую поддержку правительству Врангеля предоставлением средств на определенные цели. В частности, немедленно перевожу Замену 100 000 фунтов для оплаты угля. Ввиду лежащей на мне ответственности, я ставлю лишь необходимым условием точное указание, на что в каждом отдельном случае требуются деньги и почему именно из моих кредитов. Считаю себя однако обязанным отклонять всякие посягательства на распоряжение вверенными мне суммами. Вместе с тем, я никогда не имел в виду отказывать в содействии общему делу, важность которого всецело признаю.

Крупенский — посольству.

Токио. 25 сентября 1920 г. № 279.

Миллер просил передать Замену.

(Шифр.) Вернувшись вчера из Пекина, получил телеграммы № 491 из Лондона и №№ 1326, 1357 и 1407 из Парижа. Как вам известно, я неоднократно заявлял о полной готовности сотрудничать с вами и с правительством Врангеля, предоставляя средства на определенные потребности, подтверждением чему может служить перевод 30 000 фунтов для подкрепления вашей наличности и предоставление по вашей просьбе Кудашеву 100 000 иен на беженцев. Поэтому я должен самым категорическим образом отклонить обвинения в нежелании участвовать в общем деле, подобные высказанным в телеграмме Гирса № 1317 на имя посла в Токио. Не считая возможным предоставлять другим лицам или учреждениям права распоряжения суммами, ответственность за которые всецело падает на меня, я однако никогда не давал повода предполагать, что я намерен оставаться в стороне от общего течения.

В частности, что касается оплаты угля, я немедленно перевожу для этой цели Берингам в Лондон на ваш счет 100 000 фунтов. В случае недостатка у вас необходимых средств, я отнюдь не отказываюсь и на будущее время, по мере возможности, отпускать деньги, при условии точных указаний в каждом отдельном случае, на что они требуются и почему расход предполагается произвести именно из находящихся у меня сумм. Считаю долгом предупредить однако, что, ввиду современной политической обстановки на Дальнем Востоке и возможности возникновения здесь крупных и неотложных государственных потребностей, я принужден заботиться о сохранении достаточных средств для их удовлетворения и относиться с крайней осторожностью к расходованию вверенных мне сумм.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 28 сентября 1920 г. № 892.

Струве телеграфирует от 24 сентября.

(Шифр.) В большевистском радио-вестнике от 8 (21) по поводу ....ния [1]) Каменева из Лондона говорится:

«Дальнейший ход и темп событий в Англии и во всей Европе будет зависеть от того, как скоро и насколько решительно Советская Россия будет бить Врангеля».

Благоволите обратить чрез наших представителей серьезное внимание союзных держав на это знаменательное заявление большевиков.

[1]) Так в подлиннике.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 29 сентября 1920 г. № 289.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 265.

(Шифр.) Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что, по тщательном обсуждении вопроса, японское правительство, имея особенно в виду свои отношения к Англии, считает настоящий момент еще преждевременным для приступления к признанию им правительства генерала Врангеля.

Я телеграфировал об этом чрез Нератова запросившему меня по настоящему делу Струве и прошу вас сообщить ему содержание моей телеграммы к вам по тому же вопросу за № 265.

Посол в Токио — Нератову.

Токио. 29 сентября 1920 г. № 290 [1]).

Телеграмма № 865 получена.

(Шифр.) Прошу передать Струве.

Шаги в указанном смысле были предприняты еще до получения вашей телеграммы. Мною было подробно телеграфировано по этому вопросу Гирсу, которого прошу сообщить вам содержание моей телеграммы. Ныне министр иностранных дел ответил, что японское правительство, имея в особенности в виду свои отношения к Англии, считает настоящий момент еще преждевременным для приступления к признанию им правительства Юга России. Крупенский.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 2 октября 1920 г. № 905.

Струве просит передать за № 1304. Копия Базили.

Делегация национального украинского комитета, в составе председателя Маркотуна, главного секретаря Цитовича и члена комитета Могилянского, была принята 25 сентября генералом Врангелем. При беседе присутствовали председатель совета Кривошеин, начальник отдела иностранных дел Струве и начальник главного штаба генерал Шатилов. Генерал Врангель заявил, что он разделяет идеи комитета, и указал, что принципы федерации и земельной реформы составляют основу его политики. В своем стремлении объединить все антибольшевистские силы генерал Врангель готов содействовать развитию национальных демократических сил, базируясь на принципах, уже выраженных в соглашении, достигнутом между главным командо-

[1]) Так в подлиннике.

ванием и казачьими областями. Генерал Врангель не допускает для себя возможности присоединиться к какому-нибудь сепаратистскому движению.

Нератов — Базили.

Константинополь. 5 октября 1920 г. № 930.

Татищев за № 1343 от 2 октября просит передать.

А. И. Гучков сообщил, что, по дополнительному договору между союзниками и германцами, последние обязались выдать правительству Юга России все вооружение и снабжение, захваченное немцами у русских во время великой войны.

А. В. Кривошеин просит выяснить вас дело и оказать содействие генералу Миллеру. Татищев.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 8 октября 1920 г. № 287.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 227 [1]).

(Лат. б.) Атаман Семенов просит меня передать генералу Врангелю нижеследующую телеграмму, сообщив копию с нее японскому и французскому правительствам:

«Главнокомандующему вооруженными силами Юга России генералу барону Врангелю.

Оценив настроение казаков, инородцев и крестьян, населяющих Российскую восточную окраину, я пришел к неуклонному решению во имя блага родины не только признать вас, как главу правительства Юга России, но и подчиниться вам на основаниях преемственности законной власти. Я, оставаясь во главе государственной власти Российской восточной окраины, военного главнокомандования и выборным походным атаманом казачьих войек Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Бурятского и пришедших на территорию Российской восточной окраины во главе с их войсковыми правительствами Енисейского, Сибирского, Оренбургского, Башкирского и Манчжурской колонии казаков, европейских войск, с полнотою власти военной и гражданской в смысле подчинения мне казачьих и бурятского правительств во всех отношениях, в данный момент провожу и частью уже осуществил в полном смысле принцип национально-культурной и территориальной автономии всех народностей подчиненной мне Российской восточной окраины, на основах чего и строится местная

[1]) В подлиннике помета: «Вход. № 1492».

здоровая государственная власть. Отрезвление сельского населения, вкусившего прелести большевизма, уже началось, прибывают добровольцы-казаки, инородцы и крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкальи, Уссурийском крае и Северной Монголии. Прося директив общеполитического характера и принятия мер налажения взаимной информации, от имени своего, подчиненных мне войск и населения приветствую вас в великом подвиге служения родине. Главнокомандующий и походный атаман генерал-лейтенант С е м е н о в».

Не откажите передать телеграмму генералу Врангелю, сообщив копию французскому правительству.

Крупенский — Гирсу.

Т о к и о. 8 о к т я б р я 1920 г. № 289.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 297 [1]).

(Шифр.) По поводу признания Семеновым генерала Врангеля считаю необходимым дать следующее разъяснение положения.

По эвакуации Забайкалья Семенов неожиданно издал акт, которым передал личную власть Читинскому Народному собранию, и объявил о своем вступлении в переговоры о соглашении с владивостокским и верхнеудинским правительствами. Акт этот восстановил против него многие умеренные организации, особенно в Харбине. Находящиеся в этом городе генералы Лохвицкий и Дитерихс, само собой разумеется, настроены против атамана. Вскоре затем однако последний заявил, что Читинское Народное собрание, имеющее коммунистическую окраску, не представляет собой..... [2]), и издал распоряжение о реформировании его состава. Новое собрание еще не сформировано, и фактически власть остается в руках Семенова, хотя положение последнего и казалось одно время поколебленным; по последним известиям, он удалил от себя некоторых вызывавших общие нарекания своих приближенных, и ныне армия вполне с ним солидарна, твердо настроена против большевиков и не признает больше генерала Лохвицкого своим командующим. Сторонниками Семенова первый его акт объясняется как простой маневр, имевший целью облегчить ему вывести армию из опасного растянутого положения и сосредоточить ее между Манчжурией и Читой, что теперь выполнено. Однако армия продолжает нуждаться во многом.

Отношение к Семенову японцев стало отрицательным, так как они теперь явно поддерживают владивостокское правительство и

[1]) В подлиннике помета: «Вход. № 1983».

[2]) Пропуск в подлиннике.

стремятся к объединению его с верхнеудинским с целью образования буферного государства.

Дополнительные подробности сообщаются в сегодняшних телеграммах нашего военного агента генералу Миллеру.

Нератов — послу.

Константинополь. 9 октября 1920 г. № 947.

Горлов телеграфирует за № 196 от 6 октября.

(Шифр.) Савинков просит передать генералу Врангелю.

Нота украинского правительства, вызванная приездом в Крым Маркотуна, Могилянского, Гербеля, Кистяковского, крайне осложнила положение. В приезде этом, а также в приезде Гурко, Коковцова, Вышнеградского и других украинцы усматривают отклонение от начал, изложенных в декларации Струве от 20 июня, в сторону политики Деникина в национальном вопросе и указания на определенно монархическое направление вашего правительства. Последствия украинской ноты могут быть весьма вредными. Неверие украинского правительства начинают разделять Эстония и Латвия; их примеру, без сомнения, последуют и другие отделившиеся народности. Кроме того из беседы моей сего 1 октября с Пилсудским выяснилось, что в глазах его отсутствие соглашения между вами и Петлюрой является непреодолимым препятствием для группировки 3-й русской армии на правом фланге польской, как вы того желаете. О вышеизложенном считаю долгом доложить. Полагал бы совершенно необходимым для польско-русского соглашения и для успеха борьбы против большевиков полное осуществление всех пунктов декларации Струве. Приношу свою искреннюю благодарность за телеграмму вашу от 21 сентября № 1268. Савинков. № 625.

Саблин — Нератову.

Лондон. 10 октября 1920 г. № 547.

Для Севастополя.

(Шифр.) Под влиянием внутренних потрясений в результате поражений на польском и южных фронтах, а также при наличии серьезных указаний, что Красные армии начинают разлагаться, большевики согласились на польские условия, и подписание перемирия — вопрос дней. Троцкий продолжает настаивать на необходимости покончить с Врангелем и Петлюрой. Английское правительство ободрилось и послало в Москву новую ноту с требованием освобождения своих пленных в Баку и прекращения пропаганды на

востоке. В зависимости от ответа будет разрешен вопрос о товарообмене. С другой стороны, по поводу торгового соглашения с Советской Россией уже начали поступать весьма энергичные протесты со стороны английских торговых кругов. Совет объединенных британских торговых палат созвал немедленно совещание, которое единогласно вынесло нижеследующую резолюцию: «Принимая во внимание, что соблюдение доброй совести и святости принятых на себя обязательств составляет основу всякого общения между людьми — как торгового, так и политического и социального, — Совет объединенных британских торговых палат доводит до сведения правительства, что соглашение, заключенное между английским правительством и русскими властями, не может иметь поддержки представителей английской торговли и промышленности, если соглашение это не обусловливает признания со стороны России всей русской задолженности до войны, включая все государственные, муниципальные и частные долги». — Большинство органов английской печати с большой энергией указывает на настоятельную необходимость поддержания принципа ненарушимости существующих обязательств, как главной основы всей кредитной системы, — и можно думать, что хор протестующих голосов значительно усилится в ближайшие дни и окажет весьма серьезное влияние на ход дальнейших переговоров с советскими представителями. — Пользуюсь случаем, чтобы напомнить о заявленном нашим южным правительством намерении полного признания и удовлетворения обязательств, заключенных законным правительством России. — Советские представители здесь уже оценили, повидимому, неблагоприятное впечатление, произведенное упомянутым проектом соглашения с ними, и прилагают усилия к тому, чтобы доказать англичанам его приемлемость и выгодность. Так, например, они указывают на то, что пунктом 8-м соглашения отнюдь не исключается возможность признания всей русской задолженности, за исключением лишь долгов союзным правительствам за военные кредиты. Подобная уступчивость заметно отличается от прежнего самоуверенного тона того же Красина, не говоря уже о Каменеве, и указывает на то, что советская делегация не чувствует под собой твердой почвы. С а б л и н.

Нератов — послу.

К о н с т а н т и н о п о л ь. 14 о к т я б р я 1920 г. № 965.

Татищев просит передать Струве за № 1386 от 8 октября.

Ссылаюсь на ваше письмо Гирсу от 26 августа № 1190.

(Шифр А.) Главнокомандующий приказал подтвердить о настоятельности урегулировать вопрос об установлении нормальных взаи-

моотношений между правительством Юга России и бывшими неприятельскими странами. В силу соображений, приведенных в вашем письме, мы рассчитываем, что наше намерение встретит сочувствие и поддержку. В первую очередь надлежало бы разрешить вопрос о дипломатическом представительстве в Германии, в связи с чем разрешить вопрос и об Австрии. Если окажется невозможным придать нашему представительству официальный характер, то приемлем и принцип официозного представительства.

О последующем благоволите телеграфировать.

Нератов — послу.

Константинополь. 14 октября 1920 г. № 968.

Для Струве.

Татищев просит передать за № 1374 от 5 октября.

Ссылаюсь на телеграммы Саблина №№ 53, 530 и 531.

(Шифр А.) Кривошеин поручил предупредить вас, что приглашение английских рабочих прибыть на юг России для ознакомления с положением признается пока еще преждевременным.

Секр. почтограмма росс. представителя в Константинополе — и. о. начальника упр. иностр. дел.

Пера. 1 (14) октября 1920 г. № 966.

Майор Такахаси прочел мне по-русски телеграмму из Токио в следующем смысле:

«Генерал Семенов, одушевленный общим с местным населением настроением борьбы против большевиков, объявил о признании им власти правителя Юга генерала Врангеля, от коего он испрашивает указаний по вопросам политическим, дипломатическим и пр. Состоящие под его начальством войска расположены в Забайкальской и Уссурийской областях, а также в Северной Монголии».

Копию этой телеграммы майор Такахаси предполагал отправить с завтрашним пароходом в Севастополь.

Кроме того он сообщил мне, что генерал Лохвицкий, уволенный Семеновым в отставку и проживающий в Харбине, утверждает, что он назначен генералом Врангелем командующим русскими войсками. Майор Такахаси прибавил,—повидимому, по указанию своего правительства,—что раздвоение военной власти на Дальнем Востоке неизбежно отразится пагубно на нашем деле. Он интересовался знать, был ли отдан главнокомандующим приказ о назначении Лохвицкого.

Должен ли я что-нибудь ответить ему?

Такахаси предполагает выехать в Севастополь 10 (23) октября. Нератов.

Нератов — послу.

Константинополь. 14 октября 1920 г. № 974.

Татищев телеграфирует Струве за № 450 от 2 октября.

Прошу передать Бахметеву.

(Шифр.) До нас повторно доходят слухи о предстоящем будто бы с 1 января отозвании с юга России миссии американского «Красного креста».

Чрезвычайно успешная и широкая помощь, оказываемая этим учреждением гражданскому населению юга России, высоко ценится правителем и главнокомандующим.

Благоволите поэтому принять все зависящие от вас меры, дабы сохранить здесь эту миссию. Если бы для этого необходимо было официальное обращение со стороны правительства Юга России, то благоволите сделать это сами от лица правительства, либо телеграфировать, от кого и к кому оно должно быть обращено.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 октября 1920 г. № 978.

Для Струве.

Татищев просит передать Бахметеву за № 454 от 4 октября. Ссылаюсь на вашу телеграмму от 16 сентября.

(Шифр.) Благоволите выяснить, не можем ли мы получить долгосрочный кредит для закупки в С.-А. С. Штатах железнодорожных материалов и товаров от «First Federal Foreign Banking Association», которая на основании «эдж-акт» имеет возможность давать экспортный кредит под залог недвижимостей, которыми в нашем случае явились бы железные дороги и государственные имения юга России, а также, быть может, частные имущества, с согласия владельцев.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 15 октября 1920 г. № 370.

(Шифр А.) В газетах напечатано полуофициозное сообщение, что американское правительство не признает силы за рижским договором, так как отрицает право большевиков распоряжаться русской территорией. Я настойчиво добиваюсь в государственном департаменте соответствующей декларации. Не найдете ли возможным телеграфировать, какова позиция, занятая вами в этом вопросе?

Саблин — послу.

Лондон. 15 октября 1920 г. № 554.

Для Струве.

Лично.

(Шифр.) Не откажите доверительно сообщить, что вам известно относительно роли за последнее время г. Аладьина на юге России и отношения к нему генерала Врангеля. Тоже относительно состава и дееспособности «Крестьянского союза», отношений его к правительству и фактической возможности для него поставлять крупные партии зерна за границу. Выступления Аладьина здешние приносят пользу в смысле поднятия общего духа, но предварительно приступления к деловым переговорам с англичанами необходимо было бы иметь более авторитетное заявление нашего правительства о юридической и фактической осуществимости его планов.

Нератов — Поклевскому в Бухарест.

Константинополь. 16 октября 1920 г. № 981.

Татищев телеграфирует от 12 октября № 1401.

Копия генералу Геруа.

В связи с заключением польско-большевистского перемирия благоволите срочно сообщить, что предполагает сделать армия Омельяновича-Павленко. Сведения эти необходимы для принятия дальнейших стратегических решений главнокомандующего. Нератов.

Нератов — послу.

Константинополь. 16 октября 1920 г. № 982.

Для Струве.

Татищев просит передать за № 1402.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Главнокомандующий телеграфирует с фронта:

«Советские и германские радиосводки сообщают о последовавшем в Риге подписании условий перемирия. Для принятия в связи с этим дальнейших стратегических решений, необходимо самым срочным порядком получить нижеследующие сведения:

1) Заключено ли действительно перемирие?

2) Если заключено, то на каких условиях?

3) Обеспечено ли заключение мира или же возможно продолжение военных действий и насколько последние вероятны?

4) Когда предполагается начать переговоры о мире?

5) Насколько вероятно в связи с заключением перемирия продолжение формирования третьей русской армии?

6) Предусмотрены ли условиями перемирия какие-либо вопросы, связанные с формированием и действиями третьей русской армии?

7) Можно ли рассчитывать, по прекращении военных действий, на продолжение помощи третьей русской армии довольствием и деньгами, вооружением, боевыми припасами и обмундированием?

8) Что предполагает сделать Омельянович-Павленко?

Разрешение этих вопросов необходимо в самый короткий срок».

Благоволите сообщить срочным порядком имеющиеся у вас о сем сведения.

Прошу сообщить генералу Миллеру.

Тождественная Горлову с копией генералу Махрову.

Саблин — Нератову.

Лондон. 16 октября 1920 г. № 557.

Прошу передать в Севастополь.

(Шифр.) Здешней печатью распространяются слухи, будто бы Махно перешел со всеми своими силами на сторону большевиков. Прошу разъяснения относительно истинного положения вещей, дабы я мог энергично опровергнуть помянутые слухи в случае их полной необоснованности. Саблин.

Нератов — Татищеву в Севастополь.

Константинополь. 17 октября 1920 г. № 985.

Радио.

Горлов телеграфирует от 14 октября.

Прелиминарные условия между поляками и большевиками подписаны 12 октября. Прекращение военных действий начнется 18-го. Повторяю: восемнадцатого октября. Нератов.

Саблин — послу.

Лондон. 18 октября 1920 г. № 564.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Прошу разрешения немедленно опровергнуть следующие сообщения, появившиеся в печати:

1) что генерал Вейгас (Вейган?), во главе четырех бригад французских войск, посылается в Крым. Красин указывает, что посылаемые Францией войска — чернокожие;

2) что в Крыму находятся (брать)я Михаил и Николай.

Нератов — послу.

Константинополь. 19 октября 1920 г. № 997.

Татищев просит передать Струве за № 1440 от 15 октября.

(Шифр.) Благоволите передать российским представителям и сообщить прессе:

«Правителем и главнокомандующим получена следующая телеграмма атамана Семенова из Мукдена от 22 сентября с. г.: 20 сентября я официально объявил о моем подчинении вашему правительству, как всероссийскому. Оставаясь во главе краевого правительства Востока России, главнокомандующим армией и атаманом, избранным казачеством и местным населением, испрашиваю политических инструкций».

Нератов — послу.

Константинополь. 21 октября 1920 г. № 1006.

Для Струве. *Срочно.*

Татищев просит передать за № 1419 от 14 октября (получена в Константинополе 21 октября).

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) По сведениям с фронта, намеченная главнокомандующим операция протекает с полным успехом. Первая армия нанесла красным сильный удар, разгромив 4 дивизии красных и уничтожив почти полностью дивизию матросов. Вторая армия форсировала Днепр и последовательными ударами разгромила 2 пехотных дивизии и нанесла поражение второй конной советской армии. Захвачены большие трофеи, взято свыше 11 000 пленных и до 30 орудий. Исход операции ясен — разгром 6-й, 13-й и 2-й конной армии обеспечен. Сопротивление красных полков слабеет, лишь конница до некоторой степени сохраняет боеспособность. Ощущается у красных недостаток вооружения и боевых припасов, особенно ружей. Взятые пленные красноармейцы представляют в большинстве прекрасный контингент пополнения. Армия, имея отличные кадры, может приступить к развертыванию, что однако задерживается недостатком обмундирования, снаряжения и вооружения. Если все это будет предоставлено нам с Запада в срочном порядке до переброски значительно превосходных сил красных с польского фронта, то и в единоборстве с большевиками мы надеемся одолеть их. Как сведения из Европы, так и советская пресса подчеркивают невозможность для красных ведения зимней кампании. Лишение же их каменноугольного бассейна, по их словам, ставит Советскую Россию в безвыходное положение.

Все это заставляет нас принять исключительные меры к получению из-за границы всего нам необходимого для развертывания армии и поторопиться формированием 3-й армии в Польше. Главнокомандующий приказал немедленно же войти в сношение с французским правительством, осветив полностью обстановку, и просить помощи в обмундировании и оружием в кредит. Все дело — в спешности. Если нам дадут необходимое, то, при наших прекрасных кадрах, мы сможем в кратчайший срок увеличить армии вдвое, а этого достаточно для полного успеха. Благоволите принять срочно все доступные вам меры, чтобы добиться от французов всего нам необходимого. Со своей стороны мы будем настаивать перед генералом Бруссо, прибывающим сюда послезавтра вместе с адмиралом де-Бон. Кривошеин.

Нератов — послу.

Константинополь. 22 октября 1920 г. № 1011.

Для Струве.

Татищев просит передать за № 1488 от 14 октября, получена в Константинополе 21 октября, копия генералу Миллеру.

(Шифр.) Главнокомандующий просит срочно сообщить, имеют ли основание появившиеся в наших газетах статьи о непрочности Советской власти, о начинающихся массовых забастовках и о разложении, увеличивающемся в красных войсках. Что же касается до красных частей на нашем фронте, то разложение в них незаметно. Лишь уменьшилась их боеспособность.

Копия в Варшаву.

Лютш — посольству.

23 октября 1920 г. № [?].

(Лат. б.) Хорват просит передать генералу Врангелю.

Мы, представители армии и общественности на Дальнем Востоке, представляем вам картину положения. После падения правительства Колчака на Дальнем Востоке единой власти нет. Пять областей края различны в своей политической власти. В Приморской области, где продолжается японская интервенция, власть социалистическо-коммунистическая, тяготеющая к Советской России, вынуждаема обстановкой маскироваться, якобы, искренним желанием коалиции с цензовыми элементами. В Амурской области, в Нерчинске (?), в Сретенске (?) [1]) власть большевистская местного характера, всецело опирающаяся на Советскую Россию. То же на Камчатке в Николаевске. Сахалин занят японцами. В западном Забайкальи

[1]) Вопросы в подлиннике.

власть принадлежит левым социалистам и коммунистам, неразрывно связанным с Советской Россией, но заявляющим о своем стремлении создать на Дальнем Востоке самостоятельное буферное государство с центром в Верхнеудинске. В юго-восточном Забайкалье власть фактически принадлежит атаману Семенову, который, согласно акта Колчака от 4 января, принял от него полноту гражданской и военной власти на Дальне-Восточной окраине впредь до распоряжений генерала Деникина, ныне преемственно ваших. Семенов, не дождавшись ваших указаний, вошел в переговоры с социалистами-коммунистами и передал гражданскую власть Читинскому Областному Народному собранию с преобладающим социалистическим составом, чем внес смущение в ряды армии и, в связи с его прошлой незакономерной деятельностью, вызвал недоверие к себе антибольшевистских группировок и отрицательное отношение многих представителей союзных стран. Стремление некоторых групп, возникшее под влиянием японского командования, объединить все указанные правительства в самостоятельное буферное государство с республиканско-демократическим строем, с допуском в состав правительства всех партий, до коммунистов включительно, пока определенных результатов не дало, по существу своему и по заключающемуся в нем противоречию едва ли может дать положительные результаты. Настроение крестьян и казаков края небольшевистское, но восстановленное против власти системою управления в минувшие годы Семенова, Калмыкова, Розанова и их сподвижников. Во всех областях несоциалистические цензовые элементы весьма значительны, но не сплоченные и в связи с отсутствием объединяющего центра, желают единовластия, основанного на провозглашенных вами принципах. В крае, равно в полосе отчуждения Китайской железной дороги, много преданных родине солдат, офицеров, стремящихся принять участие в борьбе с большевиками, не могут быть сведены в войсковые части за отсутствием средств и вынуждены оставаться пока на частных службах. Во всех областях экономическое положение в критическом состоянии, денежное обращение в крайнем расстройстве, общего всем областям денежного знака нет, золотой рубль стоит двести тысяч читинских семеновских рублей, около двух тысяч владивостокских. Поэтому все власти крайне слабы, идут к естественному умиранию. Армия, пришедшая..... [1]) Забайкалье, около двадцати тысяч человек, номинально в подчинении Семенову, не разделяющая его политических приемов, желает быть частью вашей армии. Политическая обстановка настоящего момента и соглашение, заключенное японским командо-

[1]) Пропуск в подлиннике.

ванием с верхнеудинской и амурской властями, парализовали активность этой армии, но когда существующие социалистические образования власти неизбежно развалятся, население, несомненно, обратится к идее твердой власти, опорой которой явится тогда армия (шифр К) [1]). Месячная потребность армии — около двух миллионов золотых рублей, средствами обеспечена на четыре месяца. Кроме названной армии в распоряжении Семенова имеются лишь незначительные и ненадежные воинские части, главным образом бурят и монголов. У приморского правительства собственных регулярных войск нет; благодаря присутствию японских войск партизаны и коммунисты деятельности не проявляют. В Амурской области и северном Забайкальи работают сильные партизанские большевистские отряды. В западном Забайкальи, Верхнеудинске имеются довольно сильные регулярные военные части, состоящие из местных формирований и скрывающихся в них частей 30-й и 35-й дивизий Советской России. Такое положение Дальнего Востока требует вашего вмешательства. Для объединения действий всех элементов, признающих вас главой общегосударственной власти, необходимо присутствие на Дальнем Востоке вашего представителя, который, не выявляя пока административных функций, дабы избежать активной борьбы с существующими, но умирающими организациями власти и не брать на себя разрешения их финансово-экономических затруднений, являлся бы проводником объявленных вами государственных начал и центром группирующихся здесь вокруг вашего имени элементов для выполнения ваших предначертаний. Ходатайствуем о немедленном назначении такового вашего представителя и снабжении его необходимыми полномочиями для сношения с вашими различными организациями, местными иностранными представителями и для разрешения вопросов, возникающих в связи с пребыванием в Забайкальи вышеупомянутой части вашей армии, как отдельной от местных войск, подчиненных атаману Семенову.

Генерал Хорват, генерал Дитерихс, представитель командарма генерала Лохвицкого председатель Восточного государственного объединения Степан Востротин.

Нератов — послу.

Константинополь. 25 октября 1920 г.

20 октября граф Мариель, принятый Врангелем, обратился к нему со следующими словами:

---

[1]) Так в подлиннике.

«Возлагая на меня обязанность представителя французской республики, мое правительство имело целью подчеркнуть значение, которое оно придает традиционному франко-русскому союзу и дружбе. Мы никогда не забудем услуг, оказанных нам Россией в начале войны во время вторжения немцев во Францию. Мы знаем, что ответственность за Брест-Литовский мир падает на горсть изменников. Франция никогда не вступила бы в переговоры с большевиками, которые поставили себя вне международных законов. Франция решительно становится на сторону поборников порядка, свободы и справедливости и поэтому приветствует ваше демократическое правительство, относящееся с уважением к национальным меньшинствам и опирающееся на национальную армию. Франция, потерпевшая большие убытки, решила оказать вам полную моральную поддержку и материальную помощь в возможных границах. Вы знаете позицию Мильерана по отношению к России и слова, сказанные в парламенте Лейгом по этому вопросу. Являясь представителем моего правительства и в качестве друга русского народа, я готов предложить вашему превосходительству дружеское сотрудничество и искреннюю помощь».

Поклевский — Гирсу.

Бухарест. 25 октября 1920 г. № 65.

Радио.

Я телеграфирую в Константинополь (от 20 октября).

(Шифр А.) 20 октября меня посетил впервые здешний украинский представитель Мацеевич и сообщил, что украинское правительство признает необходимым заключить с правительством Юга России одновременно с военной конвенцией и политическое соглашение. Последнее должно состоять из следующих пунктов: 1) признание правительства Петлюры правительством Украины и 2) признание прав Украины на самоопределение, т. е. обещание признать решение будущего Украинского Учредительного собрания относительно судьбы Украины. Вопросы о границах Украины, об экономических отношениях между Россией и Украиной и о времени созыва Украинского Учред. собрания могут быть оставлены для будущих переговоров.

Я заявил, что у меня нет полномочий для ведения подобных переговоров, причем выразил сожаление, что украинское правительство, выдвигая политические вопросы, осложняет переговоры о военной конвенции, притом в такую минуту, когда скорейшая координация действий русской и украинской армий подсказывается интересами обеих стран. Мой собеседник просил меня довести его предложение до сведения главнокомандующего и пояснил, что после заклю-

чения Польшей и Советской Россией прелиминарного мира, коим признается независимость Украины, выставление того же лозунга при объединении усилий русской и украинской армий явилось совершенно необходимым, ибо без этого будто бы невозможно воодушевить украинское население для дальнейшей борьбы с большевиками. Он добавил, что будущие события могут изменить стремления и настроение украинского народа, но что теперь признание самостийности Украины является требованием момента, которое, к тому же, лишь усилит популярность главнокомандующего на юге России.

Я указал, что обмен телеграмм с Крымом и Парижем потребует много времени, между тем как обстоятельства требуют немедленного сообразования действий наших и украинских армий. Мацеевич вполне согласился с последним мнением и высказал предположение, что фактическая кооперация обеих армий начнется теперь же, не ожидая результатов переговоров по возбужденному им вопросу.

Подробности курьером. Прошу указаний.

Крупенский — посольству.

Токио. 26 октября 1920 г. № 314.

(Шифр.) Я лишь теперь узнал о посланной вам чрез наше консульство в Сеуле телеграмме Хорвата, Дитерихса и Востротина. Считаю долгом со своей стороны высказаться, что, верно характеризуя отдельные областные правительства, она дает неправильное освещение положения, занятого Семеновым и Забайкальской армией, и, очевидно, составлена под влиянием элементов, агитирующих в Харбине против Семенова из личных соображений. Деятельность первых грозит разложением армии, являющейся при все увеличивающемся хаосе последним оплотом против большевизма на Дальнем Востоке. Сведения, продолжавшие поступать за последнее время из-за Байкала, прямо подтверждают ту картину положения, которая дана в телеграммах как моих, так и военного агента.

Горлов — Нератову в Константинополь.

Варшава. 26 октября 1920 г. № 215.

Для Татищева. — Телеграмма № 1408 получена.

(Шифр А.) Газеты полны сообщениями, в частности, из Гельсингфорса, о возмущениях в России против Советской власти. Были известия о занятии Кремля восставшими, что было опровергнуто. Все возрастающее брожение несомненно, но, по мнению здешних

официальных сфер, слухи преувеличены, и едва ли можно ожидать в ближайшее время свержения Советской власти. Разложение красных частей на польском фронте несомненно. Это мне подтвердил военный министр. Он сказал, что Буденный не изменил красным, он реорганизует свою кавалерию, и следует ожидать его появления на южно-русском фронте, однако с силами значительно сокращенными. Горлов.

Шмурло — послу [1]).

Токио. 29 октября 1920 г.

Просим передать Врангелю.

Осведомившись с телеграммой, посланной Врангелю Хорватом, Дитерихсом, Востротиным, Совет Русского Комитета в Японии считает долгом указать, что оценка деятельности Семенова в этой телеграмме не отвечает сложившейся обстановке и условиям борьбы данного момента, требующего поддержки Семенова. 20 октября.

Генералы Романовский и Калишевский, Конситер (?), Колокольников. Шмурло.

Нератов — послу.

Константинополь. 31 октября 1920 г. № 1053.

Татищев за № 1502 просит передать Струве.

Телеграфирую в Бухарест.

Получил вашу телеграмму № 65.

(Шифр А.) По вопросу о соглашении с украинцами сообщаю.

Главнокомандующий считает, что создавшаяся грозная обстановка повелительно требует немедленного согласования действий всех вооруженных сил, борющихся против большевиков. Поэтому в первую очередь необходимо заключение между русской и украинской армиями военной конвенции, в частности — обеспечить украинским силам нашу поддержку.

Что же касается соглашения политического, то главнокомандующий выражает готовность итти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении. Единственным условием является только признание власти

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 1 ноября 1920 г.», — «Вх. № 2169», — «Д. 24. Сиб.»

главнокомандующего над всеми вооруженными силами и обеспечение общегосударственных интересов.

Подобное политическое соглашение могло бы ныне же быть заключено от имени русской армии с командованием украинской армии, исходя приблизительно из основных начал, на которых построено соглашение с казачьими образованиями 22 августа — 4 сентября. Впредь до определения границ Украины размежевание могло бы быть произведено на основании стратегических соображений.

Нератов — послу.

Константинополь. 5 ноября 1920 г. № 3006.

(Лат. б.) Заключив мир с Польшей и освободив там свои войска, большевики сосредоточили против нас пять армий, расположив их в трех группах у Каховки, Никополя и Полог, и к началу наступления общая численность их достигала свыше ста тысяч бойцов, из коих четверть составляла кавалерия. Армию с севера и северо-востока красное командование решило главными силами обрушиться на наш левый фланг и бросить со стороны Каховки массу конницы в направлении на Громовку и Салково, чтобы отрезать русскую армию от перешейка свободный доступ Крым [1]). Учтя создавшуюся обстановку, русская армия произвела перегруппировку. Первая конная армия противника с латышскими и другими пехотными частями, численностью более десяти тысяч сабель и десяти тысяч штыков, обрушилась из Каховского плацдарма к востоку и юго-востоку, направив до шести тысяч конницы на Салково. Заслонившись с севера частью, мы сосредоточили ударную группу и, обрушившись на прорвавшуюся конницу красных, прижали ее к Сивашу; при этом славными частями генерала Кутепова уничтожены полностью два полка латышской дивизии, захвачено 15 орудий и масса пулеметов; донцами взято 2 полка и захвачено 15 орудий, много оружия и пулеметов. Однако подавляющее превосходство сил, в особенности конницы, подтянутых противником к полю сражения в количестве до 25 000 коней, в течение пяти дней атаковавшей армию с трех сторон, заставили главнокомандующего принять решение отвести армию на заблаговременно укрепленную Сиваше-Перекопскую позицию, дающую все выгоды обороны. Непрерывные удары, наносимые нашей армией в истекших боях, сопровождавшиеся уничтожением значительной части прорвавшейся в наш тыл конницы Буденного, дали

[1]) Так в подлиннике.

армии возможность почти без потерь отойти на укрепленную позицию. При оставлении Никополя нами оставлено из железнодорожного имущества 3 исправных паровоза и 2 негодных.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1114.

Срочно.

Для Струве.

Я телеграфирую Демидову.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Главнокомандующим принято решение вывезти в ближайшее время из Крыма раненых офицеров, их семьи, гражданских чинов с семьями. Мы были бы крайне признательны, если бы греческое правительство согласилось принять на свою территорию хотя бы часть подлежащих эвакуации. Приложите к тому все усилия, доведите о нашей просьбе до сведения королевы Ольги Константиновны, усердно прося ее поддержки. Равным образом, надеемся на согласие греческого правительства на пропуск других эвакуируемых через Салоники в Сербию. По словам здешнего английского комиссара, пропуск беженцев с Лемноса кончился, перевозка же с Кипра и Египта задержана на некоторое время. Прошу немедленного срочного ответа.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1116.

Срочно.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) По мнению прибывшего сюда Штрандтмана, время для эвакуации из Крыма в королевство С. Х. С. отвратительно [1]) вследствие предстоящих выборов в учредительную скупщину. Его переговоры по этому поводу в Белграде, куда он немедленно возвращается, могут быть облегчены обещанием Франции обеспечить содержание новых, до десяти тысяч, беженцев, по примеру Англии, ассигновав пока на 6 месяцев, по расчету 600 динаров на человека в месяц, беженцам, переводимым в С. Х. С. с Лемноса, Кипра и Египта.

Кроме того желательно побудить англичан не переводить наших беженцев с Кипра и Египта и согласиться на их место направить в С. Х. С. до восьми тысяч из Крыма. Лемносские уже переведены.

Прошу сообщить результат мне и Штрандтману в Белград.

[1]) Так в подлиннике.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1121.

Срочно.

Для Струве.

Прошу расшифровать в первую очередь.

№ 1.

(Шифр А.) Кривошеин просит передать.

Прибыл сюда для постановки дела эвакуации из Крыма. В ближайшие дни ожидается прибытие сюда примерно до 5 000 раненых, из коих около 3 000 уже посажены на суда. Необходимы спешные сношения с французским и английским правительствами и «Красными крестами», в первую голову с американским, во-первых, для избрания пункта для размещения раненых, во-вторых, для обеспечения содержания и медицинского ухода за ними. О результатах сношений срочно телеграфируйте.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1122.

Срочно.

Для Струве.

№ 3.

(Шифр А.) Кривошеин, прибывший сюда для устройства эвакуации, просит передать.

Подтверждаю все телеграммы по этому вопросу Нератова и, в дополнение, от имени главнокомандующего поручаю вам передать французскому правительству, что он просит Францию принять на себя спасение жизни нескольких десятков тысяч людей, борющихся за общее дело против тирании и беззакония и ныне лишенных родины и крова. Он надеется, что в пределах Франции окажется возможным дать не только приют для беженцев, но и пристанище для армии, как то было сделано для сербов в Корфу. Кроме того генерал Врангель надеется, что Франция окажет нам свое энергичное содействие к размещению остальных беженцев в других странах, указанных Нератовым. Предложите Бахметеву и Миллеру в Токио срочно перевести возможно большую сумму на содержание беженцев. Перевод должен быть сделан в условиях, обеспечивающих действительное получение денег.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1123.

Срочно.

Для Струве.

№ 4.

(Шифр А.) Де-Робек настаивает перед своим правительством на разрешении ему во имя человеколюбия содействовать английскими

судами эвакуации Крыма, предполагая, в случае удовлетворительного ответа, направить эвакуируемых в Египет. Прошу возможно энергичнее поддержать настояние Де-Робека и ходатайствовать перед английским правительством о том, чтобы содержание в Египте не осуществлялось за счет денег, ассигнованных уже англичанами на содержание беженцев в Сербии. Кривошеин.

Нератов — послу.

Константинополь. 13 ноября 1920 г. № 1124.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Постоянно прибывают из Севастополя на миноносцах и других судах наши беженцы и иностранцы. Возможность удержать натиск большевиков исключается. Занятие ими Севастополя неминуемо в ближайшие дни. 3 000 раненых посажены на суда. Наличные суда могут принять до 30 000 человек. Опубликовано правительственное сообщение об эвакуации с призывом к населению не стремиться к выезду тем, кто не подвергается сейчас жизненной опасности. Необходима немедленная помощь в перевозке и вспомоществовании беженцам. Де-Робек получил предписание сохранять нейтралитет и поэтому лишен возможности оказать сколько-нибудь существенную помощь. Ссылаясь на наши заявления, он продолжает настаивать перед английским правительством, взывая к гуманным чувствам правительства и самого короля. Предпринимайте все возможное для участи эвакуируемых. Кривошеин.

Копия в Вашингтон.

Нератов — послу.

Константинополь. 13 ноября 1920 г. № 1125.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Адмирал Бристоль, помимо сообщений своих американскому правительству о безнадежности сопротивления в Крыму и неизбежности срочной эвакуации оттуда, обратился с горячим призывом к американскому «Красному кресту» в Париже притти на помощь лишенным крова и средств к пропитанию эвакуированным.

Он считает полезным, чтобы вы вошли в личные сношения с главными руководителями Красно-крестной американской организации в тех же целях. Со дня на день ожидаем прибытия большого числа беженцев, поместить коих в Константинополе, по общим отзывам здешних комиссаров, нет физической возможности.

Необходимо иметь в виду, что здесь нет возможности рассчитывать на местную иностранную помощь вследствие ликвидации лагерей и отсутствия денежных средств. Скорейшее содействие иностранных гуманитарных организаций требуется в самом срочном порядке. О ваших шагах прошу сообщить в самом срочном порядке. К р и в о ш е и н.

Копия в Вашингтон.

Нератов — послу.

К о н с т а н т и н о п о л ь. 13 н о я б р я 1920 г. № 1126.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Внезапно разразившаяся в Крыму катастрофа побуждает нас обратиться ко всем цивилизованным странам с призывом притти на помощь крымским беженцам. Адмирал Бристоль полагает, что американские гуманитарные организации могли бы оказать серьезную помощь как деньгами, так и вещами. Примите всяческие меры в этом направлении, обратитесь к американскому общественному мнению и печати путями, наиболее, по вашему, действительными. Прошу срочного ответа Нератову. К р и в о ш е и н.

Копия в Вашингтон.

Нератов — послу.

К о н с т а н т и н о п о л ь. 15 н о я б р я 1920 г. № 1130.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр А.) Деферанс сообщает нам, что французское правительство желало бы направить эвакуируемую нашу армию в Лемнос из Крыма. В случае отказа англичан намечают для этой цели Галлипольский полуостров. Полагал бы, что выбор Галлиполи, ввиду безотрадности местной обстановки и условий, может, особенно в случае продолжительного срока интернирования, вызвать среди наших войск и особенно офицерского состава глубокое недовольство французским отношением. Этот нормальный фактор мог бы иметь нежелательные политические последствия в будущем в деле установления... [1]) в глазах будущего общественного мнения... [1]) ценной поддержки, оказанной Францией в русскую безысходную минуту.

Не считаете ли возможным, если разделяете этот взгляд, указать французскому правительству на преимущество избрания для интернирования в более культурных и менее суровых условиях на французской территории, например, на Алжирском или Тунисском побережье? К р и в о ш е и н.

[1]) Пропуски в подлиннике.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 ноября 1920 г. № 1131.

Я телеграфирую в Белград, Софию, Бухарест, Афины.

(Шифр А.) Французский верховный комиссар сообщает, что французское правительство предприняло энергичные шаги для побуждения сербского, греческого, румынского и болгарского правительств принять на свою территорию русских гражданских беженцев из Крыма, исчисляемых в общей цифре 20 000 человек. Французское правительство принимает на себя издержки по водворению, размещению и содержанию этих беженцев. Условия размещения беженцев, повидимому, еще не намечены. В частности, мне не указано, предполагается ли организовать беженские концентрационные лагери. Последняя форма является, казалось бы, в моральном отношении наиболее тяжелой, особенно ввиду состава большинства беженцев. Полагаю, что с нашей точки зрения предпочтительно исходить из порядка, существовавшего до сих пор в Сербии.

Приложите усилия, чтобы быть в курсе шагов, предпринимаемых французским представителем по этому вопросу и быть в тесном с ним общении.

Благоволите спешно рассмотреть оценку возможностей размещения беженцев и держать нас в курсе этого дела.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 ноября 1920 г. № 1133.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр А.) Доверительно. — По нашим сведениям, общая цифра гражданских беженцев может превзойти 20 000. В связи с этим крайне необходимо выяснить возможность привлечь и Венгрию к приему наших беженцев, но, само собой разумеется, не иначе как при согласии и содействии Франции. Кривошеин.

Нелидов — Гирсу.

Брюссель. 16 ноября 1920 г. № [?].

Получил вашу телеграмму № 1714.

(Шифр.) Ввиду министерского кризиса посетил генерального секретаря министерства и передал ему убедительную просьбу о всяческом содействии эвакуации из Крыма и дальнейшей помощи беженцам. Он обещал немедленно сообщить министру и выслать соответ-

ствующие указания посланникам в Константинополе, Румынии и Болгарии и консулам... ... [1]), но оговорил крайнюю ограниченность в средствах содействия, коими располагает Бельгия в тех краях.

Нератов — послу.

Константинополь. 18 ноября 1920 г. № 1142.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр А.) Общее количество беженцев около 100 тысяч, из коих 60 000 военных. Местами назначения для войсковых частей намечены пока только для 20 тысяч Лемнос, уже переданный англичанам и французам, и для 40 тысяч — Сербия, по предложению последней, при условии направления на Каттаро. Раненые и больные, в количестве до семи тысяч, останутся, вероятно, здесь. Румыния примет до 4 тысяч гражданских беженцев, Сербия — от 10 до 15 тысяч. Необходимы настойчивые усилия для размещения остальных в Болгарии, Турции и Венгрии, особенно на Корфу. Очень просим разрешения направлять беженцев и во французские владения, где многие могли бы устроиться на собственные средства. Англичане препятствуют высадке здесь, оставление на судах грозит эпидемиями и беспорядками на почве скученности и недостатка продовольственных средств.

Положение принимает критический характер. Приложите самые энергические усилия для разгрузки изложенным способом Константинопольского рейда. Просим срочных решений, в частности, о содействии к направлению в Сербию 40 000 войск.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Из истории борьбы с аграрным движением 1905—1906 гг.

О причинах возникновения и развития крестьянских массовых беспорядков и о мерах к их предупреждению и подавлению [1]).

Наши крестьянские волнения в основе направлены на присвоение земли, а не против личности помещиков. Отдельные случаи нападения на помещиков или управляющих объясняются сильным раздражением против некоторых особенно грубых и скаредных лиц, иногда опьянением, а нередко и озлоблением за стрельбу в толпу со стороны помещиков и их служащих.

Добродушный в общем характер русского народа (я не касаюсь окраин) делает наши волнения отнюдь не похожими на французские «жакерии» XVIII века. При особом же устрашении крестьян военным судом за чисто имущественные массовые преступления можно с вероятностью предположить, что за виселицами с повешенными крестьянами последуют насилия и убийства помещиков, которые могут заставить вспомнить ужасы Пугачевского бунта.

Для успешного преследования виновных по делам об аграрных массовых беспорядках следовало бы несколько изменить и дополнить некоторые соответствующие статьи уложения и устава о наказаниях.

Когда в начале восьмидесятых годов впервые начались антиеврейские погромы, то наше уголовное законодательство, не заключавшее в себе соответствующих карательных статей о преступлениях толпы (скопища), было застигнуто, так сказать, врасплох.

Тогда была извлечена из проекта комиссии по составлению нового уголовного уложения особая статья, предусматривающая преступные скопища, вошедшая ныне в виде 269 [1] ст. улож. наказ. в действующее законодательство. Статья эта является в нашем уголовном законе единственной и специальной статьей, предусматривающей преступления скопища. Она и применяется при преследовании виновных за массовые беспорядки.

---

[1]) Записка С. С. Хрулева (продолжение), см. «Красный архив», т. II (39), стр. 76—107.

Однако в настоящее время статья эта, как показывает практика, не исчерпывает всех проявлений действительной жизни, которая создает такие формы преступлений, учиняемых скопищем, которые не укладываются даже на «прокрустовом ложе» нашей кассационной практики в разъяснении этой статьи [1]).

Например, весьма часты случаи не только «насилия над личностью», но угроз и психического принуждения над личностью владельца, его служащих или рабочих. Скопище само по себе такая сила, что ему нет надобности в физическом насилии; угроза и психическое насилие уже представляют явную опасность для угрожаемых и достигают той же цели. Затем возникает вопрос, следует ли под повреждением имущества разуметь также истребление его огнем, потоплением, взрывом, если индивидуальные виновники этих действий будут установлены. Вопрос этот не разрешен правительствующим сенатом, и практика судебных мест колеблется. С своей стороны, я прихожу к выводу о необходимости при истреблении имущества посредством огня, потопления или взрыва преследовать индивидуальных виновников по 1606—1621 ст. ст. улож. наказ., на прочих участников скопища по 269 [1] ст. улож. наказ.

Кроме того является вопрос, не следует ли лесопорубки, предусмотренные 155 ст. уст. наказ и преследуемые в частном порядке, преследовать, если они совершены скопищем и открыто, по 269 [1] ст. улож. наказ. Практика судебных мест решает вопрос отрицательно и без достаточных, по моему мнению, оснований.

Возникает также вопрос, не следует ли и вторжение в чужое жилище рассматривать шире, в виде вторжения в чужую усадьбу. Нередко скопище не врывается в жилой дом или другие постройки, но является насильственно на экономический двор и не уходит, несмотря на требования владельцев. Нередки затем случаи, когда скопище захватывает земли для попаса, покоса, запашки и т. д. Очевидно, здесь нет похищения имущества (движимого), а завладение землею (т. е. недвижимостью). Конечно, можно было бы подвести эти случаи под 1601 ст. улож. наказ., но, во-первых, статья 1601 не предусматривает наличности скопища, а во-вторых, требует применения насилия. Между тем в этих случаях обыкновенно не бывает физического насилия, ни сопротивления властям, так как скопище само по себе такая сила, что владельцы или их служащие и полиция ограничиваются словесны-

[1]) Ст. 269 улож. наказ. — Виновный в участии в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества или вторжение в чужое жилище или покушение на сии преступления вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной или экономических отношений...

ми протестами против захвата и не принимают никаких мер до прибытия войска, перед которым, в свою очередь, отступают крестьяне.

Что касается мотивов, входящих в состав 269 [1] ст. улож. наказ., то они не должны бы иметь исчерпывающего характера. Они даже не совпадают с текстом аналогичной 122 ст. нового уголовного уложения, где предусматривается учинение скопищем преступлений вследствие нарушающих общественное спокойствие слухов. Вспомним также, например, недавние погромы толпой жилищ проституток и публичных домов и насилий над сутенерами [1]); очевидно, эти случаи не подойдут по мотивам их совершения под 269 [1] ст. улож. наказ. Да и относительно крестьянских беспорядков нельзя не сказать, что иногда приходится с большой натяжкой применять 269 [1] ст. улож. наказ. к некоторым делам о разграблении помещичьих экономий и с трудом устанавливать наличность экономических отношений, как мотивов действий скопища. Крестьянское движение часто есть явление стихийное; поэтому, например, если в известной местности на почве экономической между крестьянами и помещиками, связанными между собою фактическими отношениями по аренде, найму и т. п., возникают недоразумения и беспорядки, сопровождающиеся повреждением или похищением имущества помещиков или вторжением в жилище, то статья 269 [1] налицо. Но весть о первом погроме быстро распространяется, и волнения обнимают целый уезд, переходят в другой уезд и даже в другую губернию. Движение принимает уже стадный, стихийный и анархический характер. Крестьяне известной местности целыми селами идут грабить в соседние местности чужого даже уезда или губернии, где у них нет и не может быть никаких экономических отношений с местными помещиками. Такие случаи, строго говоря, не подходят под 269 [1] ст. улож. наказ.

Независимо от этого во время разгрома помещичьих усадеб разбиваются толпой винные лавки или в 1902 г. была попытка разграбить город Валки, а в текущем году г. Севск.

Какие же в данном случае могут быть констатированы экономические отношения, как мотивы действий толпы? Опять эти случаи не подойдут под 269 [1] ст. улож. наказ.

Конечно, можно на это возразить, что все эти случаи надо подводить под статьи о грабеже. Но это было бы нежелательно. Не говоря уже о том, что преступная толпа имеет свою психологию и особенности и не укладывается в рамки индивидуальных преступлений, едва ли, в видах ограждения государственного и общественного порядка, было бы возможным в наше смутное время ставить эти дела на рассмо-

[1]) В Варшаве.

трение суда присяжных заседателей, среди которых в сельских местностях большинство крестьян; между тем при подведении этих преступлений не под 269 [1] ст. улож. наказ., подсудную суду судебной палаты с сословными представителями, а под общие статьи о грабеже, они подлежат рассмотрению окружного суда с участием присяжных заседателей.

Наконец, и конструкция грабежа и других преступлений, предусматривающая индивидуальную ответственность, совершенно другая, чем юридический состав преступления скопища.

Известно, что весьма трудно установить фактическую роль того или другого участника скопища; поэтому для наличности виновности в преступном скопище достаточно только установить, что известное лицо добровольно участвовало и примкнуло к скопищу, учинившему соединенными силами предусмотренные 269 [1] ст. улож. наказ. преступные действия. Для обвинения же в грабеже надо установить, что определенное лицо само что-нибудь похитило; такого рода доказательства в отношении отдельных лиц крайне затруднительны, поэтому необходимо сохранить коллективную ответственность скопища по 269 [1] ст., придать ей более широкий характер, изложить текст ее приблизительно в следующей редакции:

«Виновный в участии в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью или принуждение посредством наказуемой угрозы, или похищение, или повреждение, разрушение, поджог, взрыв или потопление чужого имущества, или вторжение в чужие обитаемые здания или иные помещения или чужую усадьбу, или завладение чужою землею и ее произведениями, или сопротивление законным распоряжениям власти, нападение на должностных лиц и наказуемые им угрозы... подвергается...

Если скопище было вооружено или даже действовало холодным или огнестрельным оружием, то, независимо ответственности отдельных лиц из числа скопища за причинение их личными действиями повреждения здоровья или смерти, наказание для всех участников скопища назначается в высшей мере».

Что касается изложенного выше вопроса о возможности применения 269 [1] ст. улож. наказ. к массовым лесопорубкам и поджогам, то вопрос этот мог бы быть разрешен руководящим кассационным разъяснением правительствующего сената.

Аграрное движение текущего года, как уже было указано выше, отмечено, между прочим, одним важным новым явлением. Кроме захвата земли и разгрома усадеб и похищения продуктов земли, в крестьянскую среду проникли чуждые им и занесенные из городов и фабрик понятия «стачки и бойкота».

Во многих местах скопища являлись в экономии, угрозами заставляя срочных и поденных рабочих удалиться с работы, а помещиков — назначать повышенные цены на труд и понижать плату за аренду земли.

Некоторые из этих проступков подойдут под 269 [1] ст. улож. наказ. в проектируемой выше ее редакции.

В настоящее же время, в особенности при отсутствии насилия над личностью владельцев, эти проступки преследуются, большею частью, по 38 или 142 ст. уст. наказ.

Что касается стачек, то наше законодательство (1358 [1] ст. улож. наказ. и 367, 368 ст. ст. будущего уголовного уложения) не знает вовсе стачек сельскохозяйственных рабочих, а говорит только о стачках на фабриках и заводах.

Если свобода стачек будет теперь, как предположено, установлена законом, то квалифицированные виды стачек, сопровождавшихся повреждением чужого имущества, насилием и угрозами, все же будут наказуемы в законе только при фабричных и заводских стачках [1]). Но для сельских местностей этот закон действовать не будет, и поэтому необходимо пополнить действующее законодательство установлением ответственности за стачки сельскохозяйственных рабочих, причем следует поставить вопрос, допустима ли и для сельскохозяйственных рабочих свобода стачек, как для фабричных и заводских.

Сколько мне известно, такой свободы стачек для сельскохозяйственных рабочих не существует даже в Германии.

Затем, в действующем законодательстве нет статьи, предусматривающей подстрекательство к стачкам на фабриках и сельскохозяйственных рабочих. В новом уголовном уложении есть подобная статья — 368, предусматривающая подстрекательство к стачке, но лишь на фабрике, лицом, не принадлежащим к составу рабочих.

Если новое уголовное уложение нескоро будет введено в действие, то необходимо ввести в действующее законодательство означенную 368 ст. нового уголовного уложения и распространить содержание ее на стачки не только на фабриках, но и в сельскохозяйственном быту [2]).

В настоящее время, за отсутствием в законе карательной статьи за подстрекательство к стачкам, во многих местах, например в Сумском уезде, Харьковской губернии, безнаказанно ведется пропаганда и распространяются прокламации какого-то «Союза освобождения»

---

[1]) Статьи 1358[2] и 1358[3] улож. наказ. и 2 ч. 367 ст. нового уголовного уложения.

[2]) Наряду с этим было бы крайне важно пересмотреть Положение о найме на сельскохозяйственные работы и установить, с одной стороны, более строгую ответственность рабочих за уклонение от своих обязанностей и упорядочить, с другой стороны, отношения между нанимателями и рабочими.

с заглавием «Крестьяне, соединяйтесь» и с призывом к устройству стачек и забастовок с целью воздействовать на помещиков и улучшить свое экономическое положение путем возвышения заработной платы и понижения аренды на землю. Излишне останавливаться на том, какое вредное влияние на крестьян имеют подобные воззвания, распространение коих по закону, к сожалению, представляется ненаказуемым.

Одним из главным вопросов карательно-предупредительного свойства по отношению к аграрным беспорядкам являются способы возмещения убытков потерпевших от массовых разгромов. Общий принцип отыскивания убытков судом посредством иска в гражданском или уголовном суде по этим делам почти фактически не применяется, и в практике у нас не установлено, повидимому, общего руководящего принципа в этом отношении.

В 1902 г. после крестьянских беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях высочайшим указом 14 мая 1902 г. была возложена ответственность «не только на лиц, непосредственно виновных в аграрных преступлениях, но и на те сельские общества, которые своим преступным попустительством способствовали развитию беспорядков», причем с таких сельских обществ был установлен особый дополнительный к существующему окладной сбор.

Практически особыми уездными комиссиями выяснялся по просьбе потерпевших размер убытков и разверстывался на сельские общества, к которым принадлежало большинство обвиняемых в разграблении той или другой экономии.

При раскладке же в самом сельском обществе, повидимому, эта раскладка производилась не равномерно, а возлагалась, главным образом, на осужденных уже уголовным судом или лиц, заведомо для сельских обществ принимавших участие в беспорядках.

Высочайшим указом 10 апреля текущего года был установлен иной принцип [1]).

Учреждены особые уездные комиссии для выяснения размеров убытков, понесенных землевладельцами, но ответственность была возложена, повидимому, ввиду закона об уничтожении круговой поруки, уже не на сельские общества, а на отдельных виновных крестьян, участвовавших в преступных скопищах, причем самая редакция п. 2 указа «возложить на означенные комиссии выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление раз-

[1]) 10 апреля 1905 г. был опубликован именной высочайший указ «об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях беспорядках» («Собрание узаконений и распоряжений правительства», 1905, № 59, стр. 1). *Прим. ред.*

меров причиненных ими убытков, для привлечения к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских и селенных обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи», — возбуждает недоразумение, а именно, относится ли слово «участвовавших» к «обществу» или «членов»; в первом случае этот указ приближается к указу 1902 г., коим установлен принцип коллективной ответственности виновных лиц.

На практике уездные комиссии в Воронежской, Курской и Орловской губерниях понимали п. 2 указа 10 апреля во втором смысле и выделяли виновность отдельных лиц, принимавших участие в скопищах, причем, главным образом, пользовались не самостоятельно добытым материалом, а собранным судебными властями в пределах следствий, не имея возможности сами производить самостоятельное исследование этого вопроса за недостатком времени и сил комиссии.

При этом возникали иногда и противоречия между заключениями комиссии и судебных властей.

Так, много лиц, не привлеченных к следствию по недостаточности улик, однако заносились в списки лиц, имущественно ответственных за убытки, причиненные аграрными беспорядками.

Таким образом, указы 14 мая 1902 г. и 10 апреля 1905 г. основаны, повидимому, на двух противоположных принципах коллективной или личной имущественной ответственности при массовых беспорядках.

Если стать на точку личной ответственности, то, казалось бы, нет достаточных оснований для устранения обычного способа взыскания убытков потерпевшими путем гражданского или уголовного суда [1]), который и авторитетнее и имеет более способов выяснить истину, чем административные комиссии и командированные из С.-Петербурга чиновники.

Что же касается принципа коллективной ответственности, которая теперь, повидимому, признана несовместимою с Положением об отмене круговой поруки, то надо сказать, что круговая порука отменена для взыскания государственных повинностей, но в этом частном случае массовых беспорядков коллективная имущественная ответственность представлялась бы целесообразной, и надо заметить, что похожий способ взысканий убытков во время народных волнений имеется в английском праве, где потерпевшие ищут убытки с общины, где происходили беспорядки, а община уже взыскивает с действительно виновных или делает общую раскладку.

Такой же, в общих чертах, порядок следовало бы ввести и у нас

---

[1]) См. статьи 644, 648 и 652 т. X, ч. I св. законов.

для взыскания убытков за аграрные и вообще массовые беспорядки. Тогда более благоразумные члены общины удерживали бы неблагонадежные элементы или выдавали бы их правительству, а крестьяне на опыте убедились бы («бей мужика не дубьем, а рублем»), что частная собственность неприкосновенна и из обогащения путем грабежа и насильственного захвата земли не выходит для них ничего, кроме тюрьмы и денежной ответственности.

С другой стороны, ввиду первой обязанности государства охранять частную собственность, правительство должно притти повсеместно на помощь землевладельцам, пострадавшим от разгрома их усадеб и разорения хозяйства.

Заканчивая обзор ряда мер, которые могут, по мнению автора, иметь решающее значение в предупреждении и подавлении массовых аграрных беспорядков, в заключение нельзя не указать, как это подробно изложено в особой записке об исключительных законах, что уничтожением Положения об усиленной охране при возникновении массовых аграрных беспорядков и при безуспешности их немедленного подавления обычными, основанными на общем законе средствами должно быть немедленно вводимо в местностях, охваченных массовыми волнениями, исключительное положение (измененное Положение об усиленной охране), а при безуспешности для умиротворения и этой меры — в самом непродолжительном времени и военное положение. Практика показала, что администрация не принимает у нас своевременно решительных мер для подавления беспорядков. Особенно резкими примерами этому являются Курляндская и Лифляндская губернии, где, как видно из сообщения департамента полиции («Прав. вестник» от 13 августа 1905 г. № 174), в течение нескольких месяцев происходил систематический террор, а между тем военное положение введено было только в последнее время.

Поэтому, независимо от общих экономических и культурных реформ для поднятия крестьянского благосостояния и умственного и нравственного просвещения, необходимо поднятие авторитета и силы правительственной власти, которая должна действовать законно, но решительно и энергично, а главное своевременно.

Записка камергера высочайшего двора графа И. А. Потоцкого по аграрному вопросу в губерниях Юго-Западного края [1]).

Во время ужасных общественных событий последних дней, событий, которые всколыхнули и обагрили кровью всю почти территорию

[1]) Заголовок подлинника, напечатанного на пишущей машинке. На первой странице записки внизу напечатано: «Его высокопревосходительству господину министру внутренних дел». (ЛОЦИА.)

России от Кавказа до Балтийского моря, изо всех областей обширного русского государства оказались относительно меньше всего подверженными общему волнению три губернии, а именно: Волынская, Киевская и Подольская, составляющие так называемый Юго-Западный край.

Губернии эти, чуть не самые богатые в России, — настоящие жемчужины в короне громадной империи и представляют, мне кажется, немаловажное значение для государства, для равновесия его бюджета и для всего экономического строя обширной державы.

Здесь роскошно процветают образцовые формы земледелия, здесь поселянин не знал никогда, что такое голод, здесь богатейшая житница, снабжающая хлебом всю Россию, здесь, наконец, исключительно почти сосредоточена вся сахарная промышленность — этот могучий фактор благосостояния страны — которая с одной стороны приносит государственной казне много миллионов рублей дохода, с другой — обеспечивает местное население большим заработком, составляет главнейшее средство к поднятию уровня земледелия в образцово веденных хозяйствах, основу зажиточности землевладельческих сфер и целого громадного слоя трудящейся интеллигенции.

Упомянутое мною выше относительное спокойствие в трех губерниях Юго-Западного края в сравнении с остальной Россией, создано, по моему мнению, следующими тремя главнейшими причинами:

1) Лучшими взаимными отношениями и более тесной связью между помещиком и крестьянином, какие издавна укоренились в этом крае в отличие от центральных губерний, где помещики преимущественно не живут в своих имениях и совершенно не сталкиваются с местным населением; связь эта и влияние помещиков, переходя из поколения в поколение, благоприятно отразилась на культурном уровне сельского населения, каковое, обладая к тому же более спокойным темпераментом, без примеси жестокости, разве только недоверия и подозрительности, дало более сильный, чем где-либо в другом месте отпор гнусной агитации и наговорам преступных агентов мятежа.

2) Небольшим относительно количеством населения чисто фабричного, в тесном смысле этого слова, среди которого находят себе благодарную почву всякие бунты и волнения. (Сахарная промышленность пользуется преимущественно трудом сельских рабочих, живущих по деревням и приходящих на заводы только на время «кампании»).

3) Большим расстоянием от главных революционных центров и громадным пространством, занимаемым краем, при сравнительно ничтожном количестве средств сообщения, так что, если эти три губернии и были затронуты волной всеобщего движения, все-таки по

ним разошлось, в целях пропаганды, относительно гораздо меньше всяких агитаторов и агентов революционных партий. Наименее влиятельное участие в сохранении относительного спокойствия в крае приняли местные административно-полицейские власти, бездействие которых, шаткость, шаблонный бюрократизм, а часто просто физическая невозможность воспрепятствовать злу, за неимением средств защиты, были причиной того, что искра, не подавленная в зародыше, распространялась все дальше и дальше, переходя по временам в пламя.

Были случаи, что неспособность, а то и прямо отсутствие доброй воли со стороны мировых посредников, этого вредного учреждения, которое уже 40 лет разъедает и ослабляет здоровый сам по себе крестьянский организм, систематически внушая ему недоброжелательство и ненависть к помещикам, а равно ложное понимание вещей и ошибочное толкование последних законодательных актов некоторыми недоразвитыми фанатиками-священниками (некоторые из них уже в ссылке), наконец, сильная агитация разных мятежных элементов сделали то, что даже великодушные царские манифесты, толкуемые крестьянами неправильно, с ложными комментариями, вызывали в их умах беспокойство и брожение. Зато разумный и чрезвычайно важный по своим возможным последствиям высочайший указ от 10 апреля 1905 г. об ответственности крестьянских обществ за причиненный крестьянами вред нигде не был объявлен и объяснен крестьянам и ни разу не применен на деле.

Бездействие полицейских властей было особенно пагубно в самом начале возникновения агитаторского движения, когда разные агитаторы совершенно открыто разъезжали по деревням и местечкам или же, происходя из местных низших интеллигентных сфер, из мест постоянного своего жительства широко распространяли свое пагубное влияние на окрестное сельское население, — полиция же относилась ко всему этому совершенно пассивно, отговариваясь обычным бюрократическим: «нет распоряжений», «нет доказательств» и тому подобными бестолковыми увертками. Только в последние месяцы наступил в этом отношении поворот к лучшему, и полиция, действительно, с энергией принялась преследовать и арестовывать агитаторов. К сожалению, это слишком поздно: населению уже привит яд мятежных инстинктов. Первые симптомы беспорядков в Юго-Западном крае обнаружились весной минувшего года. Достаточно будет вспомнить первую аграрную забастовку и крестьянские волнения в Проскуровском, Каменец-Подольском и других уездах Подольской губ., где ничуть не повлияла на успокоение умов неудачная и странная политика губернских властей, без сомнения, известная правительству из жалоб и донесений заинтересованных лиц. Я не нахожу возможным перечислять

здесь все отдельные, самые разнообразные случаи, происшедшие на громадной территории трех губерний, но они могут быть обобщены по следующим категориям внешних признаков:

1) Мирная аграрная забастовка, т. е. воздержание от труда, причем выставлены требования чисто материального свойства;

2) Такая же забастовка, но соединенная с насилием над экономическими, а также пришлыми рабочими, причем те и другие разгонялись и им наносились побои;

3) Массовая порубка лесов в соединении с одновременным увозом, т. е. похищением срубленного леса для своих нужд;

4) Потравы господских лугов крестьянским скотом;

5) Нападения массового характера, при участии большой толпы крестьян, на усадьбы, дома служащих, фабрики и фабричные постройки, сопутствуемые разграблением всякого имущества, поджогом строений и убийством людей.

Указанные в 5-м пункте случаи были в Юго-Западном крае очень редки и не носили характера массовых погромов, как в центральных губерниях. Известны, правда, факты отдельных нападений, как, напр. на Майданецкий завод в Киевской губ. и другие, но сообщения об них были всегда значительно преувеличены, да и самые нападения были направлены преимущественно против администрации данного завода или имения и не составляли вовсе стихийного восстания одного класса населения против другого. Случаи убийства были, равным образом, редки, а в Волынской губернии я знаю только один, к сожалению, происшедший как раз в имении нижеподписавшегося, в Новград-Волынском уезде, в дер. Смолдырове, в сентябре месяце прошлого года. Толпа крестьян напала на мою лесную стражу, наблюдающую за работами по выкорчевке, производившейся на бесспорно господской земле, и без всякой со стороны стражи провокации, зверски убила старшего стражника Мержынского и избила до полусмерти участкового лесничего.

Как на характерную подробность, ярко изображающую наши полицейско-административные отношения, я не могу не указать на то, что как частые мои просьбы и представления, так и личное ходатайство перед двумя генерал-губернаторами, губернатором и многочисленными местными представителями власти — об энергичном наказании преступников — до последнего времени оставались без последствий: убийцы до сих пор не задержаны. Приезжал судебный следователь, составил протокол, но не нашел нужным арестовать заподозренных в убийстве лиц, так что до сих пор ни один крестьянин дер. Смолдыров не привлечен к законной ответственности за убийство. И только дней 10 тому назад, вследствие моего личного письма генерал-губер-

натору, выясняющего ненормальное положение вещей, и благодаря энергичному содействию генерала Сухомлинова, на место происшествия прибыл правитель канцелярии при генерал-губернаторе г. Молчановский, который, произведя самое суровое расследование события и сделав местным органам внушение, дал смолдыровскому делу сильный толчок вперед. Естественным последствием этой странной бездеятельности местных властей (до прибытия г. Молчановского) была совершенная разнузданность крестьян, перешедшая в ноябре и декабре прошлого года в открытый бунт, соединенный с массовыми порубками господских лесов, нападениями на усадьбы, служащих и т. п. насилиями. Только при помощи войск был восстановлен порядок, который так легко можно было сохранить, если бы только местные власти сразу энергично принялись за потушение мятежных проявлений в Смолдырове. Причину указанного выше бездействия властей надо искать, как гласит общественное мнение, в деятельности местных учреждений по крестьянским делам. Учреждения эти будто бы сами вводили в заблуждение крестьян, толкуя им о каких-то правах на выкорчевку леса на господской земле, впоследствии же, после убийства лесничего, старались спасти крестьян от угрожавшей им кары в опасении, как бы и их не постигли последствия такой сомнительной деятельности. Вот яркая картина условий деревенской жизни в нашем крае, который, не имея ни выборных земств, ни представительства землевладельческих классов, безжалостно брошен на произвол недальновидной [1]) мелкочиновной бюрократии.

Аграрные забастовки обыкновенно вспыхивали совсем неожиданно и, в случае согласия помещиков на небольшие материальные уступки, так же быстро прекращались без всякого участия вооруженной силы, а благодаря лишь непосредственным заботам самих помещиков или их администрации.

Труднее было справиться с порубками господских лесов, которые, как, напр., в имении князя Сангушко в Славуте, Волынской губ., имели массовый характер и совершались толпой в несколько сот крестьян, собравшихся из окрестных селений. В таких случаях вмешательство войска было необходимо; стоило лишь солдатам появиться, крестьяне бежали из лесу. Не так легко было добиться возврата похищенного леса, который крестьяне растаскали по своим деревням; без давления со стороны военной силы крестьяне не хотели отдавать леса, полиция же, по обыкновению, с совершенным нерадением исполняла возложенные на нее обязанности, и высочайший указ от 10 апреля 1905 г. не был применен ни разу.

[1]) Далее в подлиннике зачеркнуто несколько слов, неподдающихся прочтению.

В результате, ввиду очевидной безнаказанности таких поступков, крестьяне, с уходом войска, опять принимаются за порубки, действуя, если не открыто, толпой, то под покровом ночи небольшими партиями; таким образом во многих местах порубки лесов продолжаются попрежнему, внося в умы крестьян совершенную путаницу понятий о праве собственности.

Нападения на усадьбы, фольварки и заводы были, как я упомянул выше, редки, спорадически, без кровавого исхода и грабежей; направлялись обыкновенно против особенно не пользующихся симпатией служащих или имели целью смещение господской дворни и экономических рабочих.

Я не говорю ничего об еврейских погромах, какие естественно разыгрывались в городах и местечках и носили совершенно специальный оттенок; аграрное же движение, составляющее предмет настоящей записки, связано с еврейским вопросом лишь тем, что и здесь много революционных агентов происходило из кадров пресловутого «Бунда», этого рассадника возмущения, анархии и преступности, замешанного во все почти бедствия, постигшие в последнее время Россию.

Войска, где им ни приходилось действовать, всегда прекрасно исполняли свою задачу. Необходимо отметить, что как военачальники, так и солдаты отличались спокойствием, обдуманностью, энергией и вместе с тем относительной мягкостью. Мне ни разу не приходилось слышать о нежелании солдат обращаться к активным действиям; напротив солдаты всегда обнаруживали полную готовность действовать и вели себя образцово. Почти нигде не приходилось прибегать к огнестрельному оружию; в Волынской губернии я знаю только один случай в Новград-Волынском уезде, в окрестностях Остроголя, где возмущенной толпой были сделаны по войскам первые выстрелы.

Теперь, зимою, почти на всем пространстве трех губерний Юго-Западного края царит относительное спокойствие, зависящее отчасти от времени года. Спокойствие это однако лишь поверхностное; это скорее выжидание, чем успокоение. Везде, на всем пространстве края, в умах крестьян необычайное волнение, везде общая путаница в понятиях, везде опасное искушение поживиться чужой собственностью, стремление к чему-то неопределенному... к чему — этого крестьяне сами не представляют себе в конкретной форме; как итти к цели — они не могут объяснить, но все это вместе взятое можно подвести под один возглас: «Больше земли! Больше леса!» Что ни услышит крестьянин — от агитаторов ли или даже от благомыслящих людей, как священники, чиновники, арендаторы и т. д. — он все перетолковывает на свой лад, во всем видит какую-то воображаемую, иногда

самую фантастическую связь все с одной и той же темой — с разделом между крестьянами земли.

На приближающуюся весну крестьяне смотрят как на момент переворота, который должен произвести решительные изменения в земельном владении. Даже предвыборная агитация, проявляющаяся в легальных собраниях, советах, разъяснениях и т. п., в глазах крестьянина имеет единственную, исключительную причину, а именно повисший над страной «земельный вопрос». «Теперь ничего: придет весна, и тогда возьмем свое». Вот зловещий лозунг, раздающийся на обширном пространстве Юго-Западного края.

Неудивительно, что грозный призрак этой «страшной» весны, предвещающей разрушение и погибель, все носится над головами землевладельческих сфер, глухие же вести о зареве пожаров и кровавых насилиях, доходящие из других губерний, усиливают страх и опасность положения.

Массовое бегство владельцев из имений, дошедшее до того, что в некоторых уездах, как, напр., в Уманском, Киевской губ., больше половины помещиков уехало за границу или в города, ликвидировав как можно скорее все, что можно было ликвидировать; панический ужас служащих и администрации имений, а также интеллигентного населения местечек, которые воображают себе, что они первые падут жертвами толпы, сплетни и побасенки, распространяемые помещичьей дворней, — все это крайне вредно действует на умы крестьян, подтверждая их убеждение, что «весною», действительно, должно что-то совершиться. Большим успехом среди крестьян пользуется известная формула «программы», советующей с наступлением весны разрушить помещичьи усадьбы и фольварки, чтобы таким образом у тех, кто уже уехал, отнять всякое желание возвращаться, тех же, кто остался в имении, заставить уехать.

По моему мнению, предстоящая «страшная» весна, действительно грозит большими опасностями, и потому, желая обратить на нее внимание центральной власти, осмеливаюсь указать ниже на некоторые предохранительные меры, какие, я уверен, могли бы задержать и ослабить возможное зло.

Я должен прибавить, что в случае возобновления весной беспорядков, край потерпел бы громадные убытки, так как в настоящее время помещичьи амбары переполнены хлебом, продать который при существовавшем застое, железнодорожных забастовках и полном отсутствии вагонов не было никакой возможности, да кроме того, имеющийся на сахарных заводах запас сахару тоже представляет стоимость многих миллионов рублей. Вся сахарная промышленность, этот могущественный фактор благосостояния страны, рухнула бы

под первым напором аграрного движения, какое, не ограничиваясь погромами и всякими насилиями, могло бы сделать совершенно невозможной весеннюю плантацию свекловицы во всем крае. А потому необходимо как можно скорее обдумать и немедленно ввести в жизнь целый ряд предохранительных мер, какими я считал бы:

1) Командирование высочайшей властью в каждую из трех губерний Юго-Западного края по одному специальному делегату с целью «предпринять предохранительные меры против могущих вспыхнуть аграрных беспорядков». Такому делегату необходимо знакомство как с местными условиями данной губернии, так и с земледельческими сферами и их отношениями к крестьянам: он должен бы заняться исследованием всех деталей положения, настроения умов крестьянского населения и т. п. и, притом, заняться на м е с т е, находясь в непосредственной связи со всеми сферами населения и не довольствуясь рапортами исправников и приставов.

Облеченный высоким доверием монарха, снабженный самыми широкими полномочиями от центральной власти, «царский делегат» должен бы занять положение, независимое от губернских властей. Имея в своем распоряжении местные полицейско-административные и военные власти, он будет объезжать вдоль и поперек весь край от волости до волости, от местечка до местечка, не пропуская ни одного уезда, внося всюду успокоение в крестьянские умы. В круг его обязанностей вошли бы переговоры с помещиками, склонение их к возможным уступкам и компромиссам в пользу крестьян, инициатива подробного следствия там, где виновники сделанных раньше злоупотреблений еще не наказаны, а также проведение в жизнь мер, согласных с указом 10 апреля 1905 г. «Делегат» будет объяснять населению содержание и смысл высочайших манифестов, выборов в Государственную думу и последних основных перемен в государственном строе России. Наконец, там, где это будет необходимо, «делегат» сам организует предохранительные меры к сохранению правового порядка и заботится о проведении их в жизнь.

Такая деятельность «царского делегата» произвела бы очень сильное впечатление на крестьянское население данных губерний, тем более, что губернские власти редко покидают стены своих губернских столиц, заботясь прежде всего о безопасности городов, в которых сами живут. Губернские власти недостаточно знают провинцию, ее экономическое положение, условия крестьянской жизни в соотношении с крупной земельной собственностью; понятие о крае составляется у них преимущественно из шаблонных рапортов уездных органов власти.

И потому, если бы состоялось назначение «царского делегата», то последний должен обладать правом сноситься непосредственно с уездными властями, миновав губернию, не касаясь лишь губернских городов, каковые всецело останутся в ведении губернаторов.

Я считаю возможным утверждать, что роль таких «делегатов» со специальной задачей предохранения страны от беспорядков — была бы гораздо целесообразнее и симпатичнее для общества и общественного мнения, чем роль «усмирителей», какие в недалеком прошлом командировались в центральные губернии России.

2) Вторым предохранительным средством я считал бы образование по всему краю, по инициативе тех же, упомянутых выше «делегатов» — «Областных земских комитетов», в состав которых войдут представители от духовенства, помещиков, крестьян и местной интеллигенции. Комитеты эти, разветвляясь на субкомитеты и волостные отделения, разбросанные по всему краю, должны будут входить в непосредственные отношения с крестьянами, влиять на них путем убеждения, растолковывать им значение манифестов, выборов и т. д. путем толковых, легкопонимаемых брошюр и объявлений, предварительно же внедрять в крестьянский ум то незыблемое правило, что не насилием и беззаконием может добиться крестьянин увеличения своего земельного участка, а мирной экономической эволюцией, путем законной, непринудительной покупки земли от теперешнего ее владельца.

Внушение крестьянам твердого понятия о незыблемости права собственности, основывающегося на принципе неприкосновенности чужого добра, принципе, который так прекрасно выражен в знаменательных словах, с какими его императорское величество изволил обратиться к депутации от курских крестьян, должно составлять главную задачу выше упомянутых комитетов, которые, вместе с тем, будут указывать крестьянам на необходимость усовершенствований в их хозяйстве, на пользу применения лучших средств к удобрению почвы, делающих труд более производительным, наконец, на желательность большей бережливости в непродуктивных расходах. Такие областные комитеты с местопребыванием в уездных городах и многочисленные отделения в деревнях, могли бы, по моему мнению, в значительной степени способствовать протрезвлению крестьянских умов и удержанию их в границах законности и порядка.

3) Третьей предохранительной мерой я считаю подразделение всей губернии на военные участки, одновременно с практической и целесообразной дислокацией расположенных в губернии частей по отдельным местностям, в зависимости от положения вещей в каждой из них и с предоставлением командования таковыми военным властям,

т. е. старшим по чину офицерам в каждом соответствующем районе с тем, чтобы местная полицейско-административная власть была обязана оказывать войскам всякую помощь и содействие. Я полагаю, что даже того незначительного количества войск, какое расположено в трех губерниях Юго-Западного края, вполне достаточно для поддержания порядка, лишь бы только распределение его было совершено с принятием в расчет действительной практической потребности каждой данной местности. В высшей степени полезны были бы так называемые «летучие отряды» кавалерии, какие, находясь в постоянном движении, посещали бы поочередно разные местности данного района и одним своим появлением сумели бы успокоительно и отрезвляюще повлиять на крестьян.

Принудительное расквартирование войск по деревням было бы превосходной репрессивной мерой в тех случаях, когда такое наказание виновных являлось бы необходимым, и вместе с тем целесообразнее применения крутых мер физического воздействия, какое не столько успокаивает, сколько волнует и раздражает население.

Вот, по моему мнению, три главных, основных предохранительных меры, коих осуществление, несомненно, поддержало бы спокойствие в трех губерниях Юго-Западного края.

«Царскому делегату», на основаниях данных ему полномочий, должно быть, кроме того, предоставлено право применять в каждой отдельной местности целый ряд специальных распоряжений, соответствующих в каждом отдельном случае данному положению вещей.

Здесь на первый план выдвигается деятельность по организации систематической продажи помещичьих земель крестьянам, продажи, основанной на добровольном взаимном соглашении сторон, при помощи правительства и Крестьянского банка и при наличии доброй воли и готовности землевладельцев пойти на практические и разумные уступки и облегчения для крестьян. И действительно, насколько в принципе понятие права собственности и его ненарушимости должно остаться «in statu quo» священным и неприкосновенным, настолько продажа крестьянам помещичьей земли по взаимному добровольному соглашению во многих случаях способствовала бы в нашем крае разрешению аграрного вопроса без особенного экономического переворота. Инициатива в этом важном деле «царских делегатов» могла бы сыграть здесь весьма ценную роль и несомненно была бы принята населением с гораздо большим сочувствием, чем в том случае, когда почин исходил бы от административной власти, к которой, к сожалению, ни один класс населения не питает особенного доверия. Указанная выше деятельность, предпринятая немедленно, могла бы даже на время предотвратить угрожающую со стороны крестьян опасность, направляя

аграрный вопрос на законный путь, путь нормальной экономической эволюции. Переданный впоследствии в ведение уездных комитетов, при деятельном участии правительства и Крестьянского банка, крестьянский вопрос, по истечении ряда годов, мог бы дождаться, наконец, спокойного нормального разрешения.

В горячей любви к стране, в которой живу, с которой связан как личным чувством, так и вековой традицией моих предков, сжившихся в течение столетий с этим краем и его населением, в заботе об его благосостоянии и о поддержании порядка, при существовании которого можно будет современем достигнуть лучших результатов культуры и цивилизации, чем те, которые наблюдаются в настоящее время, я решился выразить здесь мой взгляд на вопрос о сохранении края от угрожающих ему волнений, какие в последнее время охватили всю Россию. Когда в ноябре месяце прошлого года я имел счастье представляться его императорскому величеству, я осмелился высказаться по вышеизложенным вопросам. Взгляды мои были милостиво выслушаны монархом, что вторично дает мне смелость их высказать и вместе с тем надежду, что ваше высокопревосходительство не откажете мне в принятии настоящей записки и не оставите ее без внимания и вашей высокой поддержки.

25 лет назад.

(Из дневника Л. Тихомирова.)

Продолжение [1]).

1905 ГОД.

8 сентября.

Вчера происходила бесконечно длинная сходка в университете. Ворота раскрыты, полиция удалена даже с улицы. Вход свободный, никакой придирки. 7 000 человек битком набились в аудитории. В том числе 500 женщин, множество рабочих и вообще не студенты. Но и студенты чуть не поголовно собрались. Шум, гам, речи о революции, о бессмыслии учения, «когда вся Россия в крови», крики — «долой самодержавие», «да здравствует коммунизм»!!!

Резолюций не успели постановить, но, повидимому, расположены к тому, чтобы университет был о т к р ы т, но чтобы фактически превратить его в политический клуб. Преобладающий тон — «необходимо энергически заниматься политикой»...

Группа студентов ходила к С. Трубецкому советоваться... но он, оказалось, уехал за город. Видно, не по вкусу сходки.

Слышна ругань «Русским ведомостям» за призыв к занятиям. Слышна ругань Московской думе и земцами — все, дескать, «буржуа». Ну, конечно, ругают и «Моск. вед.». Среди ораторов — масса евреев и поляков. Армян множество, но помалкивают...

9 сентября.

Сегодня у Владимира Андреевича было собрание его «монархической партии». Сам он об этом мне ничего не говорил, но Емельянов сказал и пока дал повестку, бланковую...

Ну — в добрый час!

Мне несколько совестно перед Грингмутом, что я отказался от участия в его деле. Но как быть? Их программа не по мне, да и быть

[1]) «Красный Архив», т. 38 (I), стр. 20—69, т. 39 (II), стр. 47—75.

в одном кружке с Грингмутом, от которого я денежно завишу, слишком стеснительно.

Сколько у него людей? Нольде говорит, что много, может быть и тысячи, но все мелкие люди. Сегодня же у него было, кажется, около 19 человек, и, кроме Емельянова, совершенно не знаю кто.

Ночь.

Сегодня отправлена моя книга [1]) (все части) императору Вильгельму II, с французским письмом. Жаль, что он не знает по-русски: он более всех монархов Европы мог бы заинтересоваться. Но я нарочно сопроводил письмом: авось, поручит кому-нибудь прочесть.

У студентов резолюции такие, как и предвидели. Голосовало свыше 1 500. Остальные три-четыре тысячи уклонились. Из голосовавших — 240 крайних — не только за революцию, но чтоб никто не смел заниматься науками; но большинство — 1 200 человек — за революцию и превращение университета в центр ее, но не мешать другим заниматься; 100 за забастовку; 79 за ученье...

11 сентября.

Вот гранки репортажа, который не сочли возможным печатать... И замечательно, что ни одна газета не напечатала:

Московский университет. 9 сентября выяснились следующие результаты шестидневного собрания и совещания студентов всех факультетов Московского университета.

Платформа студентов № 1 выработала следующую резолюцию: «Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы — забастовок, мы открываем теперь двери Московского университета, но исключительно для революционной агитации и пропаганды среди широких масс населения. Университет отныне превращается в революционную трибуну». Подано 251 голос, т. е. 13,8% всего количества голосов.

Платформа студентов № 2 пришла к следующей резолюции: «Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы — забастовок, мы открываем теперь университет для обращения его в революционный очаг, а наши аудитории — в политическую школу. Но в университете найдет себе место и тот, кто в настоящее время может, хочет и в силах уделять время академическим занятиям». За эту платформу подано 1 202 голоса, т. е. 66,6% всего количества голосов.

Платформа студентов № 3 нашла более целесообразным остановиться на следующей резолюции: «Попрежнему признавая единственно возможною формой общественно-студенческой политической борьбы — забастовку, мы считаем необходимым продолжать ее и на будущее время». К этой платформе примкнули 192 голоса, поданные студентами всех факультетов, т. е. 10,76% всего количества голосов.

---

[1]) «Монархическая государственность».

Платформа студентов № 4 нашла возможным признать следующую резолюцию: «Мы предлагаем открытие Московского университета для академических занятий и параллельно с ним политического воспитания, не мешающего этим занятиям». За редакцию резолюции этой платформы подано 79 голосов, т. е. 4,2% общего количества голосов.

Участвовало в прениях всего 1 814 студентов.

16 сентября.

Земско-думский съезд вчера кончился. Горько следить за этими «работами» взрослых ребят, невежественных политически, глуповатых по уму, не имеющих ни искры любви к России... Их «политическая программа» — истинная testimonimum paupertatis... Россию разбили на «автономные» области, Польшу отделили от России, постановили уничтожить охрану, военное положение, смертную казнь и т. д. и т. д.

17 сентября.

Витте вызывается в Биерке, к государю... Слухи гласят, что он назначается премьером и сам будет назначать себе министров. Бюрократическая олигархия заменяется бюрократическим сегунатом.

Витте все поют хвалебные гимны. Мещерский — прямо до неприличия... Меньшиков — до глупости. «Новое время» — редакционно — до обвинения царя во всех бедствиях Портсмута, — все, значит, уверены в его господстве.

18 сентября.

Недурной ряд телеграмм:

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Петербург. (Официально). Государь император 15 сентября изволил послать статс-секретарю Витте следующую телеграмму: «Приветствую вас с возвращением из Вашингтона после блестяще выполненного вами моего поручения первостепенной государственной важности. Приглашаю вас прибыть ко мне в пятницу в Биеркезунд на яхту «Полярная звезда». По моему повелению яхта «Стрела» будет послана в ваше распоряжение. Николай».

Яхта «Стрела» пришла в Биеркезунд 16 сентября, в 4½ часа дня, в то время как их императорские величества изволили съезжать на берег. По возвращении на императорскую яхту «Полярная звезда» в 6½ часов вечера государь император тотчас изволил послать паровой катер за статс-секретарем Витте, который немедленно был принят его императорским величеством с докладом. Государю императору благоугодно было всемилостивейше пожаловать статс-секретарю Витте графское достоинство и во время обеда пить за его здоровье. На следующий день граф Витте был приглашен на яхту «Полярная звезда» к высочайшему завтраку, после чего он на яхте «Стрела» отбыл в Петербург.

Петербург. В министерстве внутренних дел заканчиваются разработкой временные правила о расширении черты оседлости и включении в нее одной из столиц.

Значит, Витте действительно будет более чем вице-императором. Но трудно ожидать от этого успокоения.

Он будет опираться на царя вроде того, как Кортец на Монтецуму. Но ведь и в Мексике этого ненадолго хватило. Притом — страшно даже видеть, до какой степени упала в народе популярность государя. О нем открыто говорят самые неуважительные слова. Господство Витте, конечно, еще более подорвет эту популярность... Вообще будущее мрачно и не представляет ни единой светлой точки.

Но замечательно, что сам государь чрезвычайно весел. О его житье-бытье в шхерах пишет отцу мичман Нольде. Он видит со своего «Трухменца», как на «Полярной звезде» государь играет со своими детьми. Раз спустился в катер с одной из царевен, поехал на какой-то необитаемый остров и гулял там. Другой раз охотился с Бирилевым на каком-то острове, убил куропатку, а Бирилев — зайца... Больше и не было дичи... Потом как-то вытребовал к себе на яхту мичманов к высочайшему столу; всех охраняющих яхту судов — пять... Приехали. С 7—8 часов на «Полярной звезде» продолжался фейерверк, потом с 8 до 10 — обедали. Государыни не было. Он обедал только с мичманами и офицерами, был и Бирилев, который потешал его остротами. Государь был чрезвычайно весел и прямо хохотал при остротах Бирилева...

Конечно, дай ему господь всякого веселья, но всетаки трудно понять, как можно быть веселым в таком ужасном положении России и своем собственном. Вероятно, государь не находит этого положения опасным... Это ужаснее всего.

20 сентября.

Несмотря на странный триумф Витте в Биерке, его не считают еще владыкой России и в высших сферах все еще спрашивают себя: «чем окончится борьба Витте и Трепова?».

Два месяца назад государь в разговоре с Дурново (генер.-губ.) высказывался очень дурно о Витте; точно так же решительно высказывался против идеи премьерства. «Ну, а я что же буду делать?» заметил он (т. е. при премьере). Замечание правильное, но точки зрения меняются.

22 сентября.

Сегодня в 6 часов толпа в 3000 человек (наборщики с примесью студентов, женщин и неопределенных личностей) атаковали наш двор, выломали ворота, вышибли камнями окна типографии и заставили прекратить работу. Мы были в осаде около часу без всякой помощи полиции и тщетно здесь ее требовали. Наконец явились жандармы и рассеяли толпу, а городовые вошли во двор. Толпа снова

собралась у Городской типографии, тут повыбивали окна и прекратили работу: Дальше говорят, двинулись к «Русскому слову»...

Забастовка длится дня три — началась у Яковлева, потом у Сытина, Лисснера, Кушнерева, Мамонтов не работал с утра...

Огромная сходка в университете (7 000), — большинство посторонних, — вынудила временно закрыть университет. Однако сегодня утром толпа собралась на Моховой и Никитской. Подробностей не знаю... Но сходка студентов на Бронной послала депутатов к ректору просить о сходке. Он разрешил, и сходка тянулась весь день (в стенах университета), говорят, очень бестолково, и, кажется, ни к чему не пришли.

Репортерские известия говорят, что революционеры все подготовили к стачке водопроводной... Вот это — ужас! Говорят, уже вытребовали к водопроводам войска... Идут старания перенести забастовку и волнения на другие отрасли промышленности.

А из среды забастовщиков наборщиков говорили, что завтра будет бунт у Прохорова и на Даниловской мануфактуре... Словом, столпотворение Вавилонское.

Репортер сообщил, что предстоит также забастовка трамваев и конок...

И все это при отсутствии власти! Повидимому, Медем не очень-то ловок. Да, впрочем, и трудно теперь уже что-нибудь сделать. Никакая система невозможна с петербургским правительством, а без системы всякое дело плохо.

И что такое делается с Россией? Революция? Но где ее идея? Это просто рушится старый строй, сгнил, не может держаться, и вот отчего революция. У него нехватает уже силы и ума произвести реформу. Запоздал!

Чего хотят революционеры? Никто не может подвести общего итога, ибо его нет в сознании. В сознаниях есть только множество недовольств, есть общее неверие в существующее, а стало быть, искание перемен...

Есть ли общая сила, которая в этой развинтившейся стране руководит хладнокровно и разумно к достижению своей цели? Есть ли какие-нибудь «масоны» или что-либо подобное? Кто знает? Но если она и есть, то все же ничего б не могла сделать, если б сверху была разумная власть. Случай или божие наказание, что ее нет. Вот тут уже приходишь к вопросу провиденциальному...

Я лично думаю, что в основе это все есть кара божия. Бог покидает на ее собственные силы изменившую ему страну, и вот собственные силы ее оказываются гнилыми, никуда не годными...

23 сентября.

Утро. — Ну, что-то ждет сегодня? Боже мой, какая жизнь! Коля пошел в гимназию. На дорогу целое совещание: куда ему возвращаться в случае, если беспорядки отрежут дорогу домой!

Что будет? Запасаться провиантом? Уезжать? Некуда... Тьфу ты! Уж кажется — всякую бы власть готов принять, лишь бы какой-нибудь порядок обещали.

Газеты не вышли очень странно: только «Моск. ведом.» и «Новости дня»... Остальные все вышли. Вчера не было «Телегр. Нов. врем.» и «Вечерней почты»... Что-то весьма тенденциозное.

Теперь наборщики, все самая зеленая молодежь, шляются группами по Страстному бульвару, собираются в кучу... Чего они ждут?

Сейчас (11 часов) прибыл к нам в о д в о р пикет конных жандармов... Что такое? Сражение, что-ли, предвидится?

...Сообщают разные новости. Те наборщики, которые делают забастовку, принадлежат к числу чисто революционной молодежи. Они же участвовали в сходке в университете и на женских курсах. Экономических задач здесь нет. Это (говорят) чисто революционный слой — студенческо-рабочий и прочих званий.

Несмотря на волнения в университете вчерашнее движение для полиции было неожиданностью. Она почему-то думала, что революционное движение стихает. Обычная осведомленность и предусмотрительность власти!

Что касается университета, то князь С. Трубецкой, крайне взволнованный и расстроенный, несколько раз посещал Медема и просил у него совета: что делать? Медем отвечал, что ему приказано не вмешиваться в университетские дела и совета дать он не может. Третьего дня князь Трубецкой у п р о с и л его приехать на совет университета, хотя Медем и отказывался. На совете ему предлагали вопрос: «что делать?», «не закрыть ли университет?». Медем отказался дать совет, и профессора принуждены были с а м и решить закрыть университет... Они, очевидно, хотели втянуть Медема. И теперь они распространяют слух, будто университет закрыт по настоянию градоначальника.

Непонятно, зачем Медем позволил уговорить себя поехать в университет на совет. Какое ему место там? Это крайне нетактично.

Из наборщиков никто в типографию не пришел.

Любопытно, что революционный центр наборщиков был в Городской типографии (где печатаются «Ведомости моск. градоначальства»).

Пять часов дня. — Жандармы галопом помчались со двора, городовые за ними... куда-то налево... Вероятно, драка... Двор без охраны...

Половина шестого. — Кухарка говорит, со слов рабочих, что дрались у памятника Пушкина. Одного жандарма убили. Одного городового убили, другого ранили «на смерть», одного околодочного повезли раненого... Боже, какое ужасное время!..

Семь с половиной. — Репортер сказал, что идет громадная толпа с Тверской заставы... Хотят будто бы громить «Моск. вед.» и «Русский листок». Полиция и войска стоят фронтом к ним у Страстного монастыря... Сейчас должно что-то ужасное произойти

Десять часов. — Народ до сих пор стоит у памятника Пушкина, но немного — человек 300. Полиция и войска на своем месте. Есть (или были) толпы в других местах. Собирались сейчас у какой-то типографии. Точно ничего не знаю. Репортеры не возвращались. Известно, что «много» полицейских ранено, один уже умер. Но полиция и войска, кажется, ровно ничего не делали, никого не арестовали, не били, не стреляли, вообще держали себя вполне пассивно.

Очевидно, что если не ночью, то завтра все это возобновится в усиленном масштабе.

Глоба-Михаленко передавал речь, которую слышал у памятника. Оратор сказал, что им не нужно Государственной думы, не нужно ни земцев, ни думцев, а нужно всеобщее голосование («прямое, общее, тай ное» и т. д.), и нужно низвержение самодержавия. Оратор указал на бесстрастно стоящих казаков, — указал, что вот уже они ничего не смеют предпринять, и заключил призывом итти «громить генерал-губернатора»...

24 сентября. Суббота.

Начался день, началась тревога. Теперь, в половине десятого, уже куда-то повели городовых... К нам во двор прибежал какой-то полицейский офицер... Началось!..

9 часов вечера. — Весь день были самые скверные слухи о предстоящих забастовках — пекарей, конок, железных дорог и, хуже всего, водопровода... Говорили о каком-то грандиозном погроме в 7 часов вечера... Что было в действительности, не знаю. Говорят только, что сейчас большие толпы на Страстной площади и множество войск. Казаки бьют народ нагайками.

25 сентября.

Утро. — Сторож рассказывал, что вчера вечером у Никитских ворот на Тверском бульваре происходила схватка. Революционеры

стреляли. Сумцы тоже стреляли (там были сумские драгуны). Ездило туда много карет скорой помощи. По слухам, есть убитые и раненые с обеих сторон.

Вчера «Moscauer Deutsche Zeitung» напечатал свой номер, разносить не мог: разносчики отказались.

На улицах расклеено объявление, воспрещающее уличные сборища.

Петербургские газеты извещают (беру из «Слова»):

«Поздно вечером состоялось заседание Московского отдела Общества деятелей печатного дела. На заседании собрались все московские типографщики. Прибыла также депутация от типографских рабочих. На заседании было постановлено вести прения в отсутствии депутации рабочих, и потому депутация ждала решения в отдельной комнате. После долгих и оживленных прений сделано было постановление в том смысле, что ввиду нынешнего тяжелого положения, в котором находятся типографии вследствие сокращения работ, никакие уступки рабочим сделаны не будут. Вместе с тем рабочим предъявлен ультиматум: возвратиться в типографии и стать на работу 24 сентября, в противном случае рабочим будет выдан расчет, а их документы будут переданы полицейским властям».

Восемь часов вечера.— Крови льется много... Глоба рассказывал, что вчера (24 сентября) под вечер был на Тверском бульваре. Казаки въехали в самый бульвар, разгоняя сходку, но позади их толпа снова появилась и начала устраивать из скамеек баррикады. Было сделано несколько выстрелов в казаков (есть раненые и, кажется, убитые). Тогда казаки съехали с бульвара на тротуар (около градоначальника и далее к Никитской), спешились и открыли беглый огонь по публике; с бульвара сначала отвечали, затем все разбежались. Глоба видел одного раненого в руку и повторял слова разбежавшихся, будто много убитых и раненых. Других сведений и даже слухов об этом не имею; напротив, некоторые говорят, что казаки стреляли не боевыми патронами...

Саша возвратился (около 11 ч. ночи), рассказывал кое-какие подробности о бое у Филиппова (булочная), о котором я не успел раньше записать. Там убито 16 человек казаков... Саша говорит, что бросали бомбы, и бросали также с переулков; что толпа оттуда двинулась в Марьину рощу ломать водопровод и что теперь (ночью) происходит бой на Сретенке, тоже у Филиппова. Дело началось на Тверской из-за того, что революционеры хотели заставить Филиппова прекратить работу и брали его булочную штурмом.

26 сентября.

Ночью на улице были крики, жандармы выскакивали в атаку... Прямо мученье. Я впрочем спал, а рассказывали жена и кухарка, что «всю ночь не давали спать»...

Но все это дело приняло очень тревожный оборот. Сегодня уже п я т ы й день беспорядков, насилий, убийств. Все обвиняют власть в бездействии. Говорят, Дурново проявляет нерешительность и мешает Медему. Не слышно ни об арестах, ни о подавлении беспорядков. Полиция только р а з г о н я е т бунтующих. Они в нее стреляют и даже, говорят, бросают бомбы. Затем бушуют в другом месте.

Так, конечно, может кончиться очень плохо, даже, пожалуй, захватом власти революционерами.

Наша власть совершенно сгнила. Но как ужасно то, что на ее место не может образоваться никакая другая, сколько-нибудь разумная.

6 ч а с о в в е ч е р а. — За сегодня до сих пор не было беспорядков. Говорят, от Трепова получили приказание принять энергичные меры.

Полицейский офицер, которого видел во дворе, очень жаловался на Дурново и Медема, которые ничего сами не понимают и не обращают внимания на знающих — как здешние полицеймейстера и даже как Руднев.

Вечная история: в начальство сажают никуда негодных.

Сегодня заезжал ко мне Васнецов, и я отдал ему на хранение портфель со своими бумагами. Говорил также, чтобы подыскал мне м е с т о... Да что — это только разговор. Невозможность!

Относительно беспорядков сегодня многие выражали мнение, что они должны пойти на убыль. Не знаю, почему. Арестов, как слышно, было очень мало (говорят, 85 человек). Говорят, что жертв с обеих сторон меньше, чем гласили слухи. Глоба считает человек 25. Бомб совсем не было.

У Филиппова дело было так. Пекаря забастовщики начали прекращать печенье и закрывать булочную. Явилась полиция. Забастовщики забрались наверх и бросали чем попало — камнями, горшками и т. п. Оружия у них не было. Казаки начали осыпать их выстрелами. Забастовщики овладели залами клуба, — так, чтобы они не кидали из окон — казаки и осыпали их выстрелами. Казаков ранено трое, забастовщиков — ни одного. Потом ввели солдат (пехоту) в булочную и стали выталкивать бунтовщиков и увозить в манеж. Взяли в с е х. Слух о бегстве черным ходом — неверен. Неверны также и слухи, будто бы их в манеже высекли.

Ночные беспорядки на Страстной были бескровны. Казаки плетями разогнали толпу. На Мясницкой толпа безобразничала и камнями била окна частных зданий...

$7^1/_2$ ч а с о в в е ч е р а. — Жандармы со двора марш-марш помчались куда-то направо — к Каретному... Значит, началась-таки баталия.

27 сентября.

Вчера не было никаких серьезных беспорядков.

28 сентября.

Положение Москвы все то же. Кое-где — в Замоскворечьи, на Долгоруковской — забастовки разных фабрик. Есть побоища, на Петербургском шоссе была даже пальба...

Наборщики не работают. Но они совершенно веселы, гуляют по бульварам, наполняют трактиры. Откуда у них деньги? Говорят, откуда-то им выдают.

Требования, ими выставленные, чрезвычайны, тем более, что обращены ко всем заведениям, и порознь рабочие не хотят входить в соглашения с хозяевами.

Забастовка типо-литографских рабочих в Москве[1]).

Союз московских типо-литографских рабочих предъявил всем типографиям следующие требования:

1) На каждой фабрике все отделения должны иметь постоянных, выбранных рабочими, депутатов. Депутаты ведают все дела, касающиеся своей фабрики, и имеют дело с хозяевами от лица всей фабрики; всякий рабочий ведет разговор с хозяевами через депутатов; хозяин не имеет права вести дело с отдельными рабочими помимо депутатов.

2) Личность депутата неприкосновенна; хозяин не имеет права его уволить, а полиция арестовать. За исполнением этого требования следит вся фабрика, выбирающая депутата из своей среды.

3) На выборах депутатов участвуют и могут быть выбраны все рабочие, мужчины и женщины, без исключения, не менее 18 лет от роду. Администрация фабрики никакого участия в выборах принимать не должна.

4) 8-часовой рабочий день. Накануне праздников работа должна прекращаться на 2 часа раньше.

5) Отмена сверхурочных работ; в случаях крайней необходимости сверхурочные работы могут быть назначаемы лишь с согласия депутатов. Плата за них двойная.

6) Полная отмена штрафов. Депутаты рассматривают все случаи уклонения от фабричных распорядков.

7) Отмена обысков, где они существуют.

8) Прием и увольнение рабочих производятся лишь с согласия депутатов.

9) Рабочие могут требовать увольнения отдельных лиц из администрации. Вопрос окончательно решается депутатами.

10) Обязательные двухнедельные отпуска каждый год с сохранением содержания.

11) На случай болезни — выдача полного жалованья в течение трех месяцев, остальное время до полного выздоровления — половинное жалование.

---

[1]) Сбоку рукой Л. Тихомирова приписано: «Это сведения из «Слова», (27 сентября)».

12) До введения государственного страхования — обеспечение семей умерших или получивших увечье за счет хозяина, в размере, определенном депутатами.

13) Там, где работают женщины, — освобождение от работы с сохранением содержания за 4 недели до и 6 недель после родов. На время кормления обязательный отпуск с фабрики через каждые 3 часа на полчаса. Устройство яслей.

14) Санитарное состояние мастерских. Ограждение машин в предупреждение несчастных случаев. Администрация обязуется выполнять указания депутатов по поводу необходимых санитарных улучшений.

15) Уничтожение хозяйских квартир, где они имеются. Выдача квартирных денег на руки.

16) Свобода входа безработным в типо-литографии для приискания занятий.

17) Расчет производится 1 и 16-го каждого месяца в рабочее время.

18) Отмена работы через подрядчиков и через компании с наемными рабочими.

Требование увеличения заработной платы: общее повышение расценки (не сдельных) для получающих до 20 руб. — 30 проц., от 20 руб. до 30—25 проц., от 30 до 40 руб. — 20 проц., от 40 до 50 руб. — 15 проц., свыше 50 руб. — 10 проц. Кроме того, рабочие требуют установления наименьшей заработной платы для: 1) наборщиков (сдельных) поденно не менее 2 руб. и 2) учеников — первый год 15 руб., второй — 18 руб. и третий — 20 руб.

Ученики (всех цехов):

1) Безусловно вежливое обращение со всеми рабочими.

2) Учение должно продолжаться не более 3 лет.

3) Возраст учеников не меньше 15 лет.

4) Хозяин не имеет права в течение этого времени употреблять учеников для личных услуг, ни вообще для какой-либо работы, кроме полагаемого дела.

5) Время денного занятия учеников 6 часов: с 9 до 12 час. дня, 2 часа на обед, с 2 до 5 часов вечера.

6) Прием и увольнение учеников зависят от депутатов, которые устанавливают предельное число учеников для каждой фабрики.

7) Выдача аттестата после совместного испытания хозяина и депутата от рабочих.

В Георгиевском переулке, в помещении городского Капцовского училища, с восьми часов утра в течение всего дня шли совещания типографских рабочих, разбившихся на отдельные независимые группы. Из числа этих групп наиболее значительными были: группа книжных наборщиков, печатников, переплетчиков и наборщиков газетных.

На совещании была выработана резолюция, гласящая, что газетные наборщики не имеют права приступить к работам до тех пор, пока типографские рабочие не достигнут соглашения между собою и хозяевами типографий. Как удалось выяснить, книжные наборщики располагают средствами, дающими им возможность продолжать забастовку в течение двух недель.

На собрании наборщиков наборщик Круглов доказывал, что в отношении наборщиков главными врагами являются не издатели, а метраннажи. По предложению Круглова, завтра будет приступлено к изысканию способов и мер воздействия на метраннажей с тем, чтобы метраннажи не являлись клевретами издателей и не склоняли наборщиков к начатию работ.

По сведениям «Нового времени», по 26 сентября было раненых в публике 60 человек, в полиции и в войсках 25, среди последних один жандарм уже умер. Но это, конечно, уменьшенные цифры. Сегодня на Долгоруковской тяжело ранено 3 полицейских, а на Петербургском шоссе должны быть жертвы, ибо случайно ранен пулей мимо ехавший извозчик.

29 сентября.

Градоначальник расклеил объявление, что у него в полиции и в войсках ранено (некоторые умерли) 34 человека, а из публики никто не ранен серьезно. Это, во-первых, говорят, ложь; во-вторых — позор. Значит, бей войско сколько хочешь: оно неспособно повредить не только японцам, но и толпе!

Между тем стачки разрастаются на других производствах, у Листа и т. д.

У Медема сегодня собрание хозяев типографий, которые будут уступать рабочим.

Поговаривают о военном положении в Москве.

Все поголовно ругают Дурново, Медема и еще больше Петербург. Полиция ругается, что у ней отняли всякий авторитет и позволяют ее избивать, запрещая защищаться.

На Тверском бульваре казачий есаул начал 24 сентября пальбу вопреки приказа, но у него были небоевые патроны.

Полковой командир Екатеринославского полка собирал на совет офицеров, и они единодушно решили стрелять в бунтующих и совсем не брать небоевых патронов, а стрелять боевыми, не слушая никаких приказаний и запрещений... Вот до чего доходит!

В конце концов, пожалуй, правительство будет низвергнуто военными, и, вероятно, вся Россия будет рукоплескать. Ругань на правительство положительно общая (т. е. среди самой обыкновенной публики...) Да и действительно положение нетерпимое и всех заставляет думать, что правительство нарочно ведет Россию к революции.

Это, конечно, неправда, но важно то, что так говорят именно люди, не желающие революции.

30 сентября.

По городу вспыхивают новые беспорядки на разных заводах и заведениях. Часа два назад помчались с нашего двора, говорят, на Мясницкую, где «громят» какое-то заведение. Я видел, как многие жандармы, уезжая, крестятся... Немудрено! Кто знает, возвратится ли живым?

Поведение начальства, поистине, возмутительно. Они доведут город до чего-нибудь ужасного. Уже теперь забастовщики поговаривают, что станут «жить грабежом».

Из газет сегодня вышел «Русский листок». Интересно знать, вызовет ли это беспорядки?

С остальными наборщиками идут переговоры. Начальство склоняет хозяев к уступкам.

Сегодня по телефону известили из Петербурга о смерти С. Н. Трубецкого (ректора университета) от удара! Вот неожиданность! Совсем еще молодой человек. Очевидно, его убил университет. Несчастный, зачем пошел в ректоры в такое время?

По сегодняшним сведениям, рабочее движение по Москве разрастается, переходя на другие производства. Ждут железнодорожной забастовки движения. Но, насколько слышно, Медем не принимает никаких предупредительных мер. В Петербурге не любят тревожных донесений, и, угождая по-куртизански, здешняя администрация старается представить, что собственно ничего серьезного нет. Дождутся таким образом как-нибудь грандиозного несчастья, как в Петербурге 9 января или похуже.

3 октября.

Вчера и сегодня выходят «Московские ведомости». Работают учениками. Значит, выходит три газеты («Русский листок», «Московский листок» и «Московские ведомости»).

6 октября.

По Москве продолжается ерунда. На похоронах Трубецкого несли впереди университетский стяг, позади царский. Затем шли несчастные дети, а вокруг них — красные венки и марсельеза и «Ненавистен нам царский чертог»... Полиция была предоставлена самим студентам. Публику разгоняли. Это безобразие длилось с 11 часов утра до 8 часов вечера, когда, наконец, произошло побоище. Из манифестантов ранено (шашками) человек 10. Из казаков (пулей) один...

Дом университетской типографии превратился в казарму. Вот уже больше недели все набито лошадьми, казаками, пехотными солдатами. В редакционных помещениях все стены уставлены ружьями, казаки всюду сидят, ходят, спят на полу и скамьях.

По городу там и сям бушуют рабочие.

Саша сегодня уехал в академию, и тотчас по отъезде явилось известие, что студенты послали в синод требование а в т о н о м и и, а впредь до исполнения требования п р е к р а т и л и л е к ц и и...

У Грингмута сегодня собрание его монархической партии; говорят, будет до 60—70 человек. В партию поступил — кто же? Градоначальник Медем! Это совсем по-республикански... А впрочем в нынешней всероссийской каше — все «натурально».

В епархиальном доме собрание по поводу «о т н о ш е н и я п а с т ы р е й к с о в р е м е н н о м у о б щ е с т в е н н о м у д в и ж е н и ю»...

Н о ч ь. — Только что возвратился из епархиального дома. Зрелище высоко поучительное! Читал Николай Петрович Попов, библиотекарь патриаршей ризницы. Говорили: Ник. Павл. (?) Добронравов, свящ. Романский и другие. То же нервное опьянение, чисто революционное настроение, как по всей России. Любопытно до крайности, но устал, некогда записывать.

7 о к т я б р я.

Началась забастовка Казанской дороги. Прекратилось движение. Судя по сведениям редакции, имеется в виду о б щ а я остановка дорог. Это общество (железнодорожный союз) чисто революционное и благодаря бездействию власти принудительно подчинило себе всю массу железнодорожных служащих. Передавали, со слов Павлова («историка»), что государь и ему выражал свое мнение: дескать пусть идут беспорядки, пока Россия сама убедится в их гибельности. Какая прискорбная точка зрения! Как будто вся Россия приходит в беспорядочное состояние по непониманию, что нужен порядок!

8 о к т я б р я.

Получил от Саши ниже заклеиваемое письмо и немедленно послал телеграмму, чтобы он приезжал... Телеграмма, вероятно, не отправлена, потому что Ярославская дорога нынче же «забастовала», так как поезда и телеграф перестали действовать... Однако Саша самостоятельно приехал, успевши захватить п о с л е д н и й поезд. Забастовка его захватила под самой Москвой, где поезд и остановился, так что Саша пришел в город п е ш к о м.

Дела в академии — бог знает что. Забастовщики, к которым, в первую очередь, принадлежат профессора, грозили 6 упорным (Саша, Стефан, Веретенников, Тихонов[?], Раич, Лагов) и с к л ю ч е н и е м из академии.

В аудиториях лекций не было. В с е профессора примкнули к забастовке. Введенский н е я в и л с я и этим спасся от подписи под требованием «автономии». На совете не подписали только ректор (Евдоким) и инспектор (Иосиф). Совет потребовал у них м о т и в и р о в к и отказа. Епископ Евдоким не стал отвечать, а Иосиф сказал,

что академия есть церковное учреждение, что и было встречено хохотом совета.

Вчера неожиданно нагрянул митрополит, явился на извозчике, пошел к ректору, потом собрал профессоров и студентов, был очень грозен, потребовал, чтобы на следующий же день лекции начались снова. Но из этого ничего не вышло. Профессора потребовали, чтобы студенты их поддержали. Когда сегодня митрополит явился на лекции, студенты его не пустили, затворили двери, встретили со свистками и революционными песнями.

Пришлось владыке удалиться, даже не добившись входа в академию...

Он объявил, что закрывает академию и что студенты должны все убраться. Но студенты между собой уговорились, что «только вооруженной силой их выдворят из помещения академии»... Это уже прямо грабеж!

Но тут подоспела забастовка железной дороги, так что студентам даже и некуда уезжать. Что из этого выйдет — увидим, кто доживет.

Грингмут опубликовывает в «Моск. ведомостях» сведения о своей монархической партии. Товар показывает лицом и, вероятно, вызовет новые присоединения. Однако Глоба-Михаленко рассказывал (он член), что собрание партии произвело на него мизерное впечатление. Их было 80 человек, но — «с борку да с сосенки», нет ни содержания, ни желания действовать.

Я узнал очень немного членов: Грингмут, Женя Грингмут, Глоба, Геника, Долгорукий, Розен, Нольде, Преображенский, Емельянов, Лукин, Стюарт, Никифоров, Д. И., г-жа Шварцбах, градоначальник Медем, Стволов (гостинорядец), Епифанов (купец), Шмаков, свящ. Добров, архим. Анастасий... не знаю кто еще был. Да еще, конечно, Терентьев... Еще — Ник. Федор. Берг («День»)... [1])

---

[1]) Далее наклеено следующее письмо:

Моск. дух. академия. 5 октября 1905 г.

Милый папа!

Вчера у нас началась забастовка и, кажется, более крупная, чем в прошлом году. 140 человек требует автономии. 15 человек стоят за автономию, но против забастовки. Нас, желающих слушать лекции и противников автономии, пока только, кажется, 7 человек со всех корпусов. Профессорам и студентам, решившимся пойти на лекции, объявлено, что, не в пример прошлому году, будет допущена по отношению к ним обструкция словесная, химическая и даже физическая.

Из профессоров 17 — за автономию, 10 — против.

Но курьезнее всего, что пробрался на собрание либеральный шпион доктор Пучков, радикал Московской думы... Как он прошел? По фальшивому билету или по небрежности надзора, но был здесь весь вечер, и никто не обратил внимания на присутствие «неприятеля». Только вечером Глоба, зайдя к знакомому, бывшему на собрании, узнал об этом. Тот ему говорит:

«Ну однако и партия у вас! Как же это вы приняли Пучкова?»

Глоба заверил, что это невозможно... «Да я сам с ним говорил и здоровался. Увидал, подошел, он сначала как будто хотел уклониться, но потом вполне развязно поздоровался... Поговорили»...

Глоба, конечно, сообщил об этом скандале шефу партии...

Точно — недурные порядки!

Грингмут со мной не говорит о своей партии, но и не морочит меня, не скрывает, что недоволен. Да и понятно. Он умен. Но и я понимаю: что же ему делать? Строить декорации во славу Empire de façades!

9 октября. Воскресенье.

Москва почти отрезана от России. Забастовали почти все железные дороги, кроме Николаевской, да и та надолго ли продержится?

Революционный железнодорожный союз существует уже давно и все забрал в свои руки, терроризируя всех служащих. Он готовил общую остановку движения в России к моменту революции, чтобы помешать движению войск и голодовкой возмутить повсюду народ. Все это знают. Одна эта гнилая сволочь, именуемая правительством, ничего не делала и не делает! Неужели у них не осталось уже ни одного честного человека? Как бы то ни было, невольно начинаю желать скорейшего наступления революции, которая смела бы всю эту мерзостную дрянь...

10 октября.

Все железные дороги стали, кроме Николаевской, да и та теперь (вечер), вероятно, уже забастовала.

Еще хуже то, что городские рабочие грозят забастовкой, если их требований дума не исполнит к 12 октября. Это значит,

---

В академии безделье и пьянство. Везде революционные песни. Сегодня вместо лекции их распевали в аудитории ректора.

В день акта проф. Тихомиров напился пьян вместе со студентами и, еле выговаривая, сказал, что гораздо больше значения имеет марсельеза и революционные песни, чем философия. За это ему спели марсельезу и качали...

Целую всех.

Твой А. Тихомиров.

в том числе, в о д о п р о в о д... Завтра у них назначена демонстрация против думы и послезавтра — Москва без воды!

Полковник Симанский говорит, что войска измучены и обозлены дурацкой полицейской службой, которой их мучат уже две недели слишком. Вероятно, что они скоро тоже взбунтуются.

Какая жалкая гибель сгнившего государства!

Сегодня распространился по Москве слух, будто «царя нет»... Одни говорят, будто бы он «бежал за границу»; другие, будто бы «отказался от самодержавия»... Говорят, ожидается из Петербурга какой-то пакет первостепенной политической важности...

Может быть, — слухи, нарочно распускаемые революционерами для смуты. Может быть, и вправду что-нибудь произошло. О, несчастный человек, злополучный! Но положение ужасное. Никогда еще свет не видал такой анархии, безумия и безвыходности.

11 о к т я б р я.

У т р о. — Объявлено, что дров в редакции только на д в а д н я. Торопимся добыть керосину, но и то сомнительно... Водопровод в опасности, и дворники без перерыва ездят за водой, все запасаются... А ванна, в которую хотели сливать — дно провалилось. Беда! Собираем кадки.

Катерина принесла известие, что п я т ь д н е й н и ч е г о н е б у д е т, н и е ды, н и п и т ь я, а к о г д а у ж е в с е м ы б у д е м п о м и р а т ь с г о л о д у, т о я в и т с я а н т и х р и с т...

Пожалуй, что и похоже на правду.

В е ч е р. — У нас стали все дороги. Москва отрезана от мира. Внутри стачки рабочих и... фармацевтов...

Фармацевты ходят по аптекам и силой заставляют прекращать работу. Объявляют однако, что они не имеют требований к хозяевам, но что их забастовка имеет исключительно п о л и т и ч е с к о е з н а ч е н и е...

А свыше — нечто бесконечно дряблое, во всех деятелях. Правда, ходят слухи, будто Витте получил власть... Уж хоть бы он! Слухи впрочем самые нелепые: будто бы император поставит Витте во главе правления, а сам уедет в Данию... Этих слухов не оберешься. Рассказывают (и притом в обществе), будто император получил от революционеров письмо, что, если он будет применять репрессивные меры, то они, революционеры, убьют не его, а наследника... И вот будто бы поэтому он и не трогает никого... Действительно, репрессивных мер он не позволяет. Покойный Трубецкой (ректор) возил в Петербург список 300 человек, заправляющих университетской револю-

цией; этот список был у императора, — и он не приказал трогать. (Это со слов Трубецкого-предводителя). Еще ему докладывала полиция о 23 человеках, которые производят всю революцию, с указанием средств (между прочим, иностранных), на которые это делается. Тоже не позволил трогать...

12 октября.

Вчера были Семенов с Бутми, а вечером Кузнецов с Дурново... Прямо не мог спать ночи от рассказов об ужасах. Двинулась и Хитровка. Предположено грабить город. А 17 октября будто бы назначен погром Москвы. Это ужас!.. Все, как разъяренные, ругают власти, — и особенно царя, — не принимающих мер против прямой гибели страны. Теперь можно считать себя накануне гибели, смерти.

Нет на свете людей преступнее наших власть имеющих. Но теперь не до критики. Нужно готовиться к смерти. Боже, ты видишь сердце мое: не запятнан я никакими преступлениями, мошенничеством, эксплоатацией ближнего, всегда старался проповедывать людям правду, разум, человечность, развитие личности... Боже, боже, пощади и пошли хоть сколько-нибудь христианскую кончину, непостыдную и мирную; защити моих, которых ты дал мне.. Да будет твоя святая воля, а не наша, грешная и безумная!..

У нас что-то назревает. Рабочие движутся гуськом; новая тактика их, чтобы где-нибудь внезапно сразу собраться...

Ворота заперты (совсем не пускают), а ходят через типографию... А Коля в гимназии... Господи, какая мука!

. . . . . .

Вечер. 10 часов. — В течение дня ничего особенного не произошло. Вчера была грандиозная сходка (говорят, будто 30 000) (?!) в университете, это было «делегатское собрание» (т. е. нынешнее революционное правительство, соединение делегатов всех революционных партий и групп). Решили они всеобщую забастовку; говорят о беспорядках на 14 октября.

Слухи говорят о намерении грабить, «снимать» силой частную прислугу (ходить по всем домам) и даже будто бы с 17 октября начать выжигать Москву...

Говорят также, будто организуется и народная охрана для борьбы с революционерами и грабителями. Если это серьезно, то, принимая во внимание численность охраны (их около 50 000 человек, в пяти отрядах или отделениях), — то может быть страшное побоище... Впрочем, если революционеры и примкнувшие к ним «хитровцы» начнут сами резать, то будет, конечно, еще более крови.

Что же это за «сволочное» правительство, которое доводит страну до такого страшного самоуничтожения!

Видел сегодня (случайно) Павлова и Бухарина. Они от имени с о ю з а (вновь основанный) были в числе 12 делегатов у генерал-губернатора и заявили ему, что, если он не водворит порядка, то у нас начнется г р а ж д а н с к а я в о й н а. Дурново проявил полное непонимание положения, уверен, что в Москве ничего особенного не делается, и что он р у ч а е т с я за сохранение порядка!

Господи, но разве же порядок то, что теперь творится в несчастном городе?

Кстати сказать — К р а с н и к о в, рабочий делегат в думе, протестовал против слухов о прекращении рабочими действия водопровода. Дай бог!

Вообще несомненно, что в требованиях рабочих м н о г о с п р а в е д л и в о г о и что отношение к их нуждам как со стороны правительства, так и думы очень неискреннее и надувательское.

13 о к т я б р я.

День ясный: к беспорядкам...

Вчера в думе силой начали производить забастовку всех служащих. Сегодня этот вопрос будет «обсуждаться» в Верхних рядах, а затем забастовщики пойдут в думу. Похоже, что рассчитано на нечто «революционное»: Красная площадь, толпы народа, лавки и магазины... Тут может пойти такой грабеж со стороны толпы, что ужас!

Господи, в какую бездну мы валимся?

Н о ч ь. — Москва в анархии. В университете 20 000-ный митинг. Завтра — в с е о б щ а я з а б а с т о в к а и р а з г р о м. Вероятно, и нам не сдобровать. Власти упорно бездействуют.

Заклеиваю письмо Киреева [1]).

---

[1]) Вклеено далее след. письмо:

11(24) октября. Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Книгу вашу вел. кн. Конст. Константинович передал царю (перед своим отъездом в Ташкент).

Мы стоим над пропастью! В с е возможно; царь может обнародовать завтра конституцию! Я отстаиваю самодержавие, указываю на разницу между Думой (совещательной) и парламентом (с голосом решительным). Э т о, в д л и н н о м изложении, я представил третьего дня на усмотрение царю (повез Фредерикс — министр двора), но едва ли можно вселить в царя желание что-нибудь предпри-

14 октября.

Управские служащие забастовали. Воды нет. Электричества нет. Москва темна, как дремучий лес...

Не было в истории более тяжкого положения, более безумного.

На квартиру Шарапова было ночью нападение! Били окна, стреляли. Он с семьей съехал в гостиницу.

«Союз русских людей» выпустил воззвание, чтобы собирались по приходам, организуя приходские дружины, с общим советом.

Генерал-губернатор расклеил объявления: грозит стрелять... Но в кого? Москва чахнет, голодает, осталась без воды.

Аптекаря забастовали, лекарств нет.

Безумцы решились всех заморить всеми кознями и способами... Это началось по всей России. Петербург и все города замерли, не движутся, не едят, не пьют.

Видано ли нечто подобное? Это апокалипсическая саранча, вышедшая из дыма бездны, под командой Аввадона-губителя...

нять, стать царем! В этом отсутствии воли и заключается вся наша беда, это тот страшный аргумент против самодержавия, на который мне нечего возразить!

И вот является то положение, в котором у самых надежных людей—защитников самодержавия падает сердце и падают руки! Вот, например, вы, Дм. Хомяков, даже Самарин (еще молодой) отказываются от работы... Это очень скверный признак.

Ежели сочтете удобным, передайте от меня Владимиру Андреевичу Грингмуту следующее: иностранные газеты по обыкновению врут; конечно, Витте не мог сказать, что «Моск. ведом.» — «рептилия», но что правительству теперь на них трудно опереться — это верно, и Булыгин не мог бы на них опереться. «Моск. ведомости» интранзигент самодержавия, это бы ничего, это даже хорошо (даже очень хорошо), но они отстаивали интранзигентно не только принцип (как отстаиваю, например, и я), но и, иногда, не выдерживающие критики применения оного. Ту же самую ошибку они делали и относительно православия. Они прославляли Е. Богдановича государственным мужем и отцов И. Кронштадтского или Мальцева — богословами. Замечу, что Иоанн Кронштадтский, может быть, святой или бессознательный гипнотизер, не знаю, но не богослов.

А за «монархическую» партию Грингмута — спасибо! Она не должна действовать теперь, теперь она только должна укомплектовываться, увеличиваться, разветвляться, а когда (если) революционная партия вздумает на выборах насильничать, то монархической партии можно перейти к физической борьбе за свободу выборов. Именно так: за свободу; прозвище «черная сотня» может быть дано и самому доблестному войску.

Передайте вашему Саше, отказавшемуся итти за забастовщиками, что я его считаю достойным всякой похвалы, и он и его товарищи молодцы! Настоящие патриоты, хвала им и честь.

Ваш Киреев.

15 октября.

Утро.—Воды нет, множество магазинов закрыто. Город тревожен. Гимназии распущены. В думе должен быть митинг, который, вероятно, захватит думу и посадит в ней революционный комитет.

11 часов. — Сейчас какие-то люди помчались к нам в ворота. Драка на тротуаре...

9 часов вечера. — Утром в Охотном побили нескольких студентов, приказывавших закрывать лавки. Из-за этого университет забаррикадировался и к вечеру превращен в форт. Запасаются провиантом и т. п.

В то же время в думе образовано нечто вроде Комитета общественного спасения, решено составить милицию.

Нечто невообразимое...

Генерал-губернатор пьет шампанское...

Телеграф и телефон прервали внутри города и с Петербургом.

Наступает какая-то катастрофа. Жалко всех, все стороны и всех готовящихся вступить в резню. И тяжко было бы погибнуть среди такого безумия.

16 октября.

Утро. — Выпал снег.

День, кажется, сулящий много кровавого и безумного.

Грингмута я видел вечером, и он мне ни слова не сказал о двух важных поступках, которые в эту минуту замышлял. Именно: 1) объявление его «монархической» партии о собирании подписей для прошения о лишении думы ее полномочий; 2) перепечатка прокламации какого-то кружка о том, чтобы московский народ подымался на защиту порядка.

Нетактично, и только вливает новое брожение!

Впрочем, теперь все в анархии и без того.

Революционеры утвердились в университете; дума стала сосредоточием революционных союзов. Все вооружаются. Постановлено в думе организовать милицию.

По церквам читают послание митрополита и введены новые молитвы об умиротворении.

Возможно, что сегодня же начнутся кровавые схватки.

Живя в редакции, я, конечно, подвергаюсь опасности убийства и разноса в первую голову.

Ночь. 10 часов. — По сведениям от 8 часов — за день ничего не делалось. О думе и Комитете общественного спасения ничего неизвестно. Университет оцеплен войсками, которые выпускают

выходящих, но никого не впускают. Он изнутри забаррикадирован. Говорят, будто студенты занимаются изготовлением нитроглицерина.

Сегодня не слыхал о побоищах, но вчера были случаи.

По церквам нигде, говорят, не было никаких толков о дружинах.

Саша пошел в Саввинский монастырь и там заночует. Были случаи нападений на студентов, да и хулиганы грабят и режут.

Говорят, у старого Пимена один «студент» выстрелил в священника, читавшего послание митрополита, и выбежал из церкви. Народ за ним гнался, но не догнал.

У Василия Неокесарийского один из присутствующих в церкви сказал по поводу той же речи: «Полно врать пустяки». Его схватили и вытолкали из церкви.

Едва ли послание имело успех.

Тоска ужасная, нервы измочалились... Да и другие на это жалуются. Кажется, и у либералов они не всегда хороши. Те боятся «черной сотни», т. е. движения народной массы. Оно, конечно, возможно, хотя случаев таких очень мало.

Москва черна ночью. Фонари (керосиновые) еле мерцают. Окна магазинов заколочены. Съестные припасы, впрочем, продавались, и сегодня «пустили воду»: господа рабочие сжалились над несчастным городом, а быть может их вожаки инженеры хотели доставить воду в университет... Там, говорят, заперлось 15 000 человек. Может быть, и вранье: кто их считал? Но если и 5 000, то воды нужно много.

Из Петербурга никаких вестей: ни газет, ни телефона — все отрезано. Что там делается? Кто правит? Дерутся или нет, и кто победил — ничего неизвестно.

По слухам, здесь в думе были толки, что не следует итти слишком далеко, ввиду народного движения, которое они, очевидно, преувеличивают. Поэтому там будто бы слышится готовность отказаться от р е с п у б л и к и и выставить пункты, на которые монархисты, по мнению радикалов, могут легче согласиться, а именно: 1) низложение Николая II, 2) объявление императором Алексея Николаевича, 3) при регентстве Константина (а не Михаила)... Ну, к этому еще что-то конституционное.

Любопытно их мнение, что монархисты могут отказаться от нынешнего императора... Впрочем, все это рассказы из десятых рук.

17 о к т я б р я.

У т р о. — Вчера дума не приняла проекта образования Комитета общественной обороны и милиции, и этот вопрос оставлен на обсуждение с е г о д н я, в 1 час дня.

В е ч е р. 7 ч а с о в. — Вчера студенты и рабочие, запершиеся в университете, вышли оттуда в 6 часов. Они просидели за баррикадами, делали оружие, бомбы и т. п., и все ждали нападения. Выйти им никто не мешал, и человек 100 ушло. Но масса трепетала, что ее кто-то будет избивать... Вообще теперь все в сумасшедшем состоянии... Наконец, послали Мануйлова к градоначальнику с условиями «капитуляции»... Эти условия были: 1) выйти всем в м е с т е, 2) гарантия б е з о п а с н о с т и, 3) дойдя вместе до какого-нибудь достаточно далекого пункта, будут расходиться по домам.

Градоначальник согласился, прибавив еще пункты: 4) выдать все оружие, 5) обязаться не делать на пути никаких демонстраций.

Студенты приняли условия.

Затем все выходили без оружия, тихо, рядами, под конвоем войск. Некоторые пытались пронести оружие или затянуть революционную песню: всех таких сами студенты препровождали обратно в университет и выдали полиции. Сколько этих арестованных, не знаю. Остальные в полном молчании, рядами, под эскортом войск, а впереди —Руднев и Мануйлов, были безопасно доведены до Никитских ворот, откуда и разошлись по домам.

По городу ничего бунтовского до сих пор сегодня не было. О решениях думы ничего не знаю. По улицам — патрули.

Водопровод действовал. Москва — темна. Лавки попрежнему торчат с заколоченными окнами. Умиротворения нет. Железная дорога н и о д н а не действует. Телефон и телеграф не действуют. Прибавилось несколько новых забастовок (консистория, контроль, фонарщики!!!). Одним словом, все в прежнем спазме.

Видел епископа Никона у Грингмута. Оказывается, что послание, читанное по церквам, писал он, а митрополит дал лишь согласие. Напечатано в синодальной типографии, но в ограниченном числе, потому что там наборщики что-то ненадежны. Впрочем, и читалось послание далеко не везде, многие священники не захотели читать.

Оказывается, что Шарапов укрылся в Даниловском монастыре, откуда и не выходит, держа свое местожительство в полном секрете... А семью отправил к родным. Нельзя сказать, чтобы убежище было очень безопасно...

В е ч е р. 8 ч а с о в. — В думе, кажется, ничего особенного не было.

Три дороги: Николаевская, Ярославская и Рязанская решили стать на работу.

18 октября. 1½ ч. дня.

Ночью пришел манифест с объявлением всяких свобод и с предоставлением Госуд. думе законодательного р е ш е н и я... Это — отказ императора от самодержавия.

Однако, кажется, беспорядки лишь усиливаются. Сейчас какой-то человек срывал флаги, которыми расцветился город по случаю ограничения самодержавия. Один флаг сорвал в университетской типографии. Народ стал его бить, но он убежал.

А тут же забастовали Яковлевские наборщики и прибежали к университетской типографии с криками: «кончай работу». Не знаю, чем кончится... Но налево (к Страстной площади) сейчас поскакали жандармы.

3½ ч а с а. — Огромная толпа студентов с красными флагами стоит перед пересыльной тюрьмой... Другие толпы — по городу... Что делается, господи!

7 ч а с о в. — Не знаю, чем кончилась манифестация у острога. Толпа студенческо-интеллигентская была около 3 000—5 000. У Подвесков какой-то человек снял трехцветное знамя и пошел с ним, крича: «За мной! За царя!»... С ним пошло человек 10—15... Потом попались им проезжающие два студента, и они стали колотить этих студентов. Полное безобразие!

Была еще манифестирующая толпа, человек 500 (пятьсот), с трехцветным флагом и пением «Боже, царя храни»... Позднее были какие-то драки на Страстной площади: говорили, будто «бьют жидов»... Какие такие «жиды» в Москве? Чепуха... Одно ясно: идет взаимный мордобой по всем пунктам. Об отдельных драках — куча известий...

Нечего сказать, во-время явился манифест. Вчера, казалось, начинают умиротворяться; теперь на уголь плеснули ведро нефти.

Злополучный правитель: все у него идет к гибели...

Уж хоть бы Витте принимал какие-нибудь меры. Но трудно: все так расклеилось, раскалилось, перегрызлись, что жди только крови.

Сегодня начали работать Н и к о л а е в с к а я, Я р о с л а в с к а я, К а з а н с к а я д о р о г и. Говорят, начинают также Б р е с т с к а я и В и н д а в с к а я...

Н о ч ь. 9 ½ ч а с о в. — Что было у острога, неизвестно. Но 20 человек вооруженных ворвались во двор градоначальника с целью освободить арестованных в охранном отделении. Городовой выстрелил и убил наповал курсистку. Студент тотчас же застрелил этого городового, а другой городовой наповал же убил этого же студента... Дальнейшего не знаю.

Еще на Театральной площади революционеры разбили полицейские кареты, тоже думая кого-то освободить. Но кареты были пусты, а охрана их стреляла и убила кого-то из нападавших.

По сведениям телефона, который, впрочем, дает известия чисто сенсационно-революционные, в Петербурге несколько столкновений с войсками, много убитых и раненых.

19 октября.

В 9 часов нахлынула толпа с красными знаменами, скопилась у нашего двора, взломала ворота, вошла во двор, кинулась в типографию. Мы пережили тревожные минуты, ибо настроений толпы не знали. Толпа заставила рабочих типографии прекратить работу и с пением русской марсельезы вышла на улицу... Но не уходила... Говорились речи... Полиции и охраны н и к а к о й... Один был городовой, и тот спрятался на кухню... Потом толпа опять двинулась во двор. У нее был какой-то предводитель, уже пожилой, из интеллигентов, энергической наружности. Были отдельные лица в красных шарфах. Потом все опять вышли на улицу... Тут опять стояли... Наконец, появился полицейский наряд в 15 человек. Полицейские офицеры просили толпу разойтись. Из толпы некоторые что-то спорили, но, наконец, помаленьку нашествие схлынуло.

Потом кухарка рассказывала, что предводитель толпы кричал: «М ы н е р а з н о с и т ь п р и ш л и, н е г р о м и т ь, а о с т а н о в и т ь р а б о т у», и потом еще будто и остановка работы приказана толпой только на сегодня — ради празднования манифеста... Завтра, дескать, могут работать...

Вся эта буча длилась около часа.

. . . . . .

Н о ч ь. 8 ½ ч а с о в. — Зашел в редакцию узнать, ходят ли курские поезда... А там целая казарма — гренадеры, кто курит, кто книжку читает, а иные у стола щи хлебают... Ружья по стенам... В типографии же не работают, и газета не выйдет.

Вот так-то все: когда приходит толпа, никакой защиты, а теперь целое войско.

О происшествиях дня, — если они были, — ничего не слыхал. О вчерашнем очевидцы говорили, что генерал-губернатор на своем балконе, по требованию толпы, снял шапку во время пения марсельезы...

Сегодня я очень резко доказывал Грингмуту всю неуместность его статей, вызывающих на насилия. Он согласился с моими доводами и обещал, что этого больше не будет. К сожалению, поздновато. Я ему уже сколько раз раньше это говорил, уже несколько лет... Но не обращал внимания, пока теперь не прикрутила революция.

Да, революция. И как жалко, что все двинулось революционным путем! Кончится после манифеста — резней, через года два — три — такой же свирепой реакцией. Увы, людей не учит опыт, и все делается не сознанием, а страстью. Впрочем, бюрократический режим — все-таки рухнет, вероятно, и это уже будет некоторая выгода для России. Но ведь это так легко было сделать без потерь, которые, несомненно, произведет сначала революция, а потом реакция.

Саша пошел в Саввинское. Беспокоюсь. Темно, черно, беспорядочно в городе. Да, впрочем, теперь в е з д е жизнь на волоске. Боже, как тяжело это, и особенно для м е н я, понявшего, что единое благо — в эволюции и социальном мире. Остаешься одинок среди революции и реакции, одинаково готовых тебя уничтожить, по историческому недоразумению.

20 о к т я б р я.

Проснулся рано, выглянул: солнце восходит мутно-красное, как будто облитое кровью...

Пошел на телефон поговорить с доктором. Пока добился своего номера, пришлось выслушать кучу чужих. Все спрашивают, почему не получена газета. «Не вышла». А то звали от градоначальника старшего офицера три раза... Это заинтересовало солдат. «Что ему нужно?» «Должно быть, обезоружить приказал», — отвечает насмешливо другой. И начинают разговор — недовольство на тягость нарядов, на бесцельность их. Городовые поддакивают...

Присутствуешь при смерти старого порядка — и при своей...

Сегодня похороны врача Баумана, революционера, который найден на улице мертвым, и еще убитой акушерки... Это значит — грандиозная демонстрация, страсти, мщение. Охрана поручена самим революционерам.

3 ч а с а д н я. — Бесчисленные толпы ждут процессии похорон Баумана... Где-то она пройдет?

5 ч а с о в. — Процессия Баумана движется. По пути толпа 200 000. Собственно процессия 10 000. Встретил полицейского офицера. Обозлен до невероятия; ругает Дурново и Медема изменниками. Говорит, что городовые и солдаты также взбешены и рвутся расправиться. Полагает, что похороны будут сопровождаться побоищами.

Этого Баумана, шедшего с красным знаменем впереди революционной процессии, убил какой-то ломовик каким-то тяжелым оружием.

Рассказывают, что у ломовиков образовался союз, человек тысяч десять, для расправы с революционерами...

Похороны Баумана и акушерки имеют маршрутом через Никитскую, от Технического училища на Ваганьково кладбище.

Теперь 6 часов. Никаких нет слухов.

7½ часов. — Сведения от 5 часов гласят, что процессия идет в образцовом порядке.

На флаге надпись: «Граждане, сами охраняйте порядок». При остановках речи, будто бы крайне резко против императора: манифесту не нужно верить, императора низвергнуть (или уничтожить — не знаю), и заявления, что где бы он ни скрывался—не уйдет от их рук. При остановке у университета, говорят, раздавали револьверы в громадном количестве и прекрасного качества.

Ну, если революционеры сумеют охранить порядок, то, конечно, можно ручаться, что они захватят власть. Остальное будет зависеть от их уменья ею воспользоваться.

Уж, конечно, не «ломовики» им помешают. Это вполне «черная сотня». Впрочем, вероятно, если ее покормить, то она к ним же пристанет.

Какой поучительный пример крушения гнилушки!

10½ часов. — Ходил несколько раз к Грингмуту, добиваясь видеть его передовую и упрашивая его воздержаться от малейших призывов к насилиям. Ну, кое-чего достиг, хотя он вроде воспаленного, и с ним крайне трудно говорить. Все же посмягчил...

В редакции спят вповалку городовые и солдаты; последних свыше 60, говорят... Сейчас прискакали во двор какие-то конные: не то казаки, не то жандармы...

По городу, кажется, смутно, хотя точных известий нет.

Процессия Баумана дошла до кладбища только к половине десятого. Как они будут хоронить ночью? Есть слухи, что отложат до завтра. Есть слухи, что какие-то толпы двигаются к государственному банку... Есть слухи, что другие толпы на Тверском бульваре кричат, что будут бить «студентов»... Это, очевидно, «антиреволюционные» толпы. Говорят, на знамени процессии была надпись: «Да здравствует социальная республика!»...

По телефону из Петербурга — там совершенно то же, если не хуже. Толпы, столкновения, пальба.

Одним словом, мы в полной революции, и — повидимому — самой смутной.

Из городской болтовни: слухи, будто имеется в виду взять манифест обратно! Это, конечно, образчик лишь общего ничего непонимания...

21 октября 11½ ч. утра.

Вчера было-таки кровопролитие, по возвращении процессии, у университета. Ходил в редакцию узнавать, но никто ничего не знает. По «Русскому листку», на революционеров напали «патриоты» и от-

крыли п а л ь б у от гостиницы «Петергоф», а когда «боевая дружина» революционеров двинулась против них, то началась пальба сзади от Никитской и от манежа. Революционеры скрылись в университет. Будто бы 6 убитых и раненых 70 (у революционеров), а со стороны «патриотов» — неизвестно.

В полиции, повидимому, страшное ожесточение против генерал-губернатора. Среди же донцев есть крики о своих же генералах, как об «изменниках». Есть голоса: «Если царя не будет, уйдем на Дон и подымем весь Дон и начнем громить всю вашу Россию, как бывало в старые времена...»

В газетах множество известий об еврейских погромах.

Вот описание «Русского листка» (№ 283).

ПРОЦЕССИЯ.

Первым впереди процессии над толпой колышется стяг с надписью: «Да здравствует вооруженное восстание и Учредительное собрание на началах прямого, равного и тайного голосования». Под ним сгруппировались партии социал-демократов и социал-революционеров. За ним следует второй: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Затем третий: «Российская социал-демократическая партия рабочих». Вот четвертый с надписью: «Требуем Учредительного собрания и всеобщего, прямого, тайного голосования!» Вот проходят знаменоносцы с пятым стягом. На нем надпись: «Долой самодержавие, да здравствует временное революционное правительство и республиканский строй!» За пятым стягом идет шестой и другие. Все красные. На них надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Да здравствует 8-часовой рабочий день!»; «Да здравствует социализм!»; «Слава погибшим, живущим — свобода!»; «Свобода всех граждан без различия пола и национальности»; «Да здравствует революция!»; «Месть тиранам!»; «Да здравствует единая социал-демократическая рабочая партия!»; «В борьбе ты обретешь право свое!»; «Долой черную сотню!»; «Слава погибшим защитникам народа!», и мн. др. Позади ехали санитарные кареты «Красного креста». Под звуки похоронного марша шествие дошло до Межевого института, останавливаясь у церквей: тысячи голосов пели «вечную память». У Межевого института процессию должны были встретить салютом из ружей, но распорядители, согласно желанию толпы, этот пункт программы отменили.

Подымались несколько анархических ч е р н ы х флагов, но их заставили убрать. Порядок был примерный.

Порядок дня при шествии образцовый.

Еще у Технического училища, где находилось тело убитого, рабочие, студенты, интеллигенция и вообще все присутствовавшие стали в стройные колонны по нескольку сот человек, по десяти-пятнадцати лиц в ряд. Каждый ряд представлял как бы стену, все его составлявшие держали друг друга за руки.

Картина была не только величественна, но и трогательна. В этих соединенных руках чувствовалась мощь объединенного народа общими интересами.

Почти при самом выходе процессии из Технического училища чуть было не произошел переполох. Кто-то крикнул: «Казаки, казаки!» — и несколько

человек ринулись в разные стороны. В стройных колоннах произошло замешательство: малодушные, бросив руки соседей, бросились бежать; но вот из толпы к этому месту быстро подошло несколько десятков студентов разных высших учебных заведений, они мужественно остановили толпу, успокоив ее тем, что никто не посмеет сейчас подойти к ней и безнаказанно ее тронуть, так как здесь в процессии участвует вооруженная «боевая дружина».

Похороны — обычные в таких случаях. Не заклеиваю. Хоронили гражданским порядком, без церковной молитвы. И это хорошо: зачем комедиями надругаться и над умершим и над религией? Все было чинно, но по окончании произошло побоище.

КРОВАВЫЙ ФИНАЛ.

Возвращавшаяся с похорон толпа шла тихо, стройно.

Не было слышно ни пения, ни музыки, ни даже громкого разговора.

Распорядителями похорон было отдано товарищам приказание итти как можно спокойнее, без всяких демонстраций, так как нужно было сдержать слово, данное накануне генерал-губернатору.

На случай могущей произойти встречи с противной партией или казаками и могущих возникнуть при этом беспорядков молодежи строго было запрещено стрелять первыми. Открыть же огонь рекомендовалось только ввиду крайней необходимости.

Толпа таяла, рассеиваясь по городу, и к манежу подходила небольшая часть ее. Когда они поравнялись со зданием университета со стороны Никитской улицы, то к ним подбежали товарищи и сказали, что около ресторана «Петергоф» толпа черносотенцев загородила дорогу случайно проходившим нескольким студентам, и что даже двое из них при возникшем недоразумении уже ранены ножами. Тотчас же молодежь распорядилась выслать вперед «боевую дружину» в числе 30 человек. Последняя, а сзади нее и другие выстроились поперек улицы от университета к манежу, как раз против указанного противника.

Освещавшие до того времени противников два электрических фонаря у гостиницы «Петергоф» погасли, толпа же «боевой дружины» студентов была ярко освещена.

Со стороны гостиницы «Петергоф» послышался какой-то гул, возгласы, а затем раздался дружный залп, по одной версии — ружейный, по другой — револьверный. Среди учащейся молодежи раздались стоны, упало несколько человек раненых. Раненых стали поспешно подбирать товарищи, а боевая дружина ответила залпом противнику. Надо полагать, что пули дали перелет, так как о раненых с той стороны не было слышно.

После этого произошла ужасная и еще более непонятная история. Стоявший впереди противник опять ответил выстрелами, но в это время в толпу учащейся молодежи были произведены выстрелы сзади — со стороны книжной лавки и сбоку от манежа. Молодежь легла на землю и дала отстрел лежа, а после открылись ворота нового университета, и выбежавшие на помощь своим товарищи стали увлекать их внутрь двора. Туда же поспешно вносили раненых и убитых. Молодежь уже перестала отстреливаться, но выстрелы от манежа уже переменили направление и гремели над их головами, во дворе университета, и ударялись в окна.

Вбежавшая в здание молодежь также выстрелила два раза из окна по направлению манежа.

Картина после этого несколько переменилась.

Трескотня выстрелов замолкла, но ужас еще царил на площади перед университетом. Кровь, смешавшись с грязью, виднелась в разных направлениях. Валялись клочки бумаг, одежды и платков. То там, то сям стояли группами легко раненые, которые помогали друг другу, как могли, не решаясь обратиться за помощью в «Красный крест» университета, который и так был завален ранеными и убитыми. К зданию университета примчались одна за другою кареты «скорой помощи», которым пришлось возвращаться по нескольку раз, многие раненые отправлялись на извозчиках; тяжело раненых, так называемых безнадежных, уже не тревожили и только старались оказать им помощь, хотя временную, и облегчить страдания.

Во всех коридорах и отделениях лазарета Красного креста кипела работа. Врачи и сестры работали, не покладая рук. Убитых на месте положили отдельно, легко раненых разместили по коридору, тяжело — по лазаретам. Кроме того, университет приютил массу лиц, скрывшихся туда во время схватки. Некоторые были в изорванных костюмах и большинство — перепачканных кровью и грязью.

Кареты ежеминутно наполнялись ранеными, а их все еще было много. Всего в университете зарегистрировано в первое время перестрелки до 70 раненых и 6 убитых.

Личности некоторых пострадавших нам удалось выяснить.

Убиты на месте: студент-естественник Северьянов, студент Захаров, трое неизвестных и одна неизвестная барышня.

Тяжело раненых более 30 человек, на выздоровление которых надежд мало; некоторые из них, быть может, скончались, когда мы писали эти строки.

Вот их фамилии: Комков, Абрамов, Бровкин, Леонов, Кассьянов, Эрлексова, Солдатов, Виноградов, Кистин, Грибанов, Гришин, Усвалок, Баженов, Колпаков, Машин, Горшков, Измайлов, Баскаков, Алексеев, Белобородов и др.

Большинство из них — учащаяся молодежь.

Сколько было пострадавших со стороны другой партии, пока не выяснено, но, говорят, там жертв мало. Молодежь из университета звонила по телефону в канцелярию градоначальника и просила оградить их от расстрела в то время, пока они будут подбирать раненых.

Прибывший на место происшествия полицейский чиновник заявил, что он пока может подобрать раненых и убитых и отдать распоряжение разместить их в больницах.

Не успели очевидцы поделиться впечатлениями, как со стороны Александровского сада показалась толпа с национальным флагом и портретом государя, направляющаяся к университету.

Стоявшая у манежа публика, увидев партию, в паническом ужасе бросилась бежать в разные стороны. Извозчики также, нахлестывая лошадей, бросились наутек. Некоторые из них, движимые чувством человеколюбия, подхватывали спасавшихся, преимущественно женщин, сажали в пролетки и отвозили от национальной партии.

Улица опустела. Партия националистов, пройдя мимо университета к гостинице «Петергоф», повернула на Знаменку. Из толпы ее раздавались крики: «Лови, бей курсисток, на пику, на кол их!...»

«Русские ведомости» определяют толпу, подошедшую к университету, в 3 000 человек. А толпу черносотенцев «с громадными национальными флагами и портретом императора» — в 1 000 человек; она стояла от «Петергофа» к манежу. Стреляли будто бы из винтовок: намекают, что это стреляли казаки.

В е ч е р. 7 ч а с о в. — По слухам и рассказам, пальба у университета все более затемняется. Так, говорят, что первые начали стрелять студенты, а отвечали к а з а к и. Говорят также, будто студенты хотели бросить в казаков бомбу. Я не могу выяснить даже, стреляли ли из народа, было ли там какое-нибудь оружие. Какое-то темное дело, и не разберешь его. Впрочем, производится дознание, — вероятно, выяснит.

В е ч е р. — Вернулся из церкви. Давно не был. Эти междуусобицы не давали даже богу помолиться. Мне так трудно двигаться, что страшнее чем кому-либо попасть в толпу, а тем паче в побоище.

О д и н н а д ц а т ы й ч а с н о ч и. — Сейчас были, а может быть, и есть сходки на Страстной площади, и речи, и говорили, — свалка. И в этот самый момент градоначальник предложил здешнему полицейскому офицеру снять н а р я д ы полиции...

Какая-то невероятная глупость!

Итак — мы беззащитны... Ну — храни господь!

А между тем вчера явилась прокламация, говорящая, что «нужно у н и ч т о ж и т ь черносотенцев» — Грингмута и Никона! Да и естественно взаимное распыление страстей.

В Москве распространился нелепый слух, будто бы в Петербурге низложен император и провозглашен Алексей Николаевич, под регентством Михаила... Должно быть, нарочно распускается для большей смуты.

22 о к т я б р я.

Вчера в 12 ч. ночи прискакали к нам жандармы, а теперь, в 9 ч. утра, уехали.

Дума требует удаления казаков из Москвы и вывода войск из манежа, с отдачей последнего под митинги.

Из Сергиева посада сообщают о демонстрации: наехавшие из Москвы студенты, в соединении со студентами из академии и толпой, ходили с красными знаменами. В толпе были будто бы и профессора. В беспорядке магазин Кохтева разгромлен. Наместнику лавры будто бы принесли революционные прокламации «для раздачи богомольцам». Выдают все это за верное.

Тоска. Нет просвета согласия и здорового дела. Взаимная ненависть, нарушения права, избиение...

В довершение я совсем расклеился, кишки и какая-то головная боль...

$11^1/_2$ часов. — Оказывается, ночью, в первом часу, около нас было столкновение манифестаций: красной и национальной, слышны были и выстрелы.

А сейчас национальная манифестация на Серпуховской площади. Народу 3 000 (в 9 часов). Трехцветные флаги, огромные плакаты с надписями: «Долой революцию» и «Да здравствует государь император». И также: «Сами поддерживайте порядок». Научаются у революционеров...

Вечер. 10 часов. — Говорят, какая-то очень большая толпа националистов пошла к острогу требовать освобождения убийцы Баумана!.. Это, впрочем, рассказы прислуги. Господи, что только делается!

Мой патрон съехал куда-то. Скрывается. Дай ему бог, конечно. Но я не только остаюсь здесь, но — сверх того, — очень опасно заболели кишки у самого отростка. Ни ходить, ни лежать...

Ночь. 11 часов. — Толпа националистов шла по Страстному бульвару. Небольшая кучка — сотни четыре — со знаменами и портретом государя остановилась у редакции с криками «ура»... Эта овация продолжалась минуты три...

Вдруг бац, бац — револьверные выстрелы. Знаменщик зашатался, но через секунду бросился прямо на выстрелы с криком «ура» к Страстной. За ним бросилась вся толпа.

Стреляли два студента... Кто говорит, что их догнали, кто — будто удрали... Через несколько минут по опустелой улице пробежали две барышни с револьверами в направлении Петровки.

Еще через несколько минут поскакали к Страстному монастырю драгуны.

23 октября.

Вчера в Москве был ряд убийств. Национальные манифестанты ходили повсюду и требовали от встречных снимать шапки перед портретом государя.

Некоторые «студенты» отказывались и даже стреляли в толпу. Вот с ними-то и расправлялись.

Еще больше погибло самих манифестантов от пуль революционеров...

Страшное время! А власти — перед всеми раскланиваются.

Ночь. 12 часов. — Совсем измучился от бестолочи... Из происшествий было крупное одно. Толпа хотела громить Инженер-

ное училище. Студенты отстреливались изнутри, в толпе убито 6 человек и ранено несколько...

Мануйлов и совет университета просили Медема дать войско для охраны университета. Но подробности разноречивы... Во всяком случае, войско там есть.

24 октября.

Саша уехал в академию... не на радость. Там бог знает что делается... Хоть бы в дороге-то ничего не случилось ни от красных, ни от трехцветных...

Клавдия сейчас рассказывала со слов казачьего офицера, что 20 октября при пальбе у университета (пальба начата студентами, в манеже пули насквозь били) казаки выпустили 80 пуль, и при этом 6 убитых и 72 раненых! Значит, только две пули не попали. Очевидно, казаки были до невероятия озлоблены, и каждый выбирал себе человека на пристрел...

25 октября.

Возвратился мой патрон.

Только очень нервный. Вряд ли долго пробудет здесь.

Революция была напугана движением, именуемым «черной сотней». Но постепенно власть начинает входить в свои права. Объявлено, что процессии будут разгоняться; митрополит Владимир в «Русском слове» извинялся за свою проповедь в церквах и выпустил новое «воззвание», на сей раз уже вполне «христианское», проповедь покорности; синод же осудил злосчастную проповедь, о чем и распубликовал. 70 пастырей, ищущих хлеба с маслом у интеллигенции, похвалены синодом.

Теперь, значит, скоро начнутся насилия революционеров, ибо их прокуратура не преследует. Опять идут толки о забастовке. Вероятно, при ней революция попытается захватить власть. Замечательно, что одна «черная сотня» мешает этому... Ну да будет воля божия!

Послал письмо Победоносцеву. В минуту падения его нельзя не выразить ему сожаления и сочувствия.

Послал свою книгу А. И. Гучкову.

А уж мое положение! Черная ночь. В будущем — только форма гибели может быть различна, но гибель неизбежна. И ничего кругом: ни поддержки, ни помощи: homo homini lupus est.

Церковь разлагается. Синод говорит, что собор соберется не позднее лета. Но, по всем человеческим соображениям, — этот собор только разделит всех. На старости лет приходится искать себе даже церковь... Все рухнуло.

26 октября.

Бородкин пишет, что он совсем отстраняется от политики. Зограф написал Грингмуту, что отказывается от своих фельетонов, отстраняется от всякой политики и будет заниматься только зоологией... Бодиско пишет Грингмуту, что раз конституция дана, надо с этим помириться, а так как Грингмут не хочет мириться, то он не может больше сотрудничать...

И что же? Разве не правы они? Что они могут делать? Царь сам уничтожает все, чему они служили. Им нет возможности ничего делать.

Но, как бы то ни было, теперь начинается полная ликвидация старого строя. Должны возникать новые направления, с новыми людьми.

27 октября.

Это 27 число, по слухам, должно ознаменоваться какими-то грандиознейшими забастовками или «красными» движениями.

А расчленение России идет. Отдан Сахалин. Отчленение Финляндии. В газетах слух о «работах» Госуд. совета по отделению Польши. В Тифлисе генерал-губернатор «оставил свой пост»... Хоть бы уж поскорее собиралась Государственная дума! Авось сдержит правительство в его «работах» по уничтожению России!

...Ночь. Беспорядков не было.

Было собрание любителей духовного просвещения. Выбрали председателем Боголюбского. Послали сочувственные телеграммы духовным академиям с пожеланиями автономии. Один священник предложил отслужить панихиду по «жертвам освободительного движения»... Одно только хорошо: совершенно перестали петь «Царю небесный» — все же одним кощунством меньше.

Боже, что за хулиганы же «батюшки»! Председательствовал Николай Добронравов.

Я не был на заседании. Это Саша мой рассказывал.

28 октября.

В Кронштадте какой-то безумный бунт матросов и войск, дикое анархически-разбойничье разграбление жителей. Бунтует 14 000 человек!

Приезжие рассказывают, что царь совершенно растерялся: в отчаянии, без мысли, без воли, делает, кто что ни скажет ему, хватается за голову, беспрерывно меняет решения. А у Петергофа стоит на парах крейсер, на котором можно ежеминутно бежать... если только команда не из «потемкинцев»...

Каково состояние умов! Сегодня утром на Красносельской улице электричка наскочила на ломового и разбила его... Моментально сбежался народ, начал лупить электричку камнями. Кондуктор бежал, публика разбежалась, многие ранены, и их привозили в Екатерининскую больницу. Говорят о пострадавшем городовом и околодочном.

Все, на всяком месте, во всякий момент готовы воспламениться и бить и разносить друг друга и всех, кто попадется...

Позорный, измеллический мир, предавший Россию японцам, дал окончательный толчок умам: все с ума сошли. Этот император — великое оружие гнева божия для погубления России. И во всех его гибельнейших поступках постоянно душой оказывается Витте.

Разные консервативные кружки задумали составить свой «союз союзов»... Какой смысл, когда царь все разрушает и ничему не дает созидаться? Для б у д у щ е г о, конечно, все эти объединения, чьи бы ни было, полезны, потому что Россия разлагается, и теперь самое главное для ее населения — слагаться в союзы. Но пока во главе правления такой человек, ничего кроме разрушения не может быть. Он лишил себя власти, но только в отвлечении, да и то лишь перед Государственной думой. А ее все нет. Скорее бы собиралась!

29 о к т я б р я.

Вчера город был тих. Оружие усиленно раскупается. Революция готовится к бою, как слышно. Говорят, что 1 ноября должна возобновиться общая железнодорожная забастовка. Прямо смерть! В буквальном смысле — смерть общая.

Н о ч ь. — Сегодня были слухи, будто бы ночью (с субботы на воскресенье) должен быть еврейский погром. Однако вот и ночь и совершенно ничего не слыхать...

Ну, Медем, говорят, уходит, как и все прочие по полиции — Руднев, Свешников. Неужели даже они не удовлетворяют Витте? Кого же он хочет посадить?

Синод, молчаний при действиях революционеров, выпустил послание, призывающее к порядку, к тому, чтобы никто не защищал царя самовольно, ибо «царь велик и могущественен» и может сам себя защитить. Замечательны наши архипастыри и пастыри!

Сейчас Саша сообщил, что Серафим получил прокламацию (на машинке), обращенную к п р а в о с л а в н ы м и с т а р о о б р я д ц а м, призывающую их собраться в Кремле по приходам и выручать царя, находящегося вроде как в плену...

Любопытно! Начинают появляться какие-то подпольные люди. Такая прокламация не может принадлежать ни одному из людей, известных в обществе.

1 ноября.

Кончился ужасный октябрь. Но лучшего не предвидится и в будущем.

Польша объявлена на военном положении. Польские депутаты явились в Петербург, требуя от «Союза союзов» помощи... Уже явились слухи о новой всеобщей забастовке, в течение которой революционеры попытаются захватить власть.

На главной пружине всеобщей забастовки русской формы — на железных дорогах — всем владеют поляки. Теперь они, чтобы облегчить борьбу в Польше, конечно, не пожалеют привести вдребезги всю Россию при помощи ее обезумевших детей. Будет, вероятно, нечто ужасное. Но, с другой стороны, может от этого вспыхнуть и народное движение... и как предузнать, что оно принесет? Наконец, может быть вмешательство Германии и Австрии...

Это тоже очень сложно. Во время французской революции именно иностранное вмешательство и дало возможность революционной диктатуры.

Вообще так все сплелось и закрутилось, что моего рассуждения нехватает ни для какого предвидения.

Ночь. — Заходили Кузнецов с Новоселовым. Они затевают собрание у Корнилова в пятницу. Меня непременно тащут.. Но кто знает, что будет до пятницы? Впрочем, во всяком случае, не предвижу толку от этих собраний. Люди все слишком электризованы. Какие у них могут быть рассуждения?

У Грингмута напечатано еще воззвание какого-то «Священного союза», объявляющего себя за крест и против красного знамени... Он мне сказал однако, что не знает, что это за кружок. Если это правда, то легкомысленно печатать. Но я у него отстранен от совещаний. Да и бог с ним!

2 ноября.

Вечер. — Сегодня днем прислан в редакцию полицейский наряд. Давно уж их не было видно. Причина неизвестна. Вероятно, ждут общих беспорядков. Это будет отражение Петербурга, где сегодня объявлена общая политическая забастовка с требованием уничтожения военного положения в Польше и военного суда в Кронштадте.

Не хочется и характеризовать этих деяний. Погиб русский народ. Впрочем, это видно уже давно, теперь идет только крушение гнилушки.

Гнила власть, гнило государство, но гниль источила и народ.

Есть известие, будто бы уходит Витте, а на его место — будто бы граф Игнатьев... Тоже чорт знает что! Побыл Витте две недели, сменил всех министров, сместил 34 губернатора, прогнал Трепова, разгромил полицию — и уходит.

Явно, гибель над русским царством, да и над народом тоже.

В Москве еще вчера были забастовки, а уж грабежей — несть числа. По улицам страшно ходить.

В гимназиях — «забастовка» учителей. Просто тошно. Общее умственно-нравственное заболевание. Сегодня толпа гимназистов утром стояла у VII мужской и I женской гимназий и прогоняла тех, кто приходил на уроки. Впрочем, в VII гимназии и сама дирекция не прекратила забастовки.

Н о ч ь. — Тучи сгущаются. Петроградский конец Николаевской дороги уже забастовал.

Завтра в «Аквариуме» общая студенческая сходка. Что-то скажут рабочие? Уж, конечно, не выдержат, тем более, что многие и сейчас в забастовке, и даже у Иокиша (в Разумовском) пришедшая толпа (около тысячи) сделала на фабрике разгром.

Постоянно жди смерти...

3 н о я б р я.

Начался день... Это теперь означает: началось изнывание в ожидании бедствий. Судя по газетам, настроение в городе смутное. В «Русском листке» — корреспонденция о роли А. В. Алехина в курских кровопролитиях. Он шел во главе красной процессии, которая потом стреляла в толпу народа, вступившего с ней в рукопашную..

Бедный, бедный Аркадий... запутался. И это он — отрицающий в с я к о е насилие!

В е ч е р. 9 ч а с о в. — Был неожиданно у меня А. А. Киреев. Он, оказывается, приехал на съезд консервативных союзов, который назначен на сегодня и происходит, вероятно, в то самое время, когда я пишу настоящие строки. На этом съезде будет и Грингмут. После съезда, сегодня ночью, Киреев думает уехать в Петербург, если будут поезда...

О Петербурге не говорит ничего нового. Царь дал конституцию по настояниям Витте, который привел к в. к. Николаю Николаевичу какого-то смелого и красноречивого р а б о ч е г о. Его решительное требование убедило великого князя в необходимости уступить, чтобы не погибло все.

О вмешательстве иностранных держав А. А. Киреев говорит, что это выдумка. Но кому она нужна?

К вечеру получил курьезное письмо от Нилуса с предсказаниями юродивого Мити Козельского.

Мне кажется, что еще не было такого ужасного времени на земле. Прежде никакие смуты и революции не могли так безысходно скрутить человека, потому что по хозяйственным условиям все были более самостоятельны. Теперь же все «обобществлено». Человек не может ни двигаться, ни есть, ни пить без общественной организации. И когда она распадается, как у нас, прямо гибель приходит для каждого человека.

5 ноября.

Вчера стачечный комитет заявил, что не считает своевременной всеобщую забастовку в Москве.

Но у нас во дворе почему-то снова явилась полиция.

(Окончание следует.)

„Князья церкви".

(Из дневника А. Н. Львова.)

Окончание *).

1893 год.

7 м а я. — Всего можно было ожидать, но то, что случилось, превзошло всякие ожидания. Не хочется как-то верить случившемуся, хотя, к сожалению, это факт. Притычкинский постриженник-ставленник и палладиевский любимец, новоиспеченный архимандрит, инспектор академии Исидор попался в педерастии с студентом 1-го курса. Когда дело обнаружилось и доложили Палладию, то он будто бы сказал: «Всю академию разгоню, никого и ничего не оставлю, а Исидора не позволю тронуть». Однако студенты, составив круговую между собою поруку, т. е. подписавши акт о действиях Исидора, в количестве более сотни человек, заявили об этом письменно обер-прокурору, и тот побудил Палладия отказаться от своего намерения защищать невозможное. Говорят, что Исидору велено немедленно оставить академию, и он уже уволен от инспекторства. Ужели и этот факт не образумит Победоносцева? Ужели он не раскроет ему глаз и не обнаружит, куда его ведет Притычкин? Последний, конечно, как ни в чем не бывало. Ему и горя мало. Ведь было же в прошлом году дело о монахе — основателе женской общины в г. Богодухове, харьковской епархии, растлившем много десятков молодых девушек, посельниц этой общины, и такое дело Притычкин настоял не передавать в светский суд, а удалить только монаха из общины женской. Вероятно, и Исидору дадут какое-нибудь почетное назначение, а чрез год — два Притычкин сделает его и архиереем. Все невозможное, гадкое и скверное для него возможно!

10 м а я. — Исидор до сей поры, говорят, еще не уволен из академии, хотя будто бы из Петербурга он уже уехал. Но куда? Говорят, что ему дали за три месяца жалованье, заграничный паспорт и отправили на Афон, пока проехаться-проветриться, а затем будто бы пошлют его в иерусалимскую миссию. Удивительно, что ему на дорогу не дали

*) «Красный архив», т. II (39), стр. 108 — 148.

казенной девки или мальчика. Ну, а в Иерусалим послать есть резон, потому что он там будет иметь полную возможность усовершенствоваться в педерастии, притом на казенно-церковный счет. Рассказывают, что Палладий хотел во что бы то ни стало замять это дело и не велел ректору даже выходить из академии, а равно и студентам не велено было ходить в город. Надеялся, что этим путем сохранится тайна. Такие ребяческие действия напоминают прячущегося страуса. А когда вспомнишь, что к ним прибегает митрополит — первенствующий член синода, «великий господин», то руки опускаются. Ниже этого церковь не может опуститься.

14 м а я. — Исидора совсем не уволили из академии, а просто дали трехмесячный отпуск [1]). Уезжая, он говорил, что чрез три месяца вернется и докажет, что все совершившееся есть ни больше, ни меньше, как интрига против него. Академия, по его словам, деморализована во всех отношениях, до политической неблагонадежности включительно. Эту тему он развивал уже давно, очевидно, рассчитывая на то, чтобы дискредитировать управление академиею Антония. Несомненно, что он придумывал эту тактику или вдвоем с Палладием или в угоду сему последнему. Мысль о политической неблагонадежности академии он высказал даже с азартом на последнем собрании правления, так что несчастный ректор Борис должен был потребовать от него доказательств. Даже невозмутимый Ловягин [2]) возмутился и отказался от членства в правлении. Один только Тимофей Барсов [3]) остается непоколебим, как скала, и жмет руки педерасту-архимандриту, уверяя всех глубокомысленно, что один он предвидел все это и один он знает, что нужно делать, и скажет это, когда к нему придут и поклонятся.

6 и ю л я. — Леонтий прислал в синод донесение, что, поправившись, он вступил в управление вверенною ему епархиею, о чем и доносит св. синоду. Получив это донесение, у нас на Литейной всполошились. Победоносцев прямо написал на донесении: «Не имел права». Завтра будут докладывать синоду. Интересно, чем-то это окончится. А Исидор Колоколов, как и говорил пред отъездом, возвратился в академию и подал ректору об этом рапорт. Рассказывают, что он с нахальством утверждает о своей невиновности и старается всех убедить, что вся эта история — интрига. Теперь же он явился, чтобы доказать и свою невиновность и защитить честь родной академии и своего высокого патрона-митрополита. В светских высокопоставленных кружках утверждают, что всю эту историю выдумали «поповичи» из зависти к монахам из светских, которые-де так необходимы для обновления и освежения «затхлой поповской расы».

12 и ю л я. — Относительно Леонтия решили ужасно. Сначала хотели послать Керского в Москву для личных с митрополитом объяс-

нений и убеждения не вступать в управление епархиею. Но потом на Литейной изменили постановление и прямо послали ему указ, что, так как по свидетельству докторов он еще не поправился и так как ему небезызвестно, что состоялось высочайшее повеление о посылке в Москву преосвященного Сергия по случаю болезни Леонтия, каковое повеление не приведено в исполнение по особым соображениям, то на основании всего этого он, Леонтий, не имел права вступать в управление епархиею без соизволения на то св. синода, и потому последний будет признавать временно управляющим епархиею преосвященного викария московского. Если Леонтий поправился, то этот указ должен его убить. Если же он еще невменяем, то какой имеет смысл писать такие указы? Теперь шесть архиереев сидит в синоде, и не нашлось из них ни одного, который бы взглянул на это дело человечно. Разве можно с бедным больным стариком так поступать? Если у них нет уже нравственного чувства и просто чутья, то как они не могут сообразить, что таким определением каждый из них сам себе готовит яму? Ведь с каждым из них могут поступить точно так же грубо, бесчеловечно, насильно, и никто тоже не защитит, потому что последующие не найдут примера в действиях предыдущих. Куда же мы идем? А Исидор допущен митрополитом к исправлению должности инспектора. Что же это: непроходимая глупость или невероятное нахальство? И это происходит после того, как Победоносцев писал через ректора студентам, что Исидор никогда не возвратится в академию, пускай только студенты успокоятся... Нет принципов, нет идей, нет мыслей, знания, чести, правды, справедливости... что же есть, чем мы живем, что сеем, кого готовим?

29 и ю л я. — Собираюсь ехать на съезд в Вильну. Хочется ознакомить ученый мир с архивом греко-униатских митрополитов, который уже два года, по моему настоянию и ходатайству, описывается, для чего обер-прокурор дал особые средства. — Из Москвы получаются известия, что Леонтий опять опасно болен.

22 а в г у с т а. — Почти две недели был в Вильне. Много старых знакомых встретил, со многими новыми познакомился, много велось споров, разговоров, и ученых и неученых; судили и рядили обо всех и на все корки. Общее впечатление от съезда неудовлетворительное. В Вильне, очевидно, нет центра, около которого все группировалось бы, хотя есть отдельные лица, занимающиеся археологией. Вследствие этого не было ни надлежащей разработки местной истории — археологии, ни подготовки к съезду. Выставка была крайне бедна. Рефератов, относящихся до местной истории, почти совсем не было или они не отличались солидностью. Экскурсии не были организованы. Вообще сказалось, что город не университетский.

7 сентября. — Рассказывал мне Гаврилов, как он ездил в Москву описывать бумаги митр. Леонтия. Очевидно, боялись, что у покойника найдутся письма, компрометирующие Литейную. Для всех было ясно, что там не любят митрополита и желают как можно скорее его сбыть с рук. Быть может, хотели обнаружить и тех лиц, которые сообщали приязненно Леонтию о действиях Литейной, и таким образом открыть своих недоброжелателей. По словам Гаврилова, ничего не нашли кроме самых незначительных 15—20 писем. Все будто бы расхищено, даже имущества никакого не осталось, так как после смерти митрополита несколько дней, почти неделю, не было принято никем и никаких мер к охранению его имущества. Но так ли это — вопрос. Ведь Гаврилов был командирован экстренно, так как никогда, кроме Петербурга, не производилось осмотра бумаг у умерших митрополитов. Он приехал, когда еще митрополит не был похоронен. Приступил же к описи бумаг спустя несколько дней после погребения и за все это время не поинтересовался узнать — охраняются ли бумаги? Впрочем, в Вильне я виделся с профессором Московской академии Каптеревым, который виделся с митрополитом за неделю до его смерти и жаловался, что Антоний Храповицкий «у к р а л» у него переписку с Исидором. «Ну, да, к счастью не всю», — прибавил умирающий, — «у меня остались еще более важные письма». О, люди и дела!

15 сентября. — Виделся с новым инспектором академии Н. В. Покровским. Радуюсь за академию, а его не поздравляю пока, потому что трудно теперь урегулировать студентов, деморализованных долгим управлением неспособных монахов-инспекторов. Они ведь только заботились о популярности.

16 сентября. — А Исидор Колоколов после случившегося скандала был выслан из Петербурга, говорят, в Иерусалим. Отпуск был дан ему на два месяца. Но он чрез месяц возвратился, ничтоже сумняся. Никто наверное не мог сказать, где он был. В академии сперва, было, все смущались, но потом не посмел никто отнестись к нему как должно. Все дали «братское целование» и рукопожатие... и ректор донес митрополиту, что архимандрит инспектор Исидор, возвратясь из отпуска, вступил в отправление своих обязанностей. Являлся он к Победоносцеву и Саблеру, и те его приняли. Палладий начал ходатайствовать, чтобы его назначили начальником Константинопольской миссии. Но светские не согласились. Тогда и Палладий замолчал. Обер-прокурор высказался, что его нужно отправить куда-нибудь в малоизвестный дальний монастырь и продержать несколько лет, пока забудется вся эта гнусная история. И вот отправили его для борьбы с сектантами в ставропольскую епархию, как будто для миссионерства не требуется физической и нравственной чистоты...

20 сентября. — А Колоколов Исидор только недавно еще уехал из Питера. Все время он разъезжал по городу и здоровался с знакомыми как ни в чем не бывало. И не нашлось никого, чтобы сказать ему в глаза, что не находит возможным подавать ему руку. Всякий, должно быть, трусит. Вот время, вот нравы!

21 сентября. — Антоний Храповицкий совершенно правильно оценил значение этого факта. Он назвал дело Исидора Колоколова монашескою панамою. Действительно, молодое монашество осканда-лилось нисколько не меньше французских панамистов!..

1 октября. — Антоний Храповицкий проповедует, что молодое светское монашество должно совершенно изменить течение нашей общественной и государственной жизни... Конечно, это говорит ослепленное самолюбие и властолюбие, с одной стороны, и непроходимая глупость и нахальство нынешних монахов — с другой.

17 октября. — Умственный уровень наших архиереев в большинстве случаев слишком невысок. В самом деле, есть много и очень много архиереев, которые решительно ничего не читают, которые везде и во всех случаях прикрываются только мантиею своего архиерейского величия да внешнего благочестия. Помню, когда хоронили в 1883 г. Тургенева и когда монахи и Победоносцев неистовствовали, видя в простом проявлении чувств к знаменитому писателю какую-то политическую манифестацию, то Леонтий, архиепископ варшавский, будучи 26 сентября на обеде в петербургской семинарии, так высказался: «Я не понимаю, чего это беснуются люди. Говорят, помер писатель Тургенев. Да мало ли ныне развелось у нас писателей, мало ли их помирает! Ужели по каждом и будем так бесноваться? Слава богу, что у нас в духовных школах запрещено это дурачество». А ведь Леонтий был еще сравнительно интеллигентный архиерей.

26 октября. — Все говорят, что на дела синодские имеет сильное влияние Екатерина Александровна Победоносцева. Правда, она в существо дел никогда не вмешивается, но влияет на выбор лиц, и, чтобы ее ставленники ни делали, им все сходит с рук. Что по ее капризу назначаются те или другие должностные лица, это не подлежит ни малейшему сомнению. Ближайший пример этого С. И. Миропольский. Уже было подписано Победоносцевым предложение синоду о назначении товарищем управляющего синодальной канцелярией князя Ширинского-Шихматова. Но вот Миропольский, заведывавший пением в Новодевичьей школе, состоящей под покровительством Победоносцевой, пришел к ней и со слезами упрашивал, чтобы предоставить это место ему. Она приходит к мужу и требует от него непременно исполнить это. Предложение Ширинского было оставлено, и Миропольский назначен.

28 октября. — А история с Шемякиным? [4]) Всем явно и хорошо известно, что Шемякин имеет одно стремление: создать себе служебное и материальное положение, что он не стесняется и не брезгует для этого ничем. Саблер, конечно, прекрасно понимает Шемякина и видит все его плутни и замыслы, иногда возмущается ими до последней степени, не стесняется высказывать свои мнения вслух, но дело всегда оканчивается тем, что он же, в конце концов, идет к Шемякину и старается своими любезностями подавить в нем всякие сомнения в своем искреннем и неизменном расположении к В. Ив. А почему? Да потому, что у жены Шемякина, говорят, есть какие-то отношения к Победоносцевой, и Саблер просто боится интриги против себя со стороны Шемякина.

3 ноября. — В нашем болоте, кажется, все обстоит попрежнему. Рассказывают, впрочем, что кафедральный протоиерей П. Смирнов проглотил Дм. Соколова, автора учебников по закону божию. Дело все в том, что, когда синод лет 6 тому назад изъял из употребления учебники по закону божию Свирелина, одобренные учебным комитетом, то и тогда еще люди опытные и проницательные говорили, что теперь Смирнов доберется до главного своего конкурента — протоиерея Дм. Соколова. Так и случилось. Хотя Смирнов и был одобрен для церковно-приходских школ, но он не мог переваривать, что на одном поле существует и конкурирует с ним Соколов. Последний же печатал издание за изданием. И вот выходит закон, что всякое одобренное новое издание, выпущенное в свет хотя бы и без изменения, обязательно должно быть представлено для рассмотрения, иначе автор не имеет права печатать одобрения. Ввиду этого о. Соколов представил свой учебник для рассмотрения и одобрения в учебный комитет. Но последний одобрил его только для приготовительных классов духовного училища, что же касается народных школ, то предоставил решение вопроса училищному совету, как совершенно компетентному в этом деле учреждению. Училищный совет поручил рассмотрение учебника прот. П. Смирнову! Ну, конечно, последний давно плел паутину и, когда в нее попала такая жирная муха, то спуску не дал. Он разобрал учебник по косточкам, нашел чуть не в каждой букве по нескольку ересей, а в конце концов сказал так: хотя учебник и никуда не годится, но, чтобы меня не заподозрили в пристрастии из видов конкуренции, то я дескать с своей стороны признаю его достойным одобрения... Ну, конечно, училищный совет, знавший, в чем дело и желавший прежде всего и более всего подслужиться к Победоносцеву и Саблеру, покровительствующим Смирнову и не долюбливающим Соколова, решил не одобрять учебника. Но здесь вышел курьез в том, что св. синоду два находящиеся при нем учреждения: учебный комитет и учи-

лищный совет представили бы на утверждение два совершенно противоположных суждения об одном и том же предмете. Саблер должен был придумать какой-нибудь выход из этого положения. Вот как вывернулся Саблер. Училищный совет одобряет учебник по закону божию «Начатки», как единственно удовлетворительный и хороший. Но так как он в некоторых своих частях не соответствует программе, то для дополнения в этих случаях указан учебник Смирнова. О Соколове же ввиду этого нет и речи.

24 ноября. — В учебный комитет на место Чистовича назначили штатным членом по философии Миропольского. Хорош философ, нечего сказать! А между тем будто бы сделаны были запросы профессорам философии — Каринскому и Введенскому [5]). Для чего же тогда было и спрашивать их? Ведь вся философия Миропольского сводится исключительно к тому, чтобы получить 1 000 руб., ради чего он несколько раз не только нюнил, но прямо-таки плакал пред г-жей Победоносцевой, которая знает его, как поющего и играющего во Владимирской школе, находящейся под заведыванием Екатерины Александровны Победоносцевой. Но благодаря этому теперь в учебном комитете кроме чиновников «нет ни одного ученого человека». Мало— ученого, — просто даже опытного, практического педагога. Поэтому и вопросы там решаются удивительно. Они прежде всего соображают о том, как смотрит на дело обер-прокурор или его товарищ, и сообразно этому дают свои голоса.

25 ноября. — Для примера можно привести вопрос об отмене для лучших учеников училища экзаменов. Вопрос этот возбудился года три тому назад в «Церковном вестнике». Обер-прокурор велел учебному комитету обсудить его. Долго думали, жевали и мяли комитетские чиновники, потому что видели разные взгляды и течения по этому делу. Наконец, дали его на заключение члену комитета Невзорову, который решил, чтобы освобождать от экзаменов в случаях, например, смерти. На-днях дело это поступило в синод. К великому удивлению всех, Палладий высказался за возможно широкое освобождение от экзаменов, говоря, что в этом вопросе необходимо побольше сердца и поменьше чиновничества. При этом он указал, что в учебном комитете сидят ныне чиновники, которые более интересуются своим положением и чинами. Однако Анастасий воронежский [6]) сильно возражал, и к нему присоединился Герман [7]). Антоний же — к Палладию. Решение отложили до приезда митрополитов.

28 ноября. — Вчера был первый раз в заседании Сергий в качестве митрополита московского. Всех интересовало, как он будет себя держать. Оказалось, что он окончательно увлекся мыслью изображать из себя Филарета московского. Так же гнусит, так же говорит

раздельно, так же плавно и степенно идет, не смотря ни на кого. Но кроме этого смешного внешнего подражания, конечно, ничего нет. Дела, по словам докладчиков, идут из рук вон скверно, потому что Палладий самодурствует и проявляет упорство, Керский юродствует, а Саблер предоставляет им делать всякие благоглупости, особенно в тех случаях, когда он в деле не заинтересован. Кроме того Притычкин за последнее время стал обнаруживать особенную важность и резко изменил систему своего обращения. Прежде он был со всеми и, в особенности, со служащими до приторности любезен, теперь до оскорбительности небрежен. А что же будет дальше? Ведь он проявит деспотизм побольше победоносцевского. Последний всетаки человек образованный, хоть и крайне односторонний по своему направлению. Ну, а Притычкин, не имея ни головы, ни сердца, да еще при своей нравственной разнузданности, может дойти до геркулесовых столбов. Впрочем и теперь уже он начинает принимать директоров и не сажает. К этому нельзя не прибавить, что начинают ходить темные слухи о духовном ведомстве, что здесь делаются большие дела... Говорят о какой-то организации относительно торговли орденами и медалями за заслуги по духовному ведомству. Многие прямо утверждают, что кафедральный протоиерей Петр Смирнов проводит своих ярославцев, получая с них в свою пользу. Говорят и еще кой о ком, но я не верю пока. Быть может, это обычная питерская грязь.

5 декабря. — Для характеристики современного монашества могу привести следующий факт. Ректор здешней академии арх. Борис, желая создать себе некоторое улучшение в своем положении и изменить к нему отношение Палладия, придумал следующее. Открылось место начальника миссии в Константинополе. Он и решился заявить свое желание поступить туда. Расчет был тот, что когда Палладий предложит в синоде, то там найдутся люди, которые скажут, что отпускать из академии такого человека не следует, что его здесь надобно поощрить, и что, наконец, выскажут так или иначе и самому Палладию, что надобно изменить к нему отношение. Но ничего этого не случилось. Митрополит заявил о желании Бориса, все промолчали. Когда узнал об этом Борис, то обнаружил полнейшее малодушие. Он и ранее высказывал, что не велика для него честь быть викарием, хотя бы и в хорошем южном климате, а тут вдруг попал заурядным архимандритом на такое место, которое, кроме знания требника и служения обедни, ничего не требует. И вот он, убитый горем, ложится на диван, а среди студентов как-то разносится слух, что митрополит съел Бориса, запрятав его из ректоров академии простым служителем. Молодежь, находящаяся еще под впечатлением исидоровской истории и помня, что митрополит, протежируя тогда Исидору, гнал Бориса,

а, может быть, еще и подогреваемая кем-либо и чем-либо, заволновалась и решила сперва итти депутацией к митрополиту, Антонию, Саблеру и, говорят, даже к Янышеву. Цель была та, чтобы указать всем на несправедливое отношение к Борису и необходимость оставить его в академии. Когда эти депутации не состоялись, то молодежь решила поднести Борису картину, изображающую суд над Христом у Каиафы, представив первого в образе Бориса, а второго в виде Палладия. Когда же и это оказалось неосуществимым, то собрали до 500 р. и поднесли ему просто икону «моление о чаше». Но сделано это было крайне демонстративно, в адресах были выражения: «небывалому ректору, незабвенному другу и отцу»...

16 декабря. — Назначили ректором в академию вместо Бориса епископа Никандра нарвского. Он, хотя и магистр, но академической науке чужд, интересов академических никаких быть не может; говорят, и по характеру своему человек чрезвычайно тяжелый. Во всяком случае, едва ли это назначение целесообразно ввиду того, что Никандр уже третий год викариатствует, и, следовательно, для него академия только постоялый двор, с которого ему хочется поскорее выбраться и поскорее добраться до хорошей пристани. Никандра Палладий сделал ректором исключительно потому, что этим путем он может устроить у себя по примеру своего предшественника трех викариев, к чему он сильно стремится «ради помпы и торжественности». С этою мыслью Палладий приезжал зондировать Иоанникия киевского, но последний заявил, что не находит никакой нужды в трех викариях. Теперь Палладий и боится об этом заявлять пока.

29 декабря. — Антоний недавно очень ловко поставил всех в глупое положение, а особенно Палладия. Дело все из-за жирного протопопа Петра Смирнова, поставившего своею целью вытеснить из всех школ всякие учебники по закону божию. Ловко он изгнал учебники Свирелина, затем нужно было добраться до Дмитрия Соколова. С этою целью он провел закон, что всякое новое издание хотя бы и одобренного учебника и издаваемого без всяких перемен, непременно должно быть представляемо каждый раз на одобрение. Соколов представил в учебный комитет какой-то свой учебник, чуть ли не 30-е или 40-е издание. Учебный комитет повторил свой прежний отзыв, данный при первом рассмотрении и одобрении, и представил дело в синод. Здесь Притычкин, поддерживая жирного протопопа, высказал ту мысль, что неудобно комитету рассматривать книгу своего же сочлена и что «для беспристрастия» лучше бы дать ее какому-либо совершенно стороннему лицу. Дело было летом, когда в синоде был Палладий со статистами, и потому решили этот вопрос без возражений, согласно сделанного предложения. Послан в этом смысле указ Палладию,

а последний поручает рассмотреть все дело законоучителю пажеского корпуса Петру Ал. Лебедеву. Последний, вероятно, чуя, что́ от него требуют, разделал учебник Соколова до последней степени. И вот недавно Палладий докладывает этот отзыв и предупреждает его всевозможными похвалами, что он-де и беспристрастный, и умный, и основательный и пр., и пр. и что этим дело уже исчерпано и разрешено совершенно: учебника одобрить никак нельзя. Так как никто этим делом не интересовался и не был в него посвящен, то митрополиты промолчали, и дело́ было решено. Вдруг заговорил Антоний. Он указал прежде всего на неправильную постановку этого дела, а потом и на несостоятельность в некоторых пунктах отзыва, сделанного о. Лебедевым. По его словам, у синода есть компетентное учреждение для подобных отзывов — учебный комитет. Правильность его отзывов гарантирует его коллегиальность. Кроме того, решение и взгляд комитета совсем не могут быть для синода обязательными. Синод может и должен смотреть на них, как на материал для своего обсуждения, а в случае каких-либо сомнений или разногласий обязан сам рассмотреть книгу. В данном случае сделано почему-то какое-то странное изъятие, дело передано совершенно стороннему лицу, и отзыв этого лица принимается на веру. Между тем он на первый же взгляд представляется в некоторых своих частях неосновательным и вывод неправильным. Да иного и быть не могло, потому что случайный рецензент ясно видел из всего предыдущего хода дела, что от него, очевидно, желают получить отрицательный вывод о книге... Желая сделать во что бы то ни стало угодное, он, быть может, и противно своим убеждениям, постарался указать недостатки там, где их совсем нет. Это заявление Антоний подтвердил двумя-тремя фактами. Выслушав это, митрополиты киевский и московский вполне согласились с ним и предложили ему рассмотреть учебник, а петербургский митрополит не нашелся сказать ни слова.

31 д е к а б р я. — Вот и еще прошел год. Что сделано и что могло бы быть сделано? Первого, конечно, менее, чем второго. Что будет в следующем? Чего ждать? Да все той же толчеи на одном месте и тех же криков, как у Гоголя, когда мужики разводили лошадей от двух сцепившихся колясок. Отчего же происходит такое безотрадное явление? Причины очень сложные, а главное оттого, что Победоносцев сильно устарел и одряхлел. Никто не верит в долговечность и его самого и его начинаний. Да и у него нет энергии. Всех и все отсылает к Саблеру, а себе оставляет только кабинет. При таких условиях, конечно, трудно, чтобы наша старая, поломанная и вся заржавленная синодская машина могла быстро и правильно двигаться...

Все говорили перед новым годом, что Победоносцев будет назначен товарищем председателя Госуд. совета, т. е. наследника, который зай-

мет место в. кн. Михаила Николаевича. Очевидно, тогда бы на его место сел или, точнее, был бы им посажен Саблер. В крайнем же случае, добился бы Тертий Филиппов, который, говорят, и спит и видит быть обер-прокурором. Но эти кандидаты один другого нежелательнее и по личным своим свойствам, и по направлению и оба не стоят одного Победоносцева.

1894 ГОД.

7 января. — Много рассказывают про отношения митрополита Палладия к Антонию выборгскому. Первый до сей поры не переносит второго и при всяком удобном и неудобном случае выдает свои антипатии. Отношения эти вошли в притчу. Мне недавно передавали, что первым камнем раздора между ними послужила моя статья в «Церк. вестнике», помещенная после смерти Исидора, о необходимости отделения епархии новгородской и финляндской от петербургской. Статье этой многие придавали официозное происхождение и значение, а Антоний, как ректор академии и цензор, пропустил. Палладий уверен, что статья эта имела большое значение и влияние на отделение, которого он по многим причинам не одобряет и до сих пор не может простить. «Я остался нищий и умаленный в чести», говорит он постоянно, хотя и получает до 15 тысяч в год. Вторая причина заключается в том, что были моменты, когда, кажется, серьезно подумывали на Литейной устроить в Петербурге архиепископию с Антонием. Палладий считает это происками Антония. Наконец, имеет большое значение и отношение к Антонию Победоносцевой. Все говорят, что она просто с ума сходит от Антония и постоянно ездит к нему в церковь. Палладий и завидует и боится, так как Победоносцева имеет неограниченное влияние на мужа и, следовательно, на все. Но и положение Антония ужасно щекотливое.

13 января.—Недавно у нас докладывали в синоде по вопросу о необходимости сосредоточения всего народного образования в руках духовенства. Для решения этого вопроса составлена под председательством Германа особая смешанная из чинов министерства народного просвещения и делегатов духовного ведомства комиссия. Нужно было дать председателю инструкцию. Все, конечно, высказались за то, чтобы всякие народные школы переданы были в епархиальное заведывание, для чего требуют, чтобы деньги, получавшиеся министерством народного просвещения на школы, переданы были в ведение синода, а земства обложены бы были известным процентом на народное образование и чтобы этот процент тоже поступал бы в ведение синода. При этом один Антоний возбудил вопрос о том, справится ли наше теперешнее духовенство с такою тяжелою ношею и откуда духовное

ведомство будет брать народных учителей, так как теперешние будто бы никуда не годятся. Киевский митрополит на это возразил, что мы в каждом приходе сделаем дьякона, вот и учитель. Тогда Антоний стал говорить, что откуда же брать годных дьяконов; в настоящее время нет таковых для своих церковно-приходских школ, а ведь с переходом 25—30 тысяч новых школ в ведение епархиального начальства таковых понадобятся десятки тысяч. В это время Притычкин объявляет, что теперь не время заниматься обсуждением таких вопросов, теперь великий исторический момент, когда можно получить все школы в свое ведение, потому что министром граф Делянов. Будет другой министр — ничего нельзя будет сделать. Поэтому, не рассуждая о частностях, необходимо преследовать только главную цель — вырвать школы...

Я бы сказал, главная ваша цель — вырвать деньги в свое распоряжение... а там хоть трава не расти. Так раз об этом сказал и Зинченко.

14 января. — Что главная цель задуманного объединения всех школ в ведении епархиального начальства — не школы, не народное образование, не известное направление во всем этом деле, а деньги и власть, — очевидно, ясно, когда поближе всмотришься во всех этих господ, которые орудуют у нас школьным делом. Среди них ведь ни одного, решительно ни одного нет, который бы хоть сколько-нибудь знаком был со школьным делом, с его историею, литературою и т. п., все это — лица, которые с величайшим авторитетом или, точнее сказать, с страшным, им только свойственным, нахальством кричат о необходимости всюду церковно-приходской школы и о вреде для церкви, престола и государства всякой иной: министерской, земской и т. п. Но что такое церковно-приходская школа, возможно ли ее существование, есть ли для нее подготовленные учителя, есть ли средства, могут ли священники действительно создать ее и смотреть за нею, им до этого решительно нет никакого дела. Они действуют предписаниями, указами и вообще насилием и уверены, что на их век хватит еще этих средств, что они за ложные отчеты получат и звезды, и титулы, и деньги. А что из этого всего выйдет, им до того решительно нет никакого дела...

17 января. — Когда в синоде обсуждался вопрос об объединении школ и когда Антоний заявил о необходимости подумать, откуда взять учителей, то Иоанникий, как я упомянул выше, заявил, что в каждом приходе можно сделать дьякона, которого можно освободить от всяких требоисправлений, кроме праздничных богослужений, и который бы пользовался и доходами и жалованьем учительским. Такой ответ на самый главный и существенный вопрос в этом деле об-

наруживает в авторе его, по меньшей мере, легкомыслие. А между тем ведь этот человек считается умным и деловитым архиереем... Чего же ждать от других?

24 января.— Как только ученый, т. е. академист-монах, попадет в архимандриты, так он уже начинает обнаруживать какой-то покровительственно-недоверчивый тон и к науке и к ее представителям. В то же время он считает себя совершенно свободным от всяких чтений и занятий собственно научного характера. Все его помыслы—и тайные, и явные— и духовные силы направлены на то, чтобы поскорее выдвинуться, благоугодить нужным и сильным мира сего и пробраться в архиереи. Если вверху направление, не сочувствующее науке и знаниям, а более говорится о продолжительности и истовости богослужений, то и отец архимандрит считает для себя обязательным петь в этот же тон внешнего благочестия, переходящего большей частью в ханжество.

1 февраля. — Любопытные результаты нынешних назначений в семинарии начинают уже обнаруживаться. Вот что недавно произошло в Тифлисе [8]). Семинаристы-грузины отказались итти в церковь и на акт в день их семинарского праздника, а вместо этого собрались где-то за городом и составили экзарху петицию о том, чтобы некоторые из начальствующих и учащих лиц были уволены из семинарии за их крайне деспотическое отношение к ученикам, а некоторым предлагали изменить свой образ действий. Отправились к экзарху депутаты. Последних он не принял, а петицию взял и потребовал по содержанию оной объяснения от тех лиц, о которых в петиции упоминалось. На другой день он сам приехал в семинарию и потребовал к себе депутатов, но семинаристы заявили, что вчера они к нему приходили, но он их не принял, а сегодня пускай он к ним придет, так как все семинаристы в сборе. Экзарх пришел к ним, но никто не принял от него благословения, и все убеждения его ввести семинарскую жизнь в колею остались напрасны. Пытались, было, подействовать тем, что закрыли классы, в которых, впрочем, ученья не было уже, но и это не дало никаких результатов. Страсти разгорались и за ними зорко следили и горожане. Тогда телеграфировали на Литейную. Здесь более всего возмущались тем, что никто не подошел к экзарху под благословение. Велели семинаристов ввиду приближения рождественских праздников распустить впредь до особого распоряжения. Семинаристы потребовали денег на дорогу. Им велели выдать около 2 тысяч рублей. Теперь решили семинарию закрыть до сентября и послать в Тифлис ревизора, кажется, Керского...

4 февраля. — Но какая же поможет ревизия, когда ректор и инспектор — люди молодые, неопытные, узнавшие, например, Кавказ только тогда, когда их туда назначили? Понятно, что эти дети

начальство не в состоянии решительно ничего сделать. Нынешнее монашество, явившись при ненормальных искусственных условиях *), и само является каким-то ненормальным. Вот еще пример, что за начальство в семинариях. Был в Петербургской академии студент-священник Прелатов, известность о котором простиралась до всех петербургских участков. По окончании курса он не был даже принят в монашество и получил назначение в какое-то духовное училище. Там степень его безобразного жития достигла таких пределов, что его нужно было уволить. Учебный комитет в этом роде составил и журнал, присоединив, что о. Прелатов — никуда негодный преподаватель. Тогда последний принимает где-то ангельский сан и назначается св. синодом инспектором вятской семинарии. Этому назначению помог и Керский, который приходится Прелатову дядею. Теперь из Вятки пишут, что Никодим Прелатов там безобразничает и в семинарии и в городе страшно, а архиерей Сергий поддерживает его, надеясь чрез это выиграть у Керского в Петербурге.

17 февраля. — Был сегодня на акте в академии. Из всех наших духовных генералов, так исправно являвшихся в академию, когда там бывали обеды, не явился решительно никто, кроме вновь избранного члена — Саблера. Наконец-то его избрание после двухкратного провала — прошло. Объясняют это тем, что директор хозяйственного управления Ильинский проводит проект об увеличении пенсии по духовно-учебному ведомству, за что его придется выбрать в члены. Но прежде необходимо избрать Саблера, чтобы последний не затормозил дела. Значит, действуют купля и продажа... делается то, что выгодно. Десятилетний саблеровский режим сделал свое дело. Находятся в академической среде люди, послушные ему не за страх, но и за совесть... Когда читают о работах профессоров, то просто становится стыдно за академию; такая скудость, такое убожество. Ныне отличился в этом отношении ректор, который нашел нужным поместить о своей деятельности, как ректора, что он клал резолюции на делах которой-то экспедиции консистории, состоял цензором проповедей, председателем братства и т. п., какое это отношение имеет к академии?

21 февраля. — Саблер с Гавриловым уехали в Тифлис ревизовать семинарию. Спрашивают, почему поехали они, когда сейчас есть два ревизора свободных, да к тому же и семинария закрыта. Злые языки отвечают, что, во-первых, оба они получили до трех тысяч прогонов, во-вторых, проведут среди прекраснейшей тифлисской природы несколько недель.

*) Так в подлиннике.

1 м а р т а. — Прочитал последнее творение Зинченко: «О судьбах русской народной школы», напечатанное без имени автора, цензора и типографии, точно какое подпольное издание. Да оно, впрочем, может быть таким названо и по существу, потому что автор писал не спокойное, объективное историческое исследование по известному вопросу, а грубый памфлет на то народное образование, которым заведует не духовенство, а министерство или земство. Для этого он обращался с историею и ее фактами, конечно, по произволу: берет только то, что ему нужно, и беззастенчиво отбрасывает другое, что ему противоречит. Конечная цель брошюры—взять все деньги—и министерские, и земские—в ведение чиновников православного ведомства и ожидать, что «чрез десять, много пятнадцать лет вся Россия будет грамотна». Как совершится это чудо, на какие средства откроют новые сотни тысяч школ, где возьмут потребных учителей и им жалованье, об этом не говорят, потому что такие вопросы автором считаются праздными, пустыми. Важно только, чтобы заполучить духовным чиновникам от министерских власть и деньги, — сказал мне однажды в разговоре Зинченко, — а как устроить все остальное, будем думать и рассуждать после. И это деятели, мечтающие о решении государственных вопросов первостепенной важности!

2 м а р т а. — До чего выдрессирована наша пресса! Обсуждается такой важный и сложный вопрос, как о передаче всех школ в ведение духовенства, и никто не смеет пикнуть словечка, как будто это в самом деле *) разных Шемякиных, Ванчуковых [9]), Зинченко и др. А ведь вопрос касается всего русского, многомиллионного государства! У нас кто-то очень удачно окрестил всю компанию, заведующую вопросами о церковно-приходских школах, т. е. Шемякина, Ванчукова, Соколова [10]), Игнатовича [11]) — именем бывших поставщиков армии: Грегер, Горвиц, Коган, Варшавский, Поляков. И действительно, между ними громаднейшее сходство в том отношении, что обе компании имеют в виду только одно — личную наживу на самых важных и необходимых предметах: одни на физическом питании, другие — на духовном. Но и те и другие ни капли не заботятся о доброкачественности поставляемого ими.

1 а п р е л я. — В смоленской семинарии обнаружились беспорядки. Пришлось ее закрыть по телеграфу. Послан расследовать причины, вызвавшие беспорядки, ревизор П. И. Нечаев. Из донесений видно, что воспитанники были крайне недовольны инспектором, а ректор как будто играет в двойную игру. К сожалению, и тот и другой не монахи.

---

*) Так в подлиннике.

6 апреля. — Возвратились тифлисские ревизоры. Передают много фактов, разоблачающих деятельность Палладия на Кавказе. У него была политика замалчивания. А между тем семинария от этой политики все более и более деморализовалась. Во времена инспекторства там знаменитого Исидора Колоколова бывали скандалы побольше последнего. Но при системе замалчивания и уступок требованиям семинаристов истории эти не разглашались, и все считалось благополучным. Находят также и теперешнего экзарха Владимира неважным администратором. Но чего же смотрели, когда выбирали и назначали? Да и где взять умных и опытных людей?

10 апреля. — Все говорят в городе и пишут в газетах о каком-то страннике Антонии, явившемся в Петербург босиком и в веригах. Это последнее создало для него ореол святости. Народ валит к нему тысячами и несет, конечно, всевозможные приношения — и большие, и малые. Такие явления повторяются ныне все чаще и чаще и составляют просто знамение времени. Относительно таких безобразных проявлений всяких ханжей и проходимцев и писания об них не принимается никаких ни полицейских, ни цензурных мер. Можно ожидать, что скоро их будут возводить в звание «синодальных странников», как есть теперь синодальные миссионеры. Удивительное право время!

14 апреля. — Выяснилось, что в смоленской семинарии главными причинами беспорядков были халатность и бестактность начальствующих. Возбуждение семинаристов росло давно, на это не обращали никакого внимания и продолжали действовать сегодня строго, а завтра уступали во всем воспитанникам. Но ведь эти условия не в одной смоленской семинарии. Нигде не воспитывают, а только заботятся о личной популярности и о том, чтобы выбраться поскорее и поблагополучнее на лучшее место, вообще сделать свою карьеру.

1 мая. — Весна ныне стоит удивительная. С марта началось тепло. В апреле была просто жара, так что распустились все деревья, даже липы. Сегодня в тени 16—17°. И главное погода все время стоит ровная, одинаковая, без всяких перемен, что для Петербурга чрезвычайная редкость. Говорят, что это город бесхарактерный и в климатическом и нравственном отношениях, что здесь так же легко меняются взгляды и убеждения, как и погода. Это совершенно справедливо. И жаль, что не бывает наоборот, т. е. в нравственном мире Петербурга никогда не устанавливается такой хорошей, теплой, ласкающей весны, какую мы пережили ныне, а всегда царит осень, холода, дождь!..

Декабрь. — Целых полгода не приходилось делать записей. К осени я так скверно почувствовал себя, что вынужден был в половине сентября все бросить и куда-нибудь ехать. Сперва решил, было, в Крым, а затем оказалось возможным поехать в Италию. Возвратившись

в Россию, пришлось встретить все то же серое холодное небо и тех же сереньких бездушных людей, которые ввиду нового царствования интересуются не тем, что нужно делать и что будут делать, а лишь одним: кто будет иметь в новое царствование выдающееся влияние на дела государственные... и как бы не опоздать забежать к этим людям. О деле же, нуждах и задачах никто и не думает и даже не говорит. Встретил также людей, которые очень много хлопочут о том, чтобы все оставалось status quo.

1895 ГОД.

Я н в а р ь. — Вот наступил и новый год, ожидали все новых назначений, разных перемен, но все разочаровались. Ничего не случилось, все по-старому. В нашем мире ежегодно к новому году возникают разговоры о назначении Победоносцева куда-нибудь. И как только заговорят об этом, то все с увлечением, с пеною у рта или говорят, что они наверное знают, что его преемником будет такой-то или такой-то, или же чуть не ночью приезжают спрашивать: да к т о ж е будет? Большинству петербуржцев, живущих впечатлениями, сплетнями, карьерою, урываньем, важно знать, к т о будет во главе того или другого дела — ведомства и что из этого можно извлечь лично для себя каждому.

У нас все попрежнему. Митрополиты между собою бодаются. А чего? Конечно, разные страстишки тут действуют.

И ю л ь. — Случилась необычайная история. Победоносцев сделал доклад государю о том, кому угодно будет поручить совершить священное коронование: петербургскому митрополиту или старейшему? Конечно, государь должен был поручить последнему. Тогда обер-прокурор немедленно уведомил Палладия о состоявшемся высочайшем повелении, «прося его преосвященство о зависящих распоряжениях». Саблера в эти дни не было. Возвратившись в Петербург, он обнаружил удивительное и шумное несочувствие свое этому делу и выразил желание непременно исправить его. Для этой цели он велит Гаврилову сделать справку о том, кто всегда короновал государей. 22 июля, в табельный день, когда никого из служащих не было в архиве и в городе, Гаврилов с одним чиновником ломают дверь в архиве и наводят, якобы, нужные справки. Саблер объявляет, что дело спешное, требуется его немедленно представить государю для изменения несправедливого и вредного по своим последствиям распоряжения. Неизвестно, была ли представлена справка обер-прокурору, но чрез несколько дней Саблер начинает всем и каждому внушать секретно, что Константина Петровича ему никак не убедить в необходимости изменить это дело... Но Палладий в это время более всех ругал Саблера,

говоря, что сам Победоносцев и умный и добрый человек, но что он держит около себя советника — страшного интригана и даже более. Словом, митрополит почему-то считал виновником всей этой печальной истории Саблера. Быть может, он и прав...

Сентябрь. — Между московским и петербургским митрополитами идет страшная рознь, доходящая до невероятных размеров. Например, летом приезжали депутации в Петербург: абиссинская и болгарская. Был и армянский патриарх. В Петербурге им оказывали дружеский прием, единение и общение. В Москве не пустили в церкви. Мещерский в своем «Гражданине» высказал взгляд, что Сергий поступил, как должно истинному представителю православной церкви. Петербургский же начал рвать и метать. И вот недавно в заседании синода прямо обругал Сергия интриганом и буквально сказал: «Он меня называет еретиком за общение якобы с еретиками. А между тем он сам еретик. Если бы наши предки, прибывши в Конетантинополь, не были допущены в св. Софию и им не было бы показано все великолепие православного богослужения, то, быть может, мы теперь не были бы православными, а находились бы под властью папы или что-нибудь хуже». Притычкин радуется этому: divide et impera.

Декабрь.—Вот и еще год окончился. А что он принес нового? Смотря близко на наше церковное управление и главных двигателей-деятелей, убеждаешься, что решительно ничего не делается, да эти люди и неспособны что-либо сделать. Они сорок-пятьдесят лет как уже ничего не читают, не изучают, а пребывают в самомнении, что они все знают, все понимают, все могут... Это живые мумии, консервированные трупы, воображающие, что они могут и должны задерживать всякую жизнь, всякое новое движение, начинание, которых они совсем не понимают и отрицают потому лишь, что в их время этого не было. Отсюда вся их беспочвенность и инертность. Какая разница — как посмотришь — с католическими епископами. Если бы цели и задачи последних были чисты, то кто бы из мыслящих остался с нашим дерьмом, не умеющим ни говорить, ни делать, а только изрекать и сатрапствовать!..

1896 ГОД.

Январь. — Опять заговорили о реформе духовно-учебных заведений. Едва 10 лет прошло после иоанникиевской ломки учебных заведений, причем каждый год обильно сыпались дополняющие и разъясняющие циркуляры, а теперь опять ломка и, кажется, совсем капитальная. Да разве можно вести какое-нибудь дело, а не говоря уже учебное, — при таких анормальных условиях? Правду говорит Победоносцев, что если дать архиереям власть, то они все испортят.

Опять всплыла история с вопросом: кому совершать священное коронование? Состоялось, говорят, новое высочайшее повеление о том, чтобы короновал Палладий. Происхождение этого повеления объясняют так. Палладий будто бы проник с своим горем к Воронцову-Дашкову. Последний, не считая себя компетентным в решении такого вопроса, обратился к И. Л. Янышеву [12]). Этот высказал, что нарушение иерархического старшинства, не имея за собою никакого основания, кроме произвола Литейной, поведет, несомненно, к дурным последствиям. Все иерархи увидят, что молодой государь даже и в подобных вопросах находится под опекою обер-прокурора. Далее пойдет среди них иерархическое безначалие на соблазн мирянам, и, — наконец, — это убьет Палладия. Все это будто бы Янышев передал и государю. Последний, говорят, сообщил Победоносцеву о своем желании, чтобы короновал Палладий. По получении этого повеления, говорят, на Литейной были поражены, как громом. Вот чем у нас больше всего занимаются отцы и столпы церкви!

Ф е в р а л ь. — Иоанникий настоял, чтобы образован был комитет по вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений. Собственно весь комитет будет состоять из него и московского митрополита, «с которым мы единомысленны», — сказал он, и затем из вечного Притычкина, который всюду считает своим долгом приткнуться. Впрочем Иоанникий оставил за собою право приглашать по мере надобности и других лиц, присутствие которых он сочтет полезным. Приглашены: новгородский, финляндский епископы и Парвов [13]). Делопроизводителем — Гаврилов. Последний пока скрывает, что у них происходит. Говорит только, что болтают всякого вздору много, а он после составляет протоколы, которыми остается и сам очень доволен и все члены. Хороша комиссия! А петербургский митрополит с московским и киевским грызутся постоянно в заседаниях синода. Притычкин же благодаря этому делает свои дела...

М а р т. — Сущность всех стремлений по преобразованию духовно-учебных заведений состоит в следующем: 1) ограничение числа воспитанников семинарии применительно к нуждам епархии; 2) устройство везде общежитий; 3) сокращение программ по «светским предметам»; 4) расширение программ по церковным предметам; 5) чтобы все преподаватели церковных предметов были священники; 6) чтобы занять их богослужением, обязательно ввести ежедневное в семинариях богослужение, которое все воспитанники богословских классов должны обязательно посещать...

А п р е л ь. — Дело о коронации выяснилось. Состоялось высочайшее повеление о том, чтобы короновал Палладий. Последний, конечно, торжествует, а Притычкин виляет, показывает вид, что он

очень рад этому, ибо вся эта затея была будто бы устроена Победоносцевым без его ведома, во время отсутствия Саблера. О, слепой, грошевый дипломат! Кого он хочет обмануть этим? Все теперь замерло в ожидании коронационных милостей, о которых только и говорят все...

М а й. — В Москве все совершилось благополучно, кроме Ходынки! Страшное впечатление от этого кровавого события должно было омрачить торжество, но вместе с этим и указать, как невыгодно для дела, если два высших представителя власти не ладят между собою. Вся эта история, говорят, произошла потому, что генерал-губернатор и министр двора не поладили между собою или точнее, не поделили между собою власти. Один говорил: я хозяин Москвы и все должны мне подчиняться. А другой: я уполномоченный царя и все должны мне содействовать.

И ю н ь. — Что-то выделывают странное с Палладием. Всю зиму он воевал с Притычкиным. Около нового года все настойчиво говорили, что последний будто бы назначается министром народного просвещения. Кажется, этот слух имел некоторое основание в том, что Делянов был очень болен и мог так или иначе сойти со сцены. Победоносцеву необходимо было обеспечить нейтралитет министерства народного просвещения по отношению к церковно-приходским школам. Саблер же, вероятно, пользуясь этим положением вещей, стремился при помощи Победоносцева проскочить к своей конечной цели — какому-нибудь министерству. Но, говорят, Аничков, оберегая себя, уговорил Делянова не оставлять своего поста, и дело осталось попрежнему. Во время этих слухов Палладий будто бы высказывал разным высокопоставленным лицам свою радость, что духовное ведомство избавляется от гнетущего его взяточника. Слухи эти так настойчиво циркулировали по городу, что сделались легко известными Саблеру и Победоносцеву Последний, по словам Даманского, был в посту у Палладия и поставил ему вопрос так: митрополит распространяет скверные слухи о сенаторе — товарище обер-прокурора. На обязанности последнего лежит доложить об этом государю и просить его указаний относительно дальнейшего. Желает ли этого митрополит? Последний струсил и стал винить Саблера сперва в том, что он забрал в свои руки все синодские дела. На это Победоносцев ему ответил, что если бы не Саблер, то ведь некому было бы и заниматься. Тогда Палладий попробовал сказать, что Саблер постоянно интригует против него, например, в вопросе о короновании. На это Победоносцев будто бы ответил, что его величество и теперь недоволен, что переменил свое первоначальное намерение поручить коронование киевскому митрополиту.

И ю н ь *). — Чем окончился этот разговор, конечно, никому неизвестно. Но должно полагать, что Палладий понял несколько, что ему не позволят безнаказанно поносить и злословить Саблера, и, кажется, утих. Впрочем, его не оставляют в покое: каждый его бестактный шаг по синоду ли, по епархии ли стараются выставить напоказ. Например, много шума наделало погребение кн. Волконской. Последняя, как известно, несколько лет тому назад перешла в католичество, что и не скрывала. Пред смертью она была напутствована ксендзом. Но хоронить ее хотели по-православному. Наши священники за гроши готовы отпеть хоть еврея. Началось служение панихид. Объявлено было в газетах и погребение в православной церкви. Митрополит, хотя и был предупрежден об ее католичестве, тем не менее дал разрешение на это отпевание. Тогда Литейная, оскорбленная, что ее предупреждения игнорируются, заволновалась не на шутку. Саблер объездил киевского и московского митрополитов и уговорил их написать Палладию письмо, где братски посоветовать ему не заводить на всю Россию скандала. Палладий смутился. Волконскую отпевали в католической церкви, но тщеславие Палладия не могло перенести такого факта, и он в выражениях о митрополитах не стеснялся... Однако и ему эти волнения даром не прошли. За ним начали наблюдать некоторые ненормальные проявления. То он забывает, то смешивает, то прямо говорит бессмыслицу. Очень заметно это выразилось во время крещения в. кн. Татьяны. Он присутствовал во дворце и служил обедню, путая все от начала до конца. Говорят, не во время поднес государю 4 иконы, не причастил новокрещенной, не кадил государыне и мн. др. подобных вещей обнаружили, так что Елена Владимировна [14]) назвала его своему законоучителю «рамольным». Да он и действительно таков. Больше всех от него достается Саблеру, которого он всем и каждому ругает, называя мошенником, вором, взяточником.

И ю л ь. — Несмотря на все ругательства, которыми Палладий так обильно сыплет на Саблера, последний постоянно начал опять ездить к митрополиту. Некоторые говорят, что Притычкин хочет поскорее его сплавить и потому изучает состояние Палладия и те обстоятельства, которые могут особенно его волновать. Это для того, чтобы в каждый момент можно было довести Палладия до бешенства. О, люди, о, нравы!! Притычкин обделывает теперь дело относительно проведения Антония Храповицкого в архиереи, для чего «сбегал на один день в Казань» — как выразился в своей речи архиепископ казанский Владимир при открытии миссионерского съезда в Казани. Арсений рижский сунулся, было, к Саблеру с ходатайством за Антония Хра-

*) Так в подлиннике.

повицкого, но Притычкин ему ответил, что выбор архиерея есть дело синода. Это значит хвостом следы заметать...

И ю л ь *). — Был недавно у преосвященного Антония финляндского и беседовал с ним по поводу его заграничной поездки. Поездка эта состоялась помимо и против желания Победоносцева. У последнего я был в самом конце мая и нарочно заговорил с ним по этому поводу. Он прямо высказался против поездки. А поводом к этому разговору послужили найденные мною в бумагах Филарета московского, хранящихся в архиве, письма протоиерея Васильева к обер-прокурору из Англии, где в 60-х годах было сильное движение в пользу единения. Впечатления Антония о нашем заграничном духовенстве не в пользу сего последнего. Да оно так и должно быть. В Англии о. Смирнов, а в Париже о. Васильев более годились бы в биржевые маклера или комиссионеры по секретным выгодным делам. А ведь первого Саблер превозносит и выхлопотал ему за мерзкие статьи о старокатоличестве против Янышева 2 000 рублей аренды! Говорил, что явилась мысль у берлинского посла Остен-Сакена хлопотать об отдельном заграничном архиерее, который бы объединял все заграничное православное духовенство в известном направлении; знакомил бы при помощи литературы заграницу с православием и был бы компетентным судьею в синоде по заграничным вопросам. Мысль хорошая. Но осуществить ее, за отсутствием подходящих кандидатов, трудновато. Саблер сейчас поставит какого-нибудь своего прихвостня.

А в г у с т. — На казанском съезде противораскольнических и сектантских деятелей договорились до чепухи. Выступил, между прочим, рязанский епископ Мелетий с проектом отбирать у раскольников и сектантов их детей и воспитывать последних в монастырях. Известие об этом проникло за границу, которая гораздо больше интересуется делом съезда, чем наша русская печать, не пославшая ни одного корреспондента.

Говорят, что Палладий едет в Крым. Как бы его не спустили совсем при этом случае! Антонию Храповицкому назначили хиротонию в Петербурге, так это утверждено и государем. Потом, по каким-то соображениям, выскоблили Петербург на Казань, и туда назначили нескольких архиереев для хиротонии его. Вот возятся-то с человеком, из которого едва ли когда выйдет что-нибудь путное! Самолюбивый, гордый, самомнящий, резкий, гоняющийся за дешевою популярностью, никогда ничем серьезно не занимавшийся. Вот его абрис в настоящем.

С е н т я б р ь. — Палладий уехал в Крым. Говорят, что этим отъездом воспользуются для того, чтобы создать где следует почву для

*) Так в подлиннике.

его удаления. Вопрос только в формуле удаления. На Литейной не стесняясь говорят, что такого митрополита нельзя оставлять. Да это и правда. Он, может быть, в душе и добрый человек, но слишком слаб головою и волею. К тому же и нравственных правил не держится твердо. Ему ничего не стоит сегодня пообещать, а завтра отступиться от обещания. Сегодня он будет говорить, что это дело правое, а завтра отказывается. Вот какого выбрал кормчего для русской церкви г. Притычкин! Митрополитов выбирает не синод, а обер-прокурор. Пускай бы синод избирал закрытыми записками. Ведь это не простые епархиальные властелины, а магнаты церковные, от которых все зависит. А ведь почему назначили? Да думали, что ограниченный человек будет послушным в их руках. А забыли, что с умным легче вести дело, чем с глупым, да еще гордым и самомнящим!

О к т я б р ь. — А Палладий-то, не будь прост, сообразил, что его хотят сплавить, и вместо двух месяцев, на которые он уехал, вернулся в Петербург ранее, чем чрез месяц. Теперь усердно посещает заседания синода и служит, желая показать этим, что он совсем здоров. Ну и господь с ним! И Литейная теперь притихла. Вот что-то в Киевской академии неладно. Говорят, что студенты взволновались. Причина будто бы в том, что инспектор требования большие предъявляет. Были исключены из академии за что-то два студента. Их приняли в Казани. Студенты заявили, что, следовательно, они были уволены беспричинно. Пошли волнения. Уехал туда Саблер. Вот уж может кто уладить всякое дело! Впрочем, с внешней стороны, он мастер улаживать всякие дела. А вся беда в том, что совершенно нет никакой системы воспитания ни в семинариях, ни в академиях. Все основано на принципе: après nous le déluge. Всякий ректор и инспектор — монахи думают только об одном: мы здесь на постоялом дворе. Как бы нам, отдохнув здесь и запасясь силами, благополучно выбраться в дальнейший путь. Поэтому, чтобы не раздражать и не возбуждать воспитанников, дозволяется и прикрывается все. Между тем, если попадет человек с характером, сейчас пойдут недоразумения, столкновения и волнения.

Д е к а б р ь. — Нового ничего. Про Палладия всюду распущены слухи, что он невменяем, особенно с полудня. Частью это и верно. Неверно только то, что будто бы это сделалось с ним только теперь. Вероятно, он всегда был одинаков, только прежде ему негде и не над кем было проявлять свое сумасбродство. К тому же он и боялся так проявлять себя. Известно, что все они аскеты в миниатюре. Теперь же ему стесняться нечего и некого. Вот он и распоясался. Отец Г. Ив. Титов [15]) передавал мне, что недавно за завтраком великий князь передавал ему о невменяемости Палладия, о чем знает и государь. Значит,

все подготовлено. Ждут только случая удобного. Из Киева же прямо идут вести, что Иоанникий переводится в Петербург. Поздно. Едва ли он на это согласится сам. Получать теперь из милости то, на что он имел все права после смерти Исидора! И все люди хитрят!

Бросая в конце года взгляд на прошлое, опять ничего нельзя сказать отрадного. Победоносцев видимо стареет, постоянно жалуется и кряхтит. Всем орудует Саблер. А при этом человеке много суеты для всех служащих, но не дела. Сегодня хватаются за одно, завтра переходят к другому, а послезавтра все забывают, потому что едут за тысячи верст на освящение церкви, придела, иконы... Общего направления тоже нет. Сегодня про известное лицо говорят, что оно прекрасно поступает, а завтра, слыша его имя, хмурятся... Сегодня разносят кого-нибудь, а завтра, смотришь, жалеют и поощряют. Ничего не поймешь. Да и едва ли кто-нибудь что-нибудь понимает. Иерархи же совсем измельчали. Ссорятся между собой, завидуют, превозносятся, искательствуют...

1898 ГОД.

Я н в а р ь. — Сергий московский очень болен. Нет надежды на поправление. Саблер, говорят и даже пишут, постоянно там. И чего он торчит? Идут уже толки, кто будет на его место. А как подумаешь, мало, даже более чем мало, есть лиц, на которых бы можно было с упованием остановиться. Новгородский, конечно, мечтает. Недавно я был у него. Зашла речь о болезни Сергия. Говорит, что он его не видал и ничего не знает. И в то же время прибавляет: «Сказывают, что ноги и руки уже опухли. Так было с преосвященным Саввою тверским. Тот проболел три месяца. А Сергий заболел в декабре. Значит, далее февраля-марта не проживет». Вот и выдал себя, что уже дни считает... а того не разумеет, что он меньше всех имеет шансов. И непредставителен, и неглубоко плавает, его называют тарантою. Но как человек ограниченный — упрям и упорен.

Ф е в р а л ь. — Митрополит Сергий скончался. Саблер, как писали газеты, находился все последнее время при нем б е з о т л у ч н о. Чего ради? На прошлой неделе мне говорили, что он привез в синодское казначейство 125 тысяч денег, сказав, что эти деньги московского митрополита. Странно, что он опрометчиво поступает в таком деликатном вопросе.

В последнее заседание пред масляницей в заседании синода произошел инцидент (чтобы не сказать прямо — скандал). Докладывали бракоразводные дела. Доложили уже благополучно три-четыре дела, из которых первое было по волынской епархии. Докладывают по минской. Вдруг Палладий говорит докладчику: «Что вы нам глупости до-

кладываете, дело совсем не так». Удивленный докладчик продолжает говорить, заметив, что он передает только те обстоятельства, которые есть в деле. Тогда Палладий с раздражением замечает, что Саблер с Модестом [16]) (епархиальный архиерей) сговорились это дело представить в известном виде, и вот докладчик исполняет приказание Саблера. Последний вскакивает с своего места, как ужаленный, подбегает к столу заседания бледный, трясущийся и к ужасу членов начинает резко, взволнованно говорить: «Владыко, здесь нет Саблера, нет Модеста, а есть только товарищ обер-прокурора и дело бракоразводное по минской епархии». Все думали и боялись, что Палладий ответит на это своею обычною бранью Саблера, и тогда наступит для него финал. Но, к удивлению, он не сказал ни слова. Тем дело и окончилось. Но весть об этом быстро разлетелась, и все говорят: хорош товарищ обер-прокурора, о котором так говорит в заседании синода первенствующий член! Теперь Палладий уже говорит, что Саблер обобрал московского митрополита.

Ф е в р а л ь. — А чудное это дело — наследство московского митрополита, простирающееся до полумиллиона. И зачем Саблер в него впутался? Судят, рядят, сплетничают на все лады. В семье Саблера, как слышно, все взволнованы этими слухами. Особенно мать его. Ругают в семье — сыновья и мать — Победоносцева, который «сам ничего не делает, все взвалил на Володю и ничего не хочет сделать для последнего». Ясное недовольство за то, что не провел Саблера в министры народного просвещения. А как этому рады все серьезно мыслящие люди, как благодарны! Чего было бы ждать для русского просвещения от человека, который не имеет ни убеждений, ни взглядов, ни правил, а действует всегда по впечатлению?.. Если теперь есть охотники производить на него приятное впечатление и на этой почве обделывать свои дела, то что же было бы, когда его назначили бы министром? Слава богу, что этого не случилось, и желательно, чтобы не было впредь.

М а р т. — Палладий очень плох. 26 февраля и 1 марта чудил в крепости во время служения панихид порядочно. Для всех стало очевидно, что он бывает по временам невменяем. Недавно было наречение архимандрита Никона софийского в епископа вольского, и он по книге не мог прочесть ектению. Пропустил государя и государыню, перевирал слова, искажал смысл... Хорош первоиерарх русской церкви! Кажется, назначившие такого должны были бы сгореть со стыда. Но назначения по собственному их изволению — людей для них угодных — все продолжаются. Этот пример ничему не научил Литейную. Победоносцев считает себя непогрешимым, а Саблер искусно его направляет в ту сторону, в какую ему выгодно и желательно.

А п р е л ь. — Много шума наделала ныне история присуждения Макарьевских премий [17]). На конкурс явился Т. Барсов с своим «Св. синод в его прошлом». С самого же начала он поставил дело так, что видно было непременное его намерение получить премию. Сочинение его послали читать сперва М. Ив. Горчакову [18]). Тимофей сейчас поехал к нему. Понятно, что Горчаков после этого отказался, мотивируя свой отказ тем, что он читает то же сочинение для Академии наук. Тогда определили послать сочинение к А. Ст. Павлову в Москву. Но Барсов, узнав об этом и хорошо зная, что Павлов разберет его по косточкам, бросился к обер-прокурору с просьбою передать сочинение в Казань проф. Знаменскому [19]). Победоносцев согласился. Переделали постановление и послали. Тогда Барсов, не будучи знаком с Знаменским, входит, тем не менее, с ним в переписку и инструктирует его относительно отзыва. Наконец, последний получается удовлетворительным. Но так как было 28 сочинений, из которых многие признаны были удовлетворительными, то Барсов начинает наседать на председателя комитета протоиерея Смирнова, пугая его тем, что если только комитет откажет ему, то он будет искать защиты у своего покровителя — киевского митрополита Иоанникия. Смирнов, дорожащий более своими отношениями к известным лицам, чем интересами дела, начинает влиять на комитет в том смысле, чтобы присудить премию Барсову. Мотив тот, что другие достойные премии конкуренты — неизвестны, а Барсов — свой человек! Спорят два заседания, наконец, присуждают. Представили все дело обер-прокурору. Последний, утвердив и подписав предложение синоду, заметил, что он не согласен лично с таким распределением. Комитет присуждает премию Барсову, а отказывает Гильтебрандту [20]) — труженику сравнительно с первым. Тогда Смирнов предлагает комитету вновь пересмотреть все дело о премиях. Решили: отказать Барсову и дать Гильтебрандту. При этом условились не выдавать тайны. Но протоиерей Образцов предупредил Барсова, и последний полетел по всем членам синода с жалобою и младшим сообщал, что за него будет киевский. Так и вышло. Когда доложили, то киевский стал говорить за Барсова. Остальные поддержали, и Барсов получил премию за счет другого! Все это он, не стесняясь, сам рассказывал мне!

В мае и июне только и было толков, что о болезни Палладия, очевидно, страдающего каким-то мозговым недугом. По временам он как бы нормален, говорит и делает, как следует, а по временам высказывает невозможные вещи. Все заняты, что предпримут с этим на Литейной. О. Титов, протоиерей церкви в. к. Михаила Николаевича, говорил мне, что, по словам великого князя, сам государь не знает, что с ним делать. Палладий же обнаруживает невозможные вещи. Так, недавно он уволил

всех начальствующих лиц в лавре за то, что они не хотели выдать ему каких-то денег. Вероятно, денежный вопрос у него явился под влиянием детей, которые, предвидя скорый конец, торопятся понажиться. Едва это дело уладилось, и то уже благодаря вмешательству Победоносцева.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) 23 июля 1893 г. состоялось определение синода (№ 1964), формулированное так: «Инспектора С.-Петербургской духовной академии архимандрита Исидора уволить от занимаемой им должности и послать в распоряжение преосвященного ставропольского, коему поручить назначить архимандрита Исидора, ввиду выказанной им способности к миссионерской деятельности, к исполнению обязанностей миссионера по епархии, с вознаграждением его за сей труд из епархиальных средств в таком размере, который бы обеспечивал его безбедное существование». Инспектором Петербургской академии тогда же назначили экстраординарного профессора академии доктора церк. истории Н. В. Покровского (ЛОЦИА, дело канц. синода, 1893 г. № 420).

[2]) Ловягин, Евг. Ив., засл. орд. проф. СПБ дух. ак. по кафедре греческого яз. и словесности.

[3]) Барсов, Тимоф. Вас., заслуж. орд. проф. СПБ дух. ак., в должности обер-секретаря III отд. канцелярии синода с 1879 г.

[4]) Шемякин, Вас. Ив., чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода с 1886 г.; член учебного комитета министерства нар. просвещения.

[5]) Введенский, Алекс. Ив., доцент Московской дух. ак. по кафедре метафизики.

[6]) Анастасий (Алекс. Мих. Добрадин), еп. воронежский с 1890 г.

[7]) Герман (Алдр. Осецкий), еп. кавказский с 1872 г.; уволен от управления епархией в 1886 г. и назначен управляющим московским Донским ставропигиальным монастырем.

[8]) Беспорядки в тифлисской духовной семинарии имели место в конце ноября — начале декабря 1893 г. Воспитанники семинарии не явились на годичный семинарский акт, не приняли благословения у экзарха в день акта, за городом устроили сходку и вынесли ряд постановлений: потребовали увольнения отдельных лиц из начальства и воспитателей, настаивали на расширении занятий грузинскими языком и литературой, жаловались на уничтожение в семинарской церкви церковно-грузинского пения и вообще на оскорбление их национальных чувств, протестовали против мелочной формальной дисциплины, их угнетавшей, против запрещения читать газеты и светские книги (запрещался, например, Достоевский). «Если, — говорили ученики в своей петиции, — учебное заведение не дает правильного развития, то лучше оставить его и вместо того начать пахать землю». Прекратив с начала декабря занятия, ученики не подчинялись увещеваниям ни своего начальства, ни экзарха. Семинария была закрыта; часть учеников, получив прогонные деньги , разъехалась по домам, упорствовавшие были выдворены через полицию.

Начальство происхождение беспорядков объяснило «искусственным внешним посторонним влиянием». «По моему искреннему убеждению, — писал ректор, — возмутительное происшествие 1—4 декабря представляет незаконно и гру-

бо выраженный от лица грузино-имеретинской партии протест против общих учебно-воспитательных правил святейшего всероссийского синода и напрасное стремление грузино-имеретинских сепаратистов создать в семинарии уголок грузинских привилегий и вольностей, несомненно вредных для русских интересов вообще и для грузинской церкви в частности».

Ректор просил синод: «В интересах личной безопасности начальства и преподавателей тифлисской духовной семинарии, было бы весьма желательно, чтобы приговор по делу о беспорядках был произнесен высшим духовным начальством». Определением синода 19 января 1894 г. 87 воспитанников тифлисской семинарии были немедленно исключены без права поступления в другие семинарии и отданы под надзор полиции; 69 воспитанникам, не принимавшим никакого участия в беспорядках, позволено поступить в те же классы других семинарий, но принципиально было решено не давать им доступа в духовные академии (канцелярия синода, дело № 649, 1893 г.).

[9]) Ванчуков, Аф. Мих., член училищного совета с 1891 г. и учебного комитета при синоде.

[10]) Соколов, Ив. Ив. ст.-секретарь канцелярии синода с 1887 г. член училищного совета.

[11]) Игнатович, П. И., член училищного совета при синоде.

[12]) Янышев, Иоанн. Леонт., протопресвитер придворных соборов Зимнего дворца и московского Благовещенского.

[13]) Парвов, Алекс. Ив., прот., председатель учебного комитета при синоде.

[14]) Елена Влад., вел. княжна.

[15]) Титов, Георгий Ив., прот. дворцовой церкви вел. кн. Михаила Николаевича.

[16]) Модест (Даниил Стрельбицкий), архиепископ волынский с 1892 г.

[17]) Архиепископ харьковский и ахтырский Макарий, впоследствии митрополит московский, автор ряда сочинений по истории церкви и богословию (умер в 1882 г.), пожертвовал собранный им от издания его сочинений капитал в 120 000 р. для выдачи премий на проценты с основного капитала. Один год премии выдавались за богословские сочинения, и проценты отпускались в распоряжение синода, другой год — за светские сочинения, и распорядителем в распределении премий была Академия наук (П. С. З., № 44425).

[18]) Горчаков, Мих. Ив., прот. церкви при Мариинском институте; проф. СПБ университета по кафедре церковного права.

[19]) Знаменский, Петр Вас., орд. проф. Казанской дух. академии по кафедре истории русской церкви.

[20]) Гильтебрандт, Петр Андр., член общего присутствия хозяйственного управления при синоде, справщик СПБ синодальной типографии с 1884 г.; член и правитель дел Археографической комиссии.

Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II.

(Апрель—ноябрь 1879 г.)

4 августа 1878 г. С. М. Кравчинским был убит главный начальник III отделения и шеф жандармов ген.-ад. Н. В. Мезенцов. Пост главного вождя борьбы против революционного движения оставался незамещенным до 15 сентября 1878 г., когда место Мезенцова занял ген.-ад. А. Р. Дрентельн. До своего назначения Дрентельн командовал войсками Киевского военного округа (с 1872 г.). а в русско-турецкую войну был начальником военных сообщений действующей армии, а затем командующим войсками действующей армии. Здесь он обратил на себя внимание как главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича, так и самого царя. В сентябре 1878 г. царь, будучи в Крыму, вызвал Дрентельна из Бухареста и предложил ему должность шефа жандармов и главного начальника III отделения собств. е. в. канцелярии. Дрентельн попробовал отказаться, ссылаясь на свою неподготовленность к борьбе с «крамолой». «Давно тебя знаю, — возразил царь, — и уверен, что ты с этим делом справишься. Вспомни, в какой хорошей школе ты был у гр. Муравьева, который тебя ценил и любил». Надо сказать, что Дрентельн в 1863 г. командовал войсками, расположенными в Виленской губернии и участвовавшими в подавлении «мятежа» в Северо-западном крае. Эта его деятельность нашла высокую оценку у знаменитого М. Н. Муравьева-Вешателя.

13 октября 1878 г. Дрентельн прибыл в Цетербург и стал верховным руководителем в борьбе с революционным движением. Успеха в этой борьбе он не имел. Как раз при нем высших успехов в борьбе с правительством достигли революционеры; как раз при нем активно выступила организация «Земля и воля», при нем создалась партия «Народной воли», которая начала наносить сокрушительные удары русскому самодержавию. На Воронежском съезде революционной партией был решен беспощадный поход на верховного носителя власти, Александра II. За время управления Дрентельном III отделением последовал ряд известных покушений на Александра II, начиная с неудачного выстрела Соловьева 2 апреля 1879 г. На самого Дрентельна 13 марта было совершено смехотворное покушение Мирским.

Печатаемые ниже доклады Дрентельна Александру II охватывают период времени с начала апреля по середину ноября 1879 г. 2 апреля Соловьев стрелял в Александра II; через несколько дней Александр II выехал из Петербурга на юг и за границу, а 22 ноября вернулся в Петербург, избежав смерти от взрыва полотна железной до-

роги под Курском 19 ноября. Дрентельн посылал царю доклады, в которых с полнейшей откровенностью сообщал ему обо всех событиях в области революционного движения и обо всех своих намерениях и планах борьбы. Александр II читал эти доклады, делая на них пометки, в которых откровенно делился своими мнениями с главным своим охранителем. Они были искренни между собой, царь и шеф жандармов: они вели борьбу не столько за государственные идеи, сколько за свою личную жизнь и безопасность. Их объединял лозунг, набросанный самим царем на полях одного доклада: «Да, необходимо нам держать ухо остро». Царь не доверял исполнительной полиции; не раз выражал он сомнение в том, что полиции удастся то или иное действие; часто он требовал повторных, более подробных донесений, проверки сведений и иногда утешал сбившегося с ног шефа жандармов: «Авось, доберемся, наконец, до самой типографии».

Печатаемые нами доклады дают немало важных и значительных подробностей к истории революционного движения, неизвестных из других источников.

К докладам Дрентельна прилагаем письмо его к управляющему III отделением Н. К. Шмидту с подробностями о взрыве на Курской железной дороге.

Текст публикуемых докладов А. Р. Дрентельна сообщил П. Е. Щеголев.

1.

Осмеливаюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что все полученные до сего времени сведения указывают совершенно противное, т. е., что буйство толпы в Ростове на Дону лишено всякого политического характера [1]). Несмотря на это лично я *) сохраняю глубокое убеждение в том, что беспримерный беспорядок в Ростове был следствием подстрекательства злоумышленников, ловко воспользовавшихся случаем возбудить пьяную толпу и столь же ловко успевших скрыться, когда беспорядок был подавлен и началось расследование.

Генерал-адъютант Дрентельн **).

2.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. По показанию преступника, его зовут Александр Константинович

*) Набранное разрядкой здесь и далее в настоящей публикации подчеркнуто в подлиннике Александром II. На поле против подчеркнутого здесь текста рукой Александра II написано: «И я тоже». Все пометы на полях сделаны его же рукой.

**) Рукой Дрентельна в конце рапорта написано: «Министр внутренних дел меня выдал головою. Я на основании его слов и рапорта Косиковского донес государю совсем в другом смысле, чем настоящее заявление».

Соловьев [2]), сын бывшего нарядчика при конторе двора его высочества наследника цесаревича. Получил образование в 3-й классической гимназии; в университете пробыл два года и затем был семь лет учителем в торопецком уездном училище. В Петербурге находится с декабря прошлого года и проживал у отца *) на Каменном острове [3]). Здоровье его находится теперь в удовлетворительном положении [4]), и он будет перевезен сегодня вечером в крепость.

Генерал-адъютант Дрентельн **).

3.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В ночь со 2-го на 3-е апреля был арестован присяжный поверенный Дмитрий Стасов, проживающий по Малой Морской в доме под № 8-м. Он арестован вследствие агентурных сведений.

На другой день арестован брат его, отставной коллежский асессор Александр ***), потому только, что по наблюдению стало известно, что к нему были перенесены бумаги от арестованного брата Дмитрия ****). С означенным Александром Стасовым проживают на одной квартире по Сергиевской № 77 два другие брата: состоящий во 2-м отделении собственной вашего императорского величества канцелярии действительный статский советник Владимир Стасов и адъютант Зимнего дворца полковник Василий Стасов.

Генерал-адъютант Дрентельн.

4.

Коллежский асессор Александр Васильев Стасов до отставки служил в департаменте мануфактур и торговли. Забранные при обыске его квартиры книги и бумаги еще окончательно не разобраны *****).

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Найден ли он и признал ли он преступника своим сыном?»

**) В конце рапорта карандашом написано рукой Дрентельна: «Если Фургов здесь, то не может ли он дать ответ на сделанный государем вопрос на поле?»

***) На поле помета: «Где он служил?»

****) На поле помета: «Подтвердилось ли это?»

*****) На поле помета: «О последствиях донести».

5.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в течение последних двух дней в городе ничего особенного не произошло. Следствие, производимое сенатором Леонтьевым [5]), идет тем же порядком, и преступник продолжает упорно молчать по предмету участия других лиц в совершенном им преступлении. Вчера я получил телеграмму от начальника самарского жандармского управления, подтверждающую предположение министра юстиции о тождестве Соловьева с разыскиваемым волостным писарем Лебединовым.

Статс-секретарь Набоков [6]) предполагает командировать в Самарскую губернию прокурора и особого следователя для проверки преступной деятельности Соловьева в той местности [7]). Жена преступника [8]) оказалась проживающею в Торопце и будет доставлена сюда.

На Вишерской станции Николаевской железной дороги за два часа до проезда вашего императорского величества случилось загадочное происшествие: какой-то молодой человек, рано утром приехавший из Петербурга, застрелился в одном из садиков, принадлежащих к станции. В кармане самоубийцы найден был паспорт на имя ржевского мещанина, несомненно подложный, так как означенные в паспорте приметы не подходили к личности самоубийцы, и на этом паспорте карандашом было написано, чтобы никого не винили в его смерти. Надпись эта, повидимому, была сделана далеко заблаговременно, ибо успела по сгибам стереться. Четыре крестьянина, приехавшие с неизвестным юношей в одном поезде из Петербурга*) и пившие с ним за одним столом чай в трактире около Вишерской станции, показали, что молодой человек заводил с ними разговор о притеснении простого народа, но они, предполагая в нем агента полиции, от разговора с ним уклонились. Повидимому, показание их должно быть совершенно искренно. Дознание перенесено в Петербург, и, может быть, по платью и по некоторым вещам, найденным на самоубийце, получится возможность разъяснить его личность.

Генерал-адъютант Дрентельн.

6.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: в городе в эти дни все, повидимому, спокойно, и особенного движения незаметно, кроме выезда из Петербурга значительного числа про-

*) На поле помета: «Это не совершенно согласуется с первыми сведениями».

стого народа *). Вследствие неисправности паспортов я нашел необходимым сообщить об этой эмиграции начальникам жандармских управлений, а также просить министра внутренних дел об усилении в губерниях надзора за прибывающими из мест, поставленных в исключительное положение **).

Несчастие, поразившее Оренбург, дало повод к различным толкам, но полученные до сих пор сведения не дают еще основания относить причину пожара к злому умыслу. Страшное распространение бедствия следует приписать поднявшемуся урагану.

Дознание, производимое в Ростове, до сих пор не обнаружило участия социально-революционной партии, и местное начальство объясняет смуты разнузданностью праздничного разгула.

Вашему величеству было доложено о загадочном происшествии, случившемся в Орловской губернии незадолго до вашего проезда: три молодых человека из Одессы, пробираясь, по их показанию, в Сибирь, наняли лодку, будто для того, чтобы спуститься по Оке до Нижнего, убили обоих лодочников и были арестованы. В убийстве они уличены и сознались, но о цели своего путешествия объяснения не дали, хоть один из них и сознался в принадлежности всех трех к социально-революционной партии. Фамилии их еще не проверены и до сих пор в дознаниях не встречались.

Сенатор Леонтьев нашел правильным привлечь доктора Веймара [9]) к производимому предварительному следствию в качестве обвиняемого.

Генерал-адъютант Гурко [10]) отверг кассационную жалобу Дубровина [11]). Исполнение приговора предполагается завтра ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

7.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что после донесения моего от 21 апреля ничего особенного не произошло. Личность молодого человека, застрелившегося на Вишерской станции, до сих пор еще не выяснена, хотя и сделалось известным, что найденный на самоубийце паспорт принадлежит какому-то лакею, который не разыскан.

---

*) На поле помета: «Весьма вероятно, что в том числе и скрывающиеся революционеры».

**) На поле помета: «Это необходимо».

***) На поле помета: «Где и как? Прошу впредь уведомлять о сем положительно, и *в важных случаях по телеграфу*».

Соловьев продолжает упорствовать в своем первом показании, что у него пособников не было; Богдановичи [12]), муж и жена, отговариваются незнанием *). Теперь вытребована из Торопца жена Соловьева, урожденная Челищева.

По донесению начальника псковского жандармского управления, Соловьева **) уже выехала и находится в дороге. Разыскиваются также отставной поручик Вульферт [13]), участник старого торопецкого дела, и Севастьянов [14]), по поручению которого будто бы Веймар купил револьвер.

Записка отставного генерал-майора Фадеева [15]) передана мною, согласно повелению вашего величества, статс-секретарю Валуеву [16]). Записка эта, по моему крайнему разумению, носит на себе ту же печать, как и все ей подобные: она очень красноречиво и убедительно указывает слабые стороны нашего положения: но как только доходит до способа помочь горю, кроме общих мест ничего в ней не оказывается ***).

Государственный канцлер [17]) сообщил мне ноту австро-венгерского посла, в которой он, по поручению своего правительства, просит разрешения агентам судебного ведомства, производящим следствие по делам социально-революционного характера в Галиции, ознакомиться в Варшаве с делами подобного же рода, так как между теми и другими видима несомненная связь.

Граф Коцебу [18]) не встречает препятствий к исполнению ходатайства австро-венгерского правительства. Остается получить согласие министра юстиции. Смею думать, что означенное предложение представляет ту выгоду, что и наши следователи получат, в свою очередь, доступ в Галицию ****).

В городе, повидимому, все спокойно; на заводе Берда ожидалась стачка рабочих, но принятыми мерами предотвращена. На сей раз никакого злоумышления не было, и виновато правление завода, не выдавшее своевременно рабочим следовавшей им задельной платы.

Генерал-адъютант Дрентельн.

8.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В городе все спокойно, но деятельно производимые розыски ни к

*) На поле помета: «Это доказывает только их упорство».

**) На поле помета: «Следовало отправить с нею жандарма, иначе она, пожалуй, еще скроется»

***) На поле помета: «Справедливо».

****) На поле помета: «В таком только случае я на это согласен».

чему существенному не привели *). После выхода в свет последнего номера «Земли и воли» полиции удалось захватить более 200 экземпляров этой газеты, и, таким образом, распространение ее значительно уменьшено, но место ее фабрикации все еще не открыто. В связи с этим захватом арестован некий Попов [19]), разыскивавшийся по делу убийства в Москве агента Рейнштейна [20]).

По делу Соловьева сделано новое открытие: жена преступника указала на связь своего мужа с некоею Захаровою, которая только что разыскана и препровождена к министру юстиции. Сам Соловьев в показаниях своих продолжает упорствовать.

По вишерскому делу ничего нового не открыто; разыскивается личность мещанина города Ржева, ремеслом лакея, паспортом которого воспользовался самоубийца. Относительно последнего вашему императорскому величеству было доложено, что он на станцию приехал на лошадях; обстоятельство это не подтвердилось дознанием; напротив того, один из свидетелей крестьян положительно утверждает, что видел застрелившегося молодого человека выходящим из поезда, по прибытии оного на Вишерскую станцию.

По поводу предложения австрийского правительства о допущении его агентов судебного ведомства в Варшаву, по получении согласия от графа Коцебу и министра юстиции, я сообщил государственному канцлеру, что к подобному допущению препятствий не встречается на условии взаимности **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

9.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Надежды, возлагавшиеся на показание Захаровой, не оправдались: она, действительно, была знакома с Соловьевым, но в последнее время они вовсе не видались ***). Отставной поручик Вульферт, старый знакомый Соловьева по торопецкой кузнице, показал, что он все последнее время выезжал из Минской губернии, где он проживает постоянно. Показание это проверяется, и ожидается возвращение посланного в Самару следователя, после чего, мне кажется, следовало бы закончить предварительное следствие ****).

---

*) На поле помета: «Досадно!»
**) На поле помета: «Так».
***) На поле помета: «Правда ли?»
****) На поле помета: «Да».

Из донесения директора департамента полиции, командированного министром внутренних дел в Ростов на Дону, следует прийти к заключению, что в этом прискорбном происшествии не было ничего политического *). Отсутствие известных людей между арестованными и самый характер грабежа доказывают, что у разгулявшейся черни не было злоумышленных руководителей; иначе буйная толпа ограничилась бы разбитием кабаков и публичных домов и оскорблением полиции **).

Не могу скрыть от вашего императорского величества, что последнее донесение, полученное от генерала Оржевского [21]), доказывает самым несомненным образом, что мнение графа Коцебу об отсутствии в Царстве Польском почвы для социальной пропаганды, по меньшей мере, ошибочно. В начале апреля было произведено 24 обыска, несомненно доказавшие существование преступного сообщества социально-революционного направления и связь этого сообщества с агитаторами, действующими в России и в Галиции. Состав среды тот же: молодежь высших учебных заведений, рабочие и также молодые женщины. В числе арестованных оказалось 11 молодых людей интеллигентного сословия, 6 рабочих и 2 женщины. При обыске у этих лиц найдено все то, что находилось обыкновенно при аресте русских социалистов; все это доказывает тождественность организации у тех и других и допускает правдоподобность того, разделяемого многими, убеждения, что центр организации находится не в коренной России, а где-нибудь среди польского населения ***).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

10.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В последнее время при изыскании способов подхода к подпольной типографии остановились на мысли путем сличения шрифта, употребленного для печатания изданий подпольной типографии, с таковым же шрифтом, заготовляемым в здешних словолитнях, открыть источник снабжения означенной типографии шрифтом. При подробном исследовании этого дела оказалось, что все сорта шрифта, входившие в набор революционных изданий, находятся в числе приготовляемых в словолитне Вольфа, а некоторые сорта исключительно только

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы оно было так».

**) Так в подлиннике.

***) На поле помета: «Полагаю, скорее в Лондоне и Швейцарии».

в одной сказанной словолитне. Вследствие сего решено было произвесть обыск и документальную поверку в словолитне, принадлежащей книгопродавцу Вольфу, находящейся вместе с его же типографией на Васильевском Острову в 16-й линии. Обыск сделан в ночь с 28-го на 29-е апреля, причем в типографии ничего особенного не найдено, но в словолитне не оказалось налицо $13^1/_2$ пудов именно того сорта шрифта, которым печатается текст революционной газеты «Земля и воля». Управляющий словолитней Александров показал, что будто бы означенное недостающее по документам количество шрифта украдено при переезде, осенью 1877 года, из бывшего помещения в настоящее, но что об этом заявления полиции сделано не было. Из показания же одного из людей, служащих при магазине в словолитне, следует заключить, что так называемая пропажа шрифта произошла в 1878-м году [22]). К следствию по сему делу приступлено *).

По содержанию всеподданнейше прилагаемой при сем телеграммы все меры приняты и кому следует сообщено. Сведения, полученные посредством этой телеграммы, если они оправдаются на деле, докажут на более тесную связь наших революционеров с Лондоном, чем это до сих пор предполагалось. Приезд господина Майна [23]) представляется очень любопытным и крайне желательным. Обязываюсь прибавить, что за последнее время я получал так много сообщений, не давших ровно никаких существенных данных для раскрытия заботящего нас дела, что к заявлению Майна я отношусь с некоторым недоверием **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

В городе спокойно, и, повидимому, он приобрел более благонамеренную физиономию. На улицах почти не встречаешь тех лиц, которые поражали своим наглым видом и преднамеренным внешним безобразием.

По делу Соловьева ничего нового не открыто ***).

По киевскому делу называвшийся до сих пор Вышняковым объявил, что он студент Новороссийского университета Иннокентий Волошенко [24]), привлекавшийся к делу пропаганды в Кубанской области, но оправданный.

*) На поле помета: «Авось, доберемся, наконец, до самой типографии».

**) На поле помета: «И я так же, но все-таки не мешает поверить его сведения».

***) На поле помета: «Весьма жаль!»

11.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В городе все спокойно, и за последние три дня ничего особенного не произошло. Предварительное следствие по делу Соловьева должно быть окончено сегодня или завтра; повидимому, все сведения, собранные следствием, не представляют достаточных данных для привлечения Богдановичей в качестве обвиняемых собственно по покушению на жизнь священной особы вашей, хотя в участии их в преступных замыслах вообще не может быть ни малейшего сомнения. Министр юстиции полагает, что, может быть, было бы удобнее, в интересах обвинения, рассмотреть преступную деятельность Богдановичей и других отдельно от дела Соловьева *).

О ходе судебного заседания в Киеве я сообщаю телеграммами генералу Черевину [25]) для доклада вашему императорскому величеству. Полное спокойствие в городе и порядок на суде, несомненно, доказывают пользу строгих и энергических мероприятий. Казалось бы, что в некотором с этим противоречии находится прилагаемое при сем всеподданнейшем докладе моем известие из Киева о заседании Киевской городской думы, но я смею думать, что некоторые из гласных, поддержавших предложение присяжного поверенного Куперника [26]), были убеждены, что они своим заявлением доказывают несомненное верноподданническое чувство в соединении с гражданским мужеством **).

По сообщению из за границы об отправившихся в наши пределы злоумышленниках до сих пор никаких сведений еще не получено, и я начинаю сомневаться в добросовестности заявления, сделанного барону Икскулю [27]). Легко может быть, что это только отвод ***).

Общество очень встревожено известиями о пожарах в Оренбурге и Ирбите. Ходят слухи о поджогах; отрицать такого факта нельзя, но сведений об этом сообщаемо не было, и к тому же ни один большой пожар не обходится без того, чтобы не являлось подозрений о поджоге ****).

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Да».

**) На поле помета: «Может быть, но однако с явными конституционными стремлениями».

***) На поле помета: «Очень может быть».

****) На поле помета: «Да».

12.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Дело о Соловьеве еще не окончено для представления в верховный суд, но министр юстиции надеется привесть его к концу сегодня. Нового ничего относительно преступления, совершенного 2-го апреля, не открыто, и все, касающееся до действий преступника, непосредственно предшествовавших означенному дню, остается мало разъясненным*), но нахождение его в Саратовской губернии в качестве волостного писаря несомненно доказано, равно как и выезд его из Саратова в Петербург**).

С другой стороны, если еще не выяснилась точным образом степень участия доктора Веймара в преступлении 2-го апреля, то сторонние факты, приобретаемые следствием о его предшествовавшей деятельности, дают убеждение в несомненной преступности его в самых широких размерах. Следствием установлено, что лошадь, увозившая Кропоткина[28]) и убийц покойного шефа жандармов[29]), принадлежала Веймару***). Разыскан кучер, служивший у него и признавший лошадь и точно определивший, когда лошадь была куплена; наконец, Михайлов[30]) признал, что он ездил именно на этой лошади, но только не в августе, а в июле 1878 года.

Последняя оговорка с его стороны весьма понятна****).

Розыски по загадочному происшествию на Вишерской станции деятельно продолжаются, но еще не привели к его разъяснению.

В последнее время несколько последовательных происшествий преступного характера, из коих об одном прилагается при сем копия с телеграммы, *****) доказывают, что революционеры избрали Кишинев для развития своих преступных замыслов******). В этом городе арестовано несколько человек, в том числе два актера и один народный учитель. О значении Кишинева я сообщаю одесскому генерал-губернатору. Надо стараться не дать развиться новому гнезду разврата*******).

---

*) На поле помета: «Весьма жаль».

**) На поле помета: «Когда?»

***) На поле помета: «!!?»

****) На поле помета: «Да».

*****) Копия в деле отсутствует.

******) На поле помета: «Об этом я получал также сведения и приказал сообщать г.-а. Тотлебену»[33]).

*******) На поле помета: «Необходимо».

Прилагаемый при сем доклад о житомирском происшествии *) должен [31]) болезненно поразить ваше императорское величество преступным участием офицера **), осквернившего мундир полка, честно вам послужившего в последнюю кампанию. Ответственность полка, к счастью, смягчается тем, что Козакевич [32]) поступил на службу после первой мобилизации; это дает надежду, что честь полка не будет замарана. Командир полка полковник Дометти мне известен с самой лучшей стороны; он был примерным начальником юнкерского училища и в военных делах заявил себя отличным командиром.

Генерал-адъютант Дрентельн.

13.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В городе все спокойно, и ничего особенного в последние два дня не произошло. Не перестающие свирепствовать в Оренбурге пожары сильно тревожат общественное мнение, и убеждение в несомненности поджогов все сильнее и сильнее волнует людей благонамеренных; между тем донесения местного жандармского управления совершенно опровергают тревожные слухи указанием на действительные причины оренбургских пожаров. Последний раз пожар произошел от недосмотра за поставленным самоваром; сушь и сильный ветер сделали остальное.

Из происшествий в губерниях обращает на себя внимание случившееся вчера между Херсоном и Николаевым ограбление денежной почты. Ямщик нанес сильные раны выстрелами из пистолета почтальону и скрылся, похитив постпакет, в котором находилось около двадцати тысяч рублей.

Предварительное следствие по делу Соловьева все еще не окончено, но обстоятельств, могущих отложить еще окончание следствия, уже более не представляется. В прошлую субботу воротились из Самары командированные туда министром юстиции лица, и хотя они извлекли на месте несколько данных для определения деятельности Соловьева, предшествовавшей его приезду в Петербург, но все эти добытые сведения к уяснению преступного покушения 2-го апреля ничего прибавить не могут.

Вероятно, в следующем моем всеподданнейшем донесении я буду иметь возможность доложить вашему императорскому величеству

*) Доклад в деле отсутствует.

**) На подлиннике помета: «Да».

о приезде г. Майна, который обещал сделать важные показания по делу социалистов.

До сих пор о въезде его в пределы России я еще уведомления не получал.

Генерал-адъютант Дрентельн.

14.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Третьего дня, 8-го мая, предварительное следствие по делу Соловьева окончено, но еще сегодня министр юстиции не мог мне окончательно сказать, кто именно привлекается в качестве обвиняемых по этому преступлению. Статс-секретарь Набоков однако полагает, что в начале будущей недели верховный суд будет иметь распорядительное заседание *).

В последнее время агент наш, проживающий в Берне, доставил значительное число интересных копий с писем, получаемых проживающими в этом городе русскими эмигрантами. Принятые по указанию вашего величества меры строгости отозвались и на обитателях Швейцарии: в письмах их уже нет уверенности в собственной их силе **), а, напротив того, проглядывает чувство страха как за дело, так и за самих себя. Вера Засулич [34]), например, выражается, что виселица не свой брат.

Содержание сообщенной переписки выясняет окончательно, что Сергей Кравчинский [35]) есть убийца Мезенцова. Между эмигрантами прошел слух, что будто бы русское правительство требует выдачи Кравчинского, и тревога по поводу возможности такой выдачи выражается упрашиванием о немедленном оставлении им Берна, куда Кравчинский недавно переехал и где почему-то пребывание считается для него более опасным, чем в Невшателе, куда ему советуют переехать. Эмигранты наши убеждены, что его выдал Михайлов.

С другой стороны, как переписка, так и выходящие в Швейцарии русские журналы доказывают значительное, — и, конечно, вредное, — влияние Веры Засулич.

В городе все спокойно; из губерний поступает чрезвычайно много дел об оскорблении величества, и я объясняю это особенною впечатлительностью верноподданнического чувства, более чуткого после преступного покушения 2-го апреля.

*) На поле помета: «Осторожнее будет отложить окончательное решение до разъяснения показаний Майна».

**) На поле помета: «Тем лучше».

Столь нетерпеливо ожидаемый бельгиец Майн находится уже в наших пределах и сегодня должен быть здесь.

Генерал-адъютант Дрентельн.

15.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Предварительное следствие по делу покушения 2-го апреля окончено во вторник 8-го числа, и сегодня я отправляю к генералу Черевину печатный экземпляр следственного производства по означенному делу.

После долгих колебаний министр юстиции мог только вчера сообщить мне, что он окончательно решился не привлекать к суду в качестве обвиняемых Веймара и двух Богдановичей, улики против которых в участии в преступлении, совершенном Соловьевым, статс-секретарь Набоков признает недостаточными. Не будучи юристом, я не беру на себя судить, в какой степени правильно принятое министром юстиции решение, ваше императорское величество изволите это усмотреть из всеподданнейшего доклада статс-секретаря Набокова.

Я телеграфировал вчера генералу Черевину и поручил ему испросить высочайшее соизволение на вступление в соглашение с приехавшим бельгийцем Майном. Я лично его не видел, и он условием первостепенной важности считает предоставление ему права иметь дело с генералом Гурко. Управляющий III отделением видел Майна в приемной генерал-губернатора. Иностранец этот, несомненно, принадлежит к еврейской национальности. Предложения его и обещания, если они осуществятся, представляют большую важность. Он обязывается:

1) Открыть систему революционной организации комитетов, главных и исполнительных, как в Петербурге, так и в провинциях.

2) Доставить документальные данные, неопровержимо доказывающие участие и виновность главных и второстепенных лиц.

3) Доставить фактические доказательства существования трех проектов покушений на жизнь священной особы вашей и указать исполнителей предположенных покушений.

4) Указать убийц Мезенцова и Кропоткина [36]) и покушавшегося на мою жизнь [37]). Все эти лица будто бы находятся в России. Относительно убийцы Мезенцова он положительно ошибается.

За исполнение вышесказанных обязательств Майн просит уплаты 150 000 франков пяти своим агентам и освобождение трех из участников заговора, дав им возможность бежать после их арестования. Эти три лица сильно скомпрометированы в заговоре, но не участво-

вали ни в одном из совершенных преступлений и не причастны к покушению 2-го апреля.

Я просил генерала Гурко сделать в последнем условии маленькую поправку, заключающуюся в том, что сказанные три лица не могут быть избраны из числа уже отбывающих наказание или привлеченных к дознанию или следствию по другим политическим делам.

Майн ожидает сегодня ответа на свои предложения и, если они будут приняты и исполнение условий с нашей стороны будет обещано генералом Гурко именем вашего величества, то Майн немедленно отправляет шифрованные телеграммы за границу, и через 10 дней он будет в состоянии исполнить принятые им на себя обязательства.

Все им предпринимаемое обещает так много, что невольно не верится в возможность исполнения. Уплаты денег он требует только по окончании дела и этим отстраняет мысль о шантаже, столь часто употребляемом различными предлагателями агентурных услуг.

Со времени прибытия Майна в Петербург с него не спускают глаз; но в течение двух суток ничего подозрительного не замечено. Одно только обстоятельство возбуждает сомнение: Майн переехал границу в сопровождении одного молодого человека, австрийского подданного, который остался где-то на станции между Лугою и Петербургом. Человек этот разыскивается *).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

16 **).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. По сообщении генерал-губернатору телеграммы генерала Черевина о соизволении вашего величества на принятие условий Майна, генерал-адъютант Гурко объявил этому иностранцу, что предложения его принимаются, и Майн тут же написал две телеграммы, которые были немедленно отправлены в Пизу для сношения с Парижем.

Майн продолжает с тою же уверенностью утверждать, что он представит несомненные доказательства того, что он говорит, и охотно согласился на ту поправку в условиях, которая обеспечивает нас от требования освободить трех таких лиц, которые уже находятся в руках правительства. Он утверждает, что три личности, освобождения которых он требует, находятся на свободе и вовсе не подозреваются. Должен сознаться, что я недоумеваю, как все это Майн испол-

*) На поле помета: «Это что-то подозрительно».

**) На подлиннике помета: «Государь император изволил читать 18 мая 1879 г. Генерал-адъютант Дрентельн».

нит, и нахожусь в волнении, не чуждом страха быть обманутым. Меня, между прочим, смущает уверенность, с которою Майн утверждает, что убийца Мезенцова находится в Петербурге, тогда как мы имеем несомненные данные о том, что этот злодей проживает в Швейцарии и именно в Берне. С другой стороны, и исчезновение товарища по путешествию, исчезновение под самым Петербургом, представляется также подозрительным.

Наблюдение за самим Майном ничего не дало, и ничего подозрительного за ним не замечено.

В последние два дня ничего особенного не произошло. В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

17 *).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что дознанием, производимым по делу Мирского, открыто еще новое лицо, бывшее в связи с преступником. По собранным сведениям, оказывается, что Мирский между 13 марта и выездом из Петербурга неоднократно ночевал у некоего Поршнякова, содержателя библиотеки на Большой Садовой улице. Покамест факт этот установлен еще только агентурным путем, но надо ожидать, что все имеющиеся сведения будут подтверждены и на формальном дознании **).

Изложенное в прилагаемой при сем записке ***) дело о тайном сообществе в Каменец-Подольске, повидимому, никакой связи с преступными действиями революционеров в других местах империи не имеет, а стоит как будто особняком.

Поразительно то, что все почти участники преступления суть воспитанники Подольской духовной семинарии. Я счел долгом сообщить это обер-прокурору святейшего синода ****).

Имею счастие представить при сем письмо к вашему императорскому величеству, полученное мною через посредство г-жи Фричеро *****).

В городе все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

18.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно.

*) На подлиннике помета: «21 августа».
**) На поле помета: «Надеюсь».
***) Записка в деле отсутствует.
****) На поле помета: «Хорошо сделал».
*****) На подлиннике помета: «Я передал Гирсу».

Из входящей в состав настоящего моего всеподданнейшего доклада записки *) о задержании некоего Зубковского [38]) ваше величество изволите усмотреть, что в лице его арестован весьма важный преступник. Сходство его с Тюриковым [39]), который вместе с Михайловым были хозяевами вороной лошади, стоявшей в татерсале, изобличает в нем если не одного из убийц, то, по крайней мере, лицо, близко стоявшее к делу об убийстве покойного Мезенцова. Зубковский находится в Ромнах в ожидании сведений из Харькова, куда послана его фотографическая карточка. Дело ведется пока самым секретным образом одними только чинами корпуса жандармов **).

Три дня тому назад задержаны в Екатеринбурге и препровождаются сюда два брата Козловы также по подозрению в соприкосновенности к делу об убийстве Мезенцова. Указание на участие Козловых в означенном преступлении получено от полиции. Это именно тот случай, о котором ваше императорское величество изволили меня спрашивать при всеподданнейшем моем докладе 15-го числа.

Возвратившись из Новгородской губернии, жандармский офицер и прокурор собрали данные, совершенно доказывающие ложность показаний Семенских относительно Мирского. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Семенские как нельзя лучше знали Мирского, а не познакомились с ним через объявление в газетах, которым они будто бы вызывали учителя для своих детей. Оказывается, что Мирский приехал в усадьбу Семенских одновременно с напечатанием объявления в газетах.

13 августа в селении Перекопе, Валковского уезда, Харьковской губернии, произошел беспорядок, вызванный нетрезвыми полицейскими урядниками, причем один крестьянин ранен шашкою в голову. Беспорядок прекращен; он не имел в себе ничего политического ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

19.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все благополучно, и за последние три дня ничего особенного не случилось.

Дознания и розыски продолжаются. Из Харькова еще не получено сведений, которые могли бы разъяснить участие Зубковского

*) Записка в деле отсутствует.

**) На поле помета: «Буду ждать последующего».

***) На поле помета: «Это весьма грустный случай, и надеюсь, что он не будет повторяться».

в харьковских событиях, но дополнительные данные, добытые в Черниговской губернии, все более и более подтверждают убеждение в несомненной важности находящегося в наших руках арестованным сказанного Зубковского.

Вчера арестован в Киеве какой-то молодой человек, не пожелавший объявить своего имени и своего звания, но не отрицающий принадлежности своей к партии революционеров. По некоторым данным начальник киевского жандармского управления предполагает, что арестованный молодой человек есть давно разыскиваемый «Володька», известный за самого отчаянного бунтаря. При аресте у него найдены: ружье, револьвер, кинжал и яд.

По высочайшему повелению вашего императорского величества, статс-секретарь Гирс [40]) передал мне сообщение посольства в Вене об эмигрантах, проживающих в Париже. Сообщенные агентами австро-германского правительства сведения совершенно сходятся с имеющимися у нас, но нового из них мы ничего не узнали.

В городе были очень встревожены известием о выезде из Берлина германского императора для свидания с вашим величеством в Александрове [41]). Источником тревоги было опасение, что ваше величество можете переехать границу, что в настоящее время многим представляется опасным.

Генерал-адъютант Дрентельн.

20.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что на основании показаний черниговского дворянина [42]) Дрыги *) разыскан и арестован дворянин Новозыбковского уезда, бывший народный учитель Белоконский [43]), находившийся в близких отношениях к арестованному Зубковскому. Вместе с сим разыскивается некто Никандр Мощенко [44]), который перед убийством князя Кропоткина ездил вместе с Зубковским в Харьков. По имеющимся сведениям, означенный Мощенко находится в Воронежской губернии на должности волостного писаря, но, в какой именно волости, неизвестно.

По показанию Дрыги, Мощенко **) должен иметь важное значение в среде революционной партии. Если он не ускользнет от преследования, то арест его будет весьма важным приобретением в деле раскрытия центра преступной пропаганды.

Дрыга сделал еще одно важное показание: он заявил, что убийца князя Кропоткина был прислан Клеменцом [45]), который был арестован

*) Так в подлиннике.

**) На поле помета: «Не окажется ли он братом Богдановича?»

в Петербурге под именем отставного артиллерии капитана Штурма и по некоторым данным считается бывшим редактором подпольной газеты «Земля и воля».

Вышеизложенное позволяет думать, что, если мы еще не пришли к открытию узла преступной пропаганды, то нам удалось уже значительно расстроить ряды ее деятелей *).

Согласно высочайшему повелению, передачу которого статс-секретарю Макову [46]) вашему величеству благоугодно было возложить на меня, редакторам политических газет было сделано внушение по предмету полемики с германскими газетами, и тон газет вообще, в этом отношении, значительно изменился к лучшему, за исключением «Петербургских ведомостей». Министр внутренних дел предполагал редактору оных полковнику Комарову (отставному) сделать личное внушение. Справедливость требует сказать, что и немецкая печать не отличается воздержанностью **).

Три дня сряду дувший морской ветер вчера дошел до страшной силы, и вода была очень высока; теперь ветер стих, и вода убыла.

Генерал-адъютант Дрентельн.

21.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что за последние два дня не произошло ничего такого, о чем я должен бы был довести до сведения вашего величества.

В городе все спокойно: буря 24 августа наделала много бед, но, к счастию, из людей никто не погиб.

С радостию узнал о совершившемся вчера благополучном прибытии вашем в Ливадию.

Генерал-адъютант Дрентельн.

22.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству в радостный день для всех, день тезоименитства вашего, о делах печального свойства, заведывание которыми возложено на меня милостивым доверием вашего величества.

Имею смелость просить вас, всемилостивейший государь, удостоить принять выражение искреннего и верноподданнического моего желания, чтобы ваше величество в возможно скором времени могли увидеть дорогую вам Россию успокоенною и освобожденною от смут,

*) На поле помета: «Можно, кажется, надеяться».

**) На поле помета: «Да, и об этом я высказался при свидании с импер. Вильгельмом».

посеваемых в ней безумными врагами общества и существующего порядка *).

Два нападения на почту, о которых в настоящем всеподданнейшем докладе представляются записки **), и пожар в Вязьме составляют итог прискорбных происшествий за последнее время. Подробности и последствия означенных происшествий, равно и результат дознаний по ним, еще неизвестны ***).

Товарищ и, надо полагать, соучастник Зубковского Никандр Мощенко разыскан и арестован вчера в Тамбовской губернии, где он находился на должности волостного писаря. Арестование его составляет, по моему убеждению, важное приобретение для производимых в настоящее время розысков ****).

С другой стороны, я обязан донести, что вчера я получил известие из Парижа о прибытии туда скрывшихся из Архангельской губернии политических ссыльных Каца [47]) и Преферанского [48]). Прискорбен факт побега *****), но сами преступники особой важности не представляют. При сем имею честь представить письмо на имя вашего императорского величества, полученное мною от Чайковского ******).

В городе все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

23.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и за последнее время ничего особенного не случилось кроме того, что из Екатеринбурга доставлены в III отделение два брата Козловы, из которых старший, по показанию одной женщины, причастен будто бы к делу об убийстве Мезенцова.

Козловы только что привезены, и первый допрос им будет сделан сегодня. Судя по показанию сказанной женщины, трудно ожидать, чтобы для обвинения их были добыты достаточно твердые данные *******).

Дознание по делу Мирского продолжается; я полагаю возможным не торопиться с представлением дела на суд и считаю более полезным,

*) На поле помета: «Искренно благодарю. Да поможет нам в этом бог!»

**) Записки в деле отсутствуют.

***) На поле помета: «Надеюсь, что они не останутся без результата».

****) На поле помета: «Желаю, чтобы оно оправдалось».

*****) На поле помета: «Да! И доказывает недостаточность надзора».

******) Письмо в деле отсутствует.

*******) На поле помета: «Буду ожидать результата».

на основании обстоятельств его ареста и жизни между арестом и днем совершения преступления, стараться открыть участников преступления *), которое, очевидно, не было делом одного Мирского.

Сам виновник ведет себя смирно, что, впрочем, следует сказать и про всех находящихся под стражею.

Генерал-адъютант Дрентельн.

24.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что сегодня получено донесение от начальника киевского жандармского управления об арестовании неизвестного молодого человека, о чем было до сих пор известно только из телеграммы полковника Новицкого. Арестованный назвался мещанином города Харькова Иваном Григоренко, что как бы подтверждалось найденным при нем паспортом; сей последний однако оказался фальшивым. Сам Григоренко был арестован на улице, и вслед за сим был произведен обыск в его квартире. При этом найдено двухствольное ружье, револьвер с патронами к нему, кинжал и банка из аптеки с остатками стрихнина. На самом же Григоренко найдены фотографические карточки Ивичевича [49]), Армфельдт [50]) и Осинского [51]), осужденных по последнему собственно киевскому делу; из них Осинский казнен. Все эти обстоятельства уличают называющего себя Григоренко в принадлежности к революционной шайке, что, впрочем, и сам арестованный не отрицает. Полковник Новицкий [52]) утверждает, что арестованный есть никто другой, как давно разыскиваемый революционер, известный в своей среде под именем «Володьки». Он представляет из себя решительного, энергичного и озлобленного человека, способного на всякое преступление. С него снята фотография, и карточки его будут разосланы во все места, где была речь о «Володьке».

По делу Козловых, доставленных из Екатеринбурга, еще ничего сказать нельзя: все допрашиваемые начинают всегда с совершенного отрицания всего, что до них касается.

В городе все спокойно. Генерал-адъютант Дрентельн.

25.

Ваше императорское величество изволили препроводить ко мне всеподданнейший доклад санкт-петербургского градоначальника о подозрении, падающем на бывшего студента горного института Якова

*) На поле помета: «Желаю, чтобы удалось».

Козлова в участии в убийстве генерал-адъютанта Мезенцова. Означенный Козлов вместе с братом своим Сергеем, разысканные в Екатеринбурге, доставлены сюда, и дознание по этому делу началось с проверки показаний лиц, доставивших те сведения, из которых сложилось обвинение Козлова в преступлении. Судя по началу, нельзя еще составить окончательного заключения; не менее того, однако нельзя не сказать, что заявители отказываются теперь от некоторых показаний, сделанных ими представителям полиции. Так, мещанка Ольга Михайловна Андреева положительно отвергает приписываемое ей указание на агента III отделения. Не считаю себя вправе умолчать, что в подлинном протоколе допроса означенной Андреевой значится, что любовник ее Перетятин, от которого она знает об участии Козлова в преступлении 4-го августа, говоря ей про знакомство свое с агентом III отделения, разумел известное происшествие на Казанской площади. Протокол этот составлен 17 августа, и я не могу понять, каким образом во всеподданнейшем донесении градоначальника не исправлено первое показание Андреевой согласно ее показанию от означенного числа. Всеподданнейший доклад градоначальника помечен от 25 августа.

Относительно Зубковского и Мощенки я сделал следующие распоряжения: и тот и другой будут отправлены в Харьков, где останутся три дня для предъявления лицам, видевшим преступников, покушавшихся отбить Войнаральского [53]), причем, может быть найдется доказательство нахождения их в Харькове во время убийства князя Кропоткина.

Из Харькова Зубковский и Мощенко будут доставлены в Петербург. Производимое по делу Зубковского дознание в Черниговской губернии идет довольно успешно: благодаря показаниям Дрыги и сознанию в некоторых преступных действиях земского врача Булича [54]), произведено несколько арестов, и весьма удачно.

В городе все спокойно.

При сем имею счастие представить вашему императорскому величеству письмо г-жи Фричеро.

Генерал-адъютант Дрентельн.

26.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что дальнейшее расследование по делу Козлова приводит к убеждению, что сделанный на него донос в участии в убийстве Мезенцова не подтвердится. На сделанном ему допросе Козлов показал, между прочим, что все прошлое лето 1878 г. он провел на Урале и вернулся в Петер-

бург только 20 августа; при этом указал на множество людей, которые могут подтвердить его показание. Об этом обстоятельстве послан запрос в Екатеринбург, и показание его будет проверено; не менее того, следователи считают его весьма правдоподобным.

Генерал-адъютант Гурко не признал дело о Зиновьеве [55]) и других подлежащим рассмотрению военного суда, но так как произведенным дознанием добыты несомненные улики против обвиняемых, то дело это будет передано, по соглашению с управляющим министерством юстиции, на рассмотрение гражданского суда порядком, установленным для суждения государственных преступников.

Начальник ярославского жандармского управления доносит по поводу нападения на почту по тракту от Рыбинска до Пошехони, о чем я всеподданнейше доносил вашему императорскому величеству, что произведенным следствием факт нападения на почту не подтвердился. Оказывается, что повозка с почтою, только что выехав из деревни Волкова, в ночной темноте наехала на двух пьяных крестьян, шедших по пути следования почты, и из-за этого произошла драка.

Никандр Мощенко уже находится в Харькове; на-днях будет туда доставлен и Зубковский, для сопровождения которого послан отсюда жандармский офицер. Из полученных сведений оказывается, что Мощенко — уроженец Харьковской губернии, из духовного звания; таким образом, с Юрием Богдановичем [56]) ничего общего не имеет.

Учащаяся молодежь начинает понемногу собираться в Петербург, и, благодаря бога, все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

27.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и за последние два дня ничего особенно важного не произошло. Опасение некоторых лиц, что введение вновь установленных министром народного просвещения правил для надзора за студентами Петербургского университета может дать повод к беспорядкам, не оправдалось *).

Никандр Мощенко доставлен в Харьков, а на-днях будет привезен туда и Зубковский, под конвоем офицера и трех унтер-офицеров.

Генерал-адъютант Дрентельн.

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы то же оказалось и в прочих университетах».

28.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и ничего особенно замечательного не произошло. Нижегородская ярмарка кончилась совершенно благополучно, и генерал-адъютант граф Игнатьев 2-й, повидимому, вполне оправдал ваше высокое к нему доверие *).

В настоящее время арестованный в Полтавской губернии Зубковский и доставленный из Воронежской губернии Никандр Мощенко находятся в Харькове для предъявления лицам, которые могли видеть сообщников Фомина [57]) по делу об освобождении государственного преступника Войнаральского. Может быть, представится какая-нибудь возможность выяснить присутствие которого-либо из них в Харькове в период времени, когда совершено было убийство князя Кропоткина. Судя по показанию Дрыги, эти лица, несомненно, причастны к сказанному преступлению.

Следствие по делу Мирского, хоть и медленно, но подвигается вперед.

Если верить нашему парижскому агенту, доставляющему обыкновенно весьма верные сведения, то с возвращением ссыльных из Нумеи, красная партия начала действовать еще решительнее, и дела идут по пути к новой коммуне. Наши парижские эмигранты перестали заниматься планами переустройства России и бросились в водоворот парижской социальной и революционной агитации **).

Ваше величество соизволили на увольнение от службы по болезни старшего чиновника 3-й экспедиции князя Масальского [58]). Согласно с мнением действительного статского советника Шмита [59]), я полагаю, что было бы вполне целесообразно восстановить прежде существовавший в III отделении порядок и соединить 3-ю экспедицию с агентурой, которые в последнее время находились в ведении двух отдельных лиц. Если ваше императорское величество соизволите утвердить таковое мое предположение, то я буду всеподданнейше просить о разрешении назначить на место старшего чиновника 3-й экспедиции заведующего ныне агентурою статского советника [60]) Кириллова ***).

Означенный чиновник находится в должности заведующего агентурою более года и заявил себя человеком проницательным, добросовестным и совершенно надежным.

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Слава богу!»
**) На поле помета: «Тем лучше!»
***) На поле помета: «Согласен».

29.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что агентурными розысками по делу Мирского открыта связь людей, находившихся в близких с ним сношениях, с семейством Поршняковых, состоящим из шести братьев и двух сестер; старший из братьев, отставной коллежский асессор Алексей Поршняков, содержал на Загородном проспекте библиотеку для чтения, а в состоящей при ней квартире проживали четыре брата и сестра, находившаяся в замужестве за дворянином Головиным, служившим в библиотеке. Так как в помещении Поршняковых происходили сборища молодых людей, то эта квартира была под постоянным наблюдением. Недавно было дознано, что во второй половине марта текущего года в квартире Поршняковых скрывался в продолжение трех суток молодой человек, о котором прислуге было только известно, что он будто бы судебный следователь, прибывший из южных губерний. Когда женщине, бывшей в то время в услужении у Поршняковых, показаны были несколько карточек, и в том числе Мирского, то она указала на него, как на означенного судебного следователя. Хотя при предъявлении ей самого преступника она не решилась подтвердить своего первого показания, — не менее того Поршняков и Головин были арестованы, и последний уже сознался, что под именем судебного следователя скрывался именно Мирский.

Из Харькова я еще не имею сведений о результате предъявления Зубковского и Мощенки; первый из них, как доносит сопровождающий его офицер, отправлен сегодня в Петербург, и это дает повод к заключению, что предъявление Зубковского не имело ожидавшихся мною последствий.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

30.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все благополучно; новые правила [61]) вводятся в высшие учебные заведения без всякого противодействия со стороны молодых людей, чего, по примерам предшествовавшего года, можно было опасаться *).

Многие из высланных в прошлом году за студенческие беспорядки, с наступлением нового учебного года, просят о разрешении возвратиться для продолжения курса. Снисхождение оказывается только в пользу тех из бывших студентов, которые в прошениях своих выражают

*) На поле помета: «Из сообщенных тебе писем ты увидишь, что брожение в молодежи однако продолжается».

полное раскаяние и, вместе с тем, имеют одобрительный отзыв начальства о поведении их *).

Дело Козлова, на которого было указание, как на участника в убийстве Мезенцова, можно считать конченным. Вчера получена телеграмма из Екатеринбурга от местного жандармского офицера, из которой не подлежит сомнению, что в день совершения преступления Козлов находился в Пермской губернии на Уральских заводах. Для окончательного решения ожидается только письменное донесение **).

Зубковский вчера привезен, но допрошен еще не был.

Генерал-адъютант Дрентельн.

31.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что вследствие полученных агентурным путем сведений была на-днях произведена новая серия арестов и обысков. Общий результат принятой меры еще не выяснился; известно однако, что в квартире бывшего студента медико-хирургической академии Кавского [62]) накрыт литографский станок с камнем, на который только-что переведен был второй лист прокламации; первый же лист, повидимому, неудавшийся, найден переписанным снова химическими чернилами. К кому обращена прокламация, еще не знаю, так как вещественные доказательства еще не разобраны. Студент Богоявленский [63]), который подозревается в переписке прокламации для литографии и находился в квартире Кавского во время обыска, также заключен под стражу.

По делу Мирского удалось установить, что он, действительно, скрывался в продолжение трех суток в квартире содержателя библиотеки Поршнякова, но во время его отсутствия из Петербурга — у учителя Беклемишева [64]), и что в это время означенную квартиру посещал присяжный поверенный Ольхин [65]). Сей последний давно уже находился под наблюдением вследствие несомненной его неблагонадежности и в марте текущего года даже был арестован, но, за неимением достаточных улик, не мог быть привлечен к делу. Генерал-адъютант Гурко выслал Ольхина из Петербурга в Вологодскую губернию; сегодня же я послал приказание арестовать его и доставить в Петербург.

Раскрытию преступной деятельности Ольхина я придаю большое значение, главнейшим образом потому, что он как человек зрелых лет и присяжный поверенный, конечно, был не в числе слепых исполните-

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы оно было искренно».

**) На поле помета: «Буду ожидать подробного донесения».

лей, а в числе видных деятелей противозаконного общества *).

Начальник херсонского жандармского управления доносит, что в Херсоне задержан молодой человек, назвавшийся евпаторийским мещанином **) Левченко [66]), который старался войти в сношение с содержавшеюся в херсонском тюремном замке по делу о краже из кладовой государственного казначейства Еленою Россиковою [67]).

В городе все спокойно. Генерал-адъютант Дрентельн.

32.

Ваше императорское величество изволили повелеть мне переговорить с статс-секретарем Валуевым по предмету, изложенному в письме Филиппова [68]) к государственному контролеру. По случаю отъезда министра государственных имуществ, я не имел возможности исполнить ваше повеление ***), но при сем обязываюсь всеподданнейше доложить, что, действительно, как сказано в том письме, товарищ государственного контролера говорил со мною о полученных им из Уфимской губернии сведениях, причем тайный советник Филиппов указал мне на ревизора государственного контроля Петрова, как на лицо, только-что прибывшее из Уфимской губернии и могущее сообщить мне интересные данные о положении дела по раздаче башкирских земель в Уфимской губернии. Важность полученных мною сведений побудила меня решиться на отправление на место доверенного лица для проверки означенных сведений ****). Лицо это отправляется с официальным поручением произвесть ревизию жандармских управлений в губерниях Самарской, Оренбургской и Уфимской.

По делу Зубковского во время нахождения его в Харькове дознанием ничего не приобретено, но сведения, полученные из Чернигова, подтверждают сложившееся в III отделении убеждение, что Зубковский близко стоял к убийству князя Кропоткина и, может быть, и к другим политическим убийствам. Некоторая неполнота однако улик заставляет нас продолжать в течение известного времени расследование секретным путем без участия представителей юстиции.

По другим дознаниям за последние два дня ничего нового не добыто.

В городе все спокойно. Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Весьма вероятно».

**) На поле помета: «Любопытно знать, кто он такой действительно».

***) На поле помета: «Весьма сожалею».

****) На поле помета: «Хорошо».

33.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что по производимым дознаниям за истекшие два дня со времени моего последнего всеподданнейшего донесения ничего нового не открыто; не могу еще ничего доложить вашему величеству по делу Зубковского: преступник этот обладает большим спокойствием духа, и сознания от него в чем бы то ни было, кроме принадлежности к революционному сообществу, ожидать невозможно.

По полученным из за границы сведениям, положение наших эмигрантов в Швейцарии в экономическом отношении весьма бедственно; многие из них с трудом могут добывать средства для дневного пропитания. Не менее того однако с повинною никто из них не является, и они в своем безумии все еще ожидают какого-то переворота в России в их пользу. Смею выразить уверенность, что недалеко однако то время, когда эти несчастные прозреют и отрезвятся *); по крайней мере, если судить по переписке революционеров, то нельзя не видеть, что они стали как-то менее тверды в своих убеждениях и менее жестки в их выражении.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

34.

Ваше императорское величество изволили выразить некоторое сомнение в справедливости моего всеподданнейшего донесения о том, что введение вновь установленных обязательных для студентов правил не встретило противодействия со стороны сих молодых людей. Обязываюсь всеподданнейше доложить, что противодействия, действительно, не было, но неудовольствие было и есть, и не только между студентами, но и между некоторыми профессорами. Смею думать, что ничего и быть не могло **): новые правила не могут быть приятны сравнительно с тою свободою, которою студенты высших учебных заведений так широко пользовались, употребляя ее во зло ***), и которая также была весьма удобна для многих профессоров. Спокойствия в среде вышесказанных заведений нарушено еще не было ****).

---

*) На поле помета: «Дай бог!»

**) На поле помета: «Да».

***) На поле помета: «Справедливо».

****) На поле помета: «Дай бог, чтобы оно и не нарушалось, но попытки, вероятно, будут, и в таком случае я в праве надеяться, что поблажек не будет».

Дознание по делу Мирского подвигается вперед медленно, но, по моему крайнему разумению, довольно успешно. Свидетель Головин дал некоторые показания, весьма полезные для дела, а жена его, рожденная Поршнякова, созналась также, что молодой человек, которого укрывали в квартире, смежной с библиотекой Поршнякова, был действительно Мирский.

Зубковский продолжает еще держаться системы полного отрицания, и надо подождать доставления новых улик из Киева и Харькова, куда отправлены особые агенты по распоряжению III отделения.

В начале текущего месяца я всеподданнейше доносил вашему императорскому величеству об арестовании в Киеве неизвестной личности, назвавшейся харьковским мещанином Григоренко, но в которой местный жандармский начальник предполагал деятеля революционной организации, известного в среде ее под именем «Володьки». До сих пор еще не добыто данных, подтверждающих это предположение, и личность назвавшего себя Григоренко остается неизвестною.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

35.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что получены некоторые сведения об обстоятельствах празднования в Кракове юбилея Крашевского [69]). По получении дополнительных донесений от наших агентов будет мною представлен всеподданнейший доклад; ныне же я считаю долгом доложить вашему величеству, что чествование юбиляра имело характер политической демонстрации против русского правительства. Руководители и вожаки национальной польской партии в Галиции воспользовались стечением большой массы поляков, чтобы попробовать возбудить в них единство духа и стремлений и определить общую программу действий.

Если верить донесениям, то относительно России решено, чтобы все поляки, в ней находящиеся, всеми зависящими от них мерами проводили в коренном русском обществе сознание в необходимости скорейшей конституционной реформы, которая могла бы облегчить положение иноплеменного населения и повела бы к возможности соединения в одно целое разрозненных частей Польши *). Соединение это будто бы всего легче можно осуществить под скипетром габсбургской династии, начинающей обнаруживать ясно определенное сознание национальной славяно-польской политики.

*) На поле помета: «и распадению России на клочки!»

Не может подлежать сомнению, что австро-венгерское правительство не было чуждо известной тенденциозности *), положенной в основание программы празднования юбилея Крашевского.

Россия, к сожалению, имела своих представителей; многие из них принимали деятельное участие во всех собраниях и сходках, которые устраивались для обсуждения программы польской национальной партии; между ними видное место занимал петербургский присяжный поверенный [70]) Спасович **).

В числе речей, сказанных на обеде, данном в честь юбиляра, обращает на себя внимание речь президента города Кракова, который в заключение ее сказал, что из слышанных им речей он выносит убеждение, что съехавшиеся на юбилей, выражая сочувствие Крашевскому, желали доказать готовность явиться и в другие, более серьезные моменты, и что, разъехавшись по домам, они сумеют посеять нужные для пробуждения народа семена.

В городе все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

36.

Ваше императорское величество на всеподданнейшем донесении моем от 20 сентября изволили сделать пометку о желании вашем, чтобы была выяснена личность арестованного в Херсоне молодого человека, под именем Левченки.

Произведенными розысками дознано, что означенный злоумышленник есть, в действительности, евпаторийский мещанин Левченко, ремеслом слесарь, что он занимался этим ремеслом в Киеве, где был в 1877 г. привлечен к знаменитому Чигиринскому делу, но скрылся и не был разыскан.

Из донесения начальника киевского жандармского управления видно, что Левченко был в самых близких отношениях с казненным в Одессе Чубаровым [71]) во время деятельности сего последнего в Киеве. Не может быть сомнения в том, что эти отношения продолжались и в Одессе, что, впрочем, доказывается и последним арестом Левченки.

---

*) На поле помета: «Весьма вероятно».

**) На поле помета: «После этого мне кажется необходимым принять другие административные меры против Спасовича, которого неблагонадежность нам давно известна, если нельзя будет привлечь его к суду».

По производимым в Петербурге дознаниям ничего выдающегося в течение последних двух дней не открыто.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

37.

Из всеподданнейше представляемого вместе с сим доклада ваше императорское величество изволите усмотреть, что празднование в Кракове юбилея Крашевского имеет весьма важное политическое значение. Я счел себя обязанным препроводить графу Коцебу и обоим генерал-губернаторам западных губерний все полученные нами сведения о подробностях празднования означенного юбилея. Смею думать, что необходим самый внимательный и неослабный надзор за населением Западного края России и вообще за лицами польского происхождения*). Смею думать также, что следует избегать предоставления полякам возможности устраивать какие бы то ни было собрания, хотя и по предметам, не имеющим, повидимому, политического значения**). Управляющий министерством государственных имуществ сообщил мне на словах, что он получил от статс-секретаря Валуева письмо из Варшавы, в котором идет речь о разрешении в будущем году устройства в Варшаве сельско-хозяйственной выставки. По всей вероятности, товарищу министра было поручено предварительно узнать мое мнение, и я позволил себе категорически выразить князю Ливену[72]) мое твердое убеждение, что на устройство какой бы то ни было выставки в Варшаве в настоящее время согласиться невозможно.

Министр внутренних дел безусловно разделяет высказанное мною мнение***).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

38.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и за последние три дня ничего выдающегося не произошло.

---

* На поле помета: «Да, — необходимо держать нам ухо остро».

**) На поле помета: «Да».

***) На поле помета: «И я тоже».

Вследствие добытых агентурным путем сведений, что социалисты-революционеры намереваются вновь приступить к выпуску своего подпольного журнала, приняты все меры, чтобы предупредить выход в свет органа злоумышленников *). При этом считаю себя обязанным всеподданнейше доложить вашему величеству, что открытая городскою полициею литография, о которой теперь производится дознание при здешнем губернском жандармском управлении, ничего общего, кроме преступности, с делом издания подпольной газеты не имеет.

Возвратившийся из отпуска министр народного просвещения сообщил мне, что вновь установленные для студентов правила введены еще только в одном Петербургском университете, так как правила эти должны быть исправлены согласно замечаниям, сделанным генерал-губернаторами.

Вчера привезен из Вологодской губернии присяжный поверенный Ольхин **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

39.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно и что за последние два дня ни о каких выдающихся происшествиях донесений получено не было.

Не смею скрыть от вашего величества, что я получил два дня тому назад письмо от харьковского генерал-губернатора, поставившее меня в большое недоумение. Граф Лорис-Меликов[73]) в довольно подробном изложении сообщил мне, что будто в последние две недели между студентами, некоторыми личностями, живущими вне Харькова, в уездах, и служащими на Азовской железной дороге проявилось заметное оживление, сопровождающееся усилением обмена сношений между именованными выше личностями и людьми неблагонамеренными, проживающими в Киеве, Одессе и других больших центрах ***). Граф Лорис-Меликов прибавляет, что все меры им приняты и что он, рассчитывая на помощь своих ближайших сотрудников, надеется на сохранение спокойствия. Таков общий смысл его письма; между тем спрошенный по телеграфу начальник жандармского управления ответил, что за последние две недели никакой перемены не произошло.

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы они удались».

**) На поле помета: «Любопытно будет, что он ответит».

***) На поле помета: «Что все покуда спокойно, не есть доказательство, что революционная работа прекратилась, и поэтому дремать нам не следует. — Потребовать от гр. Лорис-Меликова более положительные сведения, если он их имеет. 12 октября».

Точно также ни губернатор, ни попечитель округа ничего не доводили до сведения министров. Мне приходило в голову, что генерал-губернатор не доверяет начальнику жандармского управления, но мнение это опровергается тем же письмом, в котором граф Лорис-Меликов отзывается о генерал-майоре Турцевиче с самой лучшей стороны. Таким образом, я остаюсь при недоумении.

Генерал-адъютант Дрентельн.

40.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что мною получено от начальника харьковского жандармского управления донесение, разъясняющее недоумение, о котором я всеподданнейше докладывал вашему величеству в последнем моем письме. Из означенного донесения видно, что предположения харьковского генерал-губернатора основаны на сведениях, представленных ему попечителем округа. Один из студентов Харьковского ветеринарного института сделал заявление генерал-майору Максимовскому о сношениях двух его товарищей с некоторыми мастеровыми местной железнодорожной станции. Дело поступило теперь в ведение начальника жандармского управления, который установил должное наблюдение за подозреваемыми лицами, но к формальному дознанию еще не приступал, так как считает такое действие еще преждевременным.

Дело Мирского передано прокурору судебной палаты и в половине будущей недели будет представлено санкт-петербургскому генерал-губернатору. Должен сознаться, что я не могу считать исход дознания успешным: хоть открыты многие укрыватели преступника, но все-таки главные руководители остались не открытыми *), а между тем не может подлежать сомнению, что Мирский был только орудием **) в руках других более преступных и, в особенности, более вредных деятелей революционного общества.

В городе все спокойно. Много говорят о речи, произнесенной в Манчестере маркизом Салесбюри [74]). Речь эта произвела всеобщее негодование ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

41.

С тяжелым и скорбным чувством вижу себя обязанным всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что вчера

*) На поле помета: «Очень жаль!»
**) На поле помета: «Весьма вероятно».
***) На поле помета: «Оно понятно!»

появился первый номер новой подпольной газеты под названием [75]) «Народная воля» *). Один экземпляр этой газеты я препровождаю к генерал-майору Черевину.

Появление этого нового произведения революционной печати по содержанию своему не представляет ничего опасного: по ничтожности его содержания, по бедности материала и бездарности изложения вновь появившаяся газета может только доказать в глазах людей не только благонамеренных, но и просто равнодушно относящихся к этому делу, умственную немощь и ничтожность средств нового революционного органа; не менее того, самый факт появления подпольной газеты представляет явление в высшей степени прискорбное **), а лично для меня крайне обидное. Все соединенные усилия III отделения и городской полиции, весьма много содействовавшей нам в деле открытия тайной типографии, не привели еще ни к какому результату.

При сем я должен всеподданнейше доложить, что литография, открытая полициею, не имеет ничего общего с выходом в свет новой подпольной газеты.

Розыски наших агентов в Киеве и Харькове идут довольно успешно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

42.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что вследствие появления в свет первого номера новой подпольной газеты, я признал необходимым безотлагательно произвесть обыск у тех лиц, наблюдение за которыми давало повод предполагать их участие в революционном деле. В ночь с субботы на воскресенье было произведено 43 отдельных обыска, причем 13 человек заключены под стражу. Некоторые из арестованных лиц были подвергнуты задержанию вследствие найденных у них подозрительных письменных документов, некоторые же по причине обличающих их улик, выведенных из весьма продолжительного за ними наблюдения.

Забранные при обысках вещественные доказательства еще не разобраны, но я должен всеподданнейше доложить, что в числе забранных вещей не оказалось ни одного экземпляра только что вышедшей подпольной газеты ***). Таким

*) На поле помета: «Да, оно, действительно, и стыдно и досадно!»

**) На поле помета: «Да!»

***) На поле помета: «Довольно странно!»

образом, непосредственная цель принятой меры не была достигнута. Может быть, в арестованных письмах и других документах найдется что-нибудь такое, что может разъяснить нашу неудачу.

Сведения, полученные от агентов, посланных отсюда в Харьков и Киев, продолжают быть благоприятны и подают надежду на открытие злоумышленников, стоящих близко к делу убийства князя Кропоткина *).

Вчера в Исаакиевском соборе после литургии была отслужена панихида по умершем в Москве историографе). Соловьеве [76]. В церкви было множество учащейся молодежи; возникшие по этому предмету опасения благодаря бога не оправдались, и все прошло совершенно благополучно **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

43.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что по предмету произведенных в минувшее воскресенье арестов я ничего еще сказать не могу, но не смею умолчать о том, что особых результатов ожидать не представляется возможным. Вновь вышедшей подпольной газеты ни у кого из обысканных не найдено, и вообще это произведение революционной печати появилось до сих пор в весьма ничтожном числе экземпляров. Легко быть может, что «Народная воля» напечатана за границею и ввезена в Россию в незначительном числе экземпляров. Считаю себя однако обязанным добавить, что вероятнее, что она напечатана здесь ***).

Препровожденная по высочайшему вашего императорского величества повелению записка, извлеченная из показаний преступника Курицына [77]), кроме некоторых полезных указаний, которыми мы не преминем воспользоваться, представляет неоцененный документ в том отношении, что служит несомненным доказательством справедливости уже приведенных в исполнение строгих приговоров последнего времени ****).

Таким образом показание Курицына показало и нам, что розыски, производимые в Харькове для открытия убийцы князя Кропоткина, идут по правильному пути.

---

*) На поле помета: «Буду ожидать последствий».
**) На поле помета: «Слава богу!»
***) На поле помета: «И я так полагаю».
****) На поле помета: «Да».

Весьма печально видеть слабое состояние надзора за политическими арестантами во время их предварительного заключения. Из записки Курицына видно, что Лизогуб [78]), сидя в одесской тюрьме, без большого затруднения переписывался с своими сообщниками. Бегство прапорщика Фомина [79]) из-под стражи в Вильне представляет явление того же свойства, свидетельствующее о недостатке должного, строгого надзора *).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

44.

Из слов, начертанных рукою вашего императорского величества на всеподданнейшем донесении моем от 8-го октября, я должен заключить, что вы изволите опасаться, всемилостивейший государь, чтобы III отделение **), обольщенное успехом некоторых мер, не считало предстоящее еще ему дело более легким. Смею уверить ваше величество, что ни я, ни мои помощники еще не смели думать о возможности хотя малейшего ослабления строгого наблюдения за революционною партиею ***). Если я позволил себе всеподданнейше доложить о недоумении, в которое я был поставлен письмом графа Лорис-Меликова, то причиною тому была какая-то непонятная для меня таинственность сообщения.

Все розыски, произведенные в последнее время для открытия типографии, в которой была напечатана недавно вышедшая подпольная газета, не привели к желаемому результату ****).

Может быть, что эти розыски побуждают людей, занимающихся распространением газеты, к соблюдению большей осторожности *****); такое заключение я делаю на том основании, что число появившихся в Петербурге экземпляров весьма незначительно.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «К етыду нашему, то же повторялось и в самой Петропавловской крепости!»

**) На поле помета: «Оно касалось не III отделения, а вообще всех ведомств, так как мы склонны засыпать».

***) На поле помета: «В этом я уверен».

****) На поле помета: «Весьма жаль!»

*****) На поле помета: «Очень вероятно».

45.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что граф Лорис-Меликов сообщил, что до настоящего времени никаких явных проявлений, на которые он указывал в письме своем от 30 сентября, не было; начальник же харьковского жандармского управления генерал-майор Турцевич донес, что показания студента ветеринарного института, на которых харьковский генерал-губернатор основал свои предположения, по меньшей мере, мало вероятны *).

Вместе с тем граф Лорис-Меликов уведомил меня об арестовании Быховцева [80]), товарища и сожителя Мощенкова. Курицын в своем показании говорит, что это, вероятно, те «хохлы», про которых Лизогуб высказывал ему большие похвалы.

Завтра отъезжает к своему новому посту статс-секретарь Гамбургер [81]). Я просил его **) употребить все возможные средства для вразумления швейцарского правительства в необходимости выделить из числа лиц, которым оно дает приют и оказывает покровительство, тех эмигрантов, которые в своей стране совершили какое-нибудь преступление, хотя бы и с политическою целью. Последнее сообщение предместника тайного советника Гамбургера заставляет предполагать, что швейцарское правительство готово стать на этот путь, и я смею думать, что настоящее время наиболее благоприятно для произведения некоторого давления на правительство Швейцарского Союза ***).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

46.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно и что за истекшие последние три дня никаких выдающихся известий не поступало.

Агенты наши в Швейцарии сообщают, что возвращение значительной части сосланных коммунаров в Париж и съезд социалистов и интернационалов в Марсели отозвались и в Швейцарии. В среде русских революционеров-социалистов, если верить агентам, происходит большое движение; этим преступным безумцам кажется, что приближается время, когда их замыслы должны осуществиться. Некоторые из них собираются будто бы перенести свою деятельность в Россию, но большинство находит, что это было бы еще преждевременно.

---

*) На поле помета: «Это в противоречии с тем, что заключалось в одном из предыдущих писем».

**) На поле помета: «Хорошо».

***) На поле помета: «Увидим, какой будет результат».

Считаю долгом всеподданнейше доложить, что за всеми выдающимися личностями русской революционной колонии установлено наблюдение.

Только-что получена телеграмма о том, что мать Фомина, офицера, бежавшего из-под ареста в Вильне, проживающая в Костромской губернии, получила от сына своего письмо, по штемпелю судя, из Полтавы. К разысканию его приняты меры *).

Генерал-адъютант Дрентельн.

47.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно. Из других мест также никаких особенно важных донесений не поступало, только начальник киевского жандармского управления донес об арестовании в самом Киеве молодого человека, скрывающего свою фамилию и упорствующего в даче показания **). При задержании его на нем найден заряженный револьвер, который он однако в дело не употребил. Полковник Новицкий утверждает, что задержанная личность не принадлежит к киевским обывателям, и, судя по некоторым, найденным в его вещах, бумагам, должен был находиться в сношениях с одесскими революционерами ***). К раскрытию личности неизвестного все меры приняты.

Генерал-адъютант Дрентельн ****).

48.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что из полученного от начальника киевского жандармского управления донесения видны побуждения, которыми руководился киевский генерал-губернатор при конфирмации приговора военного суда по делу о Крыжановском [82]) и других. Полковник Новицкий доносит, что все подсудимые без исключения держали себя на суде, вопреки прежним примерам, вполне прилично, и все просили о смягчении им наказания; главный же из виновных, убийца Крыжановский, особенно убедительно

*) На поле помета: «Надеюсь, что его найдут».

**) На поле помета: «Надеюсь, что добьются, кто он такой».

***) На поле помета: «Очень может быть».

****) На подлиннике далее рукою Дрентельна написано карандашом: «Содержание всеподданнейшего настоящего письма, дополненное сведениями письма на имя мое касательно Гусикова, сообщено по высочайшему повелению гр. Тотлебену. 1 ноября».

просил суд о помиловании и об оставлении ему жизни, если не для него, то для его старухи матери, которую он горячо любит. Побудительными причинами к убийству, с целью ограбления, он выставлял безысходную свою бедность, а не революционные стремления. В какой степени вышеизложенное могло служить поводом к смягчению смертного приговора, трудно сказать с полным убеждением, но нельзя не прибавить, что помилование от смертной казни человека, совершившего, помимо принадлежности его к социально-революционной партии, такие важные уголовные преступления, как убийство и ограбление почты, м о ж е т б ы т ь п р и н я т о з а п о с л а б л е н и е *).

В субботу 27-го числа был задержан в здании Публичной библиотеки молодой человек из евреев, на котором найдено было 5 экземпляров первого номера «Народной воли» и несколько других компрометирующих его письменных документов. Арестованный назвался сначала Брофманом, на имя которого на нем был паспорт; при допросе же он показал, что паспорт этот фальшивый и что он есть виленский мещанин Зунделевич [83]). Затем от дальнейших показаний отказался.

Арест назвавшегося Зунделевичем произошел при следующих обстоятельствах: за два дня, то-есть в четверг, в швейцарской Публичной библиотеки была поднята на полу бумажка, на которой печатно объявлялось о предстоящем выходе в свет газеты «Черный передел» [84]); когда означенный еврей появился в субботу в библиотеке, то швейцару показалось, что он видел этого человека, вертевшегося в четверг около того места, где было найдено преступное объявление. По выходе молодого человека из сеней в читальные комнаты швейцар осмотрел его верхнюю одежду и в кармане пальто нашел пачку газет, в которой с номером «Голоса» [85]) находились пять экземпляров первого номера подпольной газеты. Сообщено было полиции, которая была предварена, и, по выходе Зунделевича из читальной комнаты, он был арестован. При этом на нем были найдены другие, весьма подозрительные письменные документы.

Генерал-адъютант Д р е н т е л ь н.

49.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и из других мест империи никаких важных известий не получено.

Во вторник был опять задержан в числе читателей Публичной библиотеки некто Сетнецкий, на котором было найдено два номера

*) На поле помета: «Д а!»

газеты «Земля и воля». Арестованный показал, что он из духовного звания, но скрывает место своего жительства, место родины и род занятий, прикидываясь простачком. Для разъяснения его личности приняты меры *).

Вашему величеству было всеподданнейше донесено управляющим министерством государственных имуществ о самоубийстве воспитанника Лисинского училища Шишкевича. Считаю долгом всеподданнейше доложить, что из произведенного по сему случаю офицером корпуса жандармов дознания можно прийти к несомненному заключению, что, хотя самоубийца, судя по оставленному им письму и по показанию свидетеля самоубийства воспитанника Никитинского, и принадлежал к числу лиц, увлекшихся социально-революционным учением, но эта принадлежность Шишкевича к революционной среде никаких следов в училище после себя не оставила **). Производивший дознание офицер, прожив несколько дней в Лисинском училище, отзывается с самой лучшей стороны о благонравии и направлении воспитанников и об отличном порядке, водворенном в сказанном заведении.

Генерал-адъютант Дрентельн.

50.

Вашему императорскому величеству имею честь всеподданнейше донести, что в городе все спокойно и вообще нет ничего такого, чем бы я мог утруждать внимание вашего величества.

Из за границы также нет известий сколько-нибудь интересных. По сообщениям наших агентов, материальное положение русских эмигрантов в Швейцарии самое бедственное ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

51.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что опасения о возможности возникновения беспорядков в высших учебных заведениях, повидимому, могут осуществиться. Из агентурных сведений на прошлой неделе стало известно, что в Петербургском университете некоторые из профессоров крайне нецеремонным обращением с инспектором развивают у студентов неудовольствие против вновь установленных порядков ****). Вместе

*) На поле помета: «О последствиях донести».

**) На поле помета: «Дай бог, чтобы это было так».

***) На поле помета: «Тем лучше».

****) На поле помета: «Я давно это предвидел из переписок».

с тем сообщалось, что между студентами замышляется подача адреса по этому предмету; но кому и в каком порядке адрес должен быть представлен, пока еще неизвестно *).

Все имеющиеся у нас сведения сообщены генерал-губернатору, который принял соответствующие меры **).

Вчера я получил от графа Лорис-Меликова письмо, в котором он также сообщает свои опасения насчет возможности волнений в университете. Попечитель донес генерал-губернатору, что в среде студентов появились какие-то прокламации и объявления о предстоящем выходе в свет газеты «Черный передел» ***), что студенты тоже недовольны новыми порядками и что следует ожидать волнений. Граф Лорис-Меликов заключает свое письмо выражением убеждения, что новые порядки должны быть удержаны без всякого послабления ****). Можно быть уверенным, что, в случае, если опасения его осуществятся, граф Лорис-Меликов поступит с твердостью и со свойственным ему благоразумием *****).

В заключение считаю себя обязанным всеподданнейше доложить вашему величеству, что во время следования партии ссыльно-каторжных в пределах Восточной Сибири трое из них, государственные преступники Дебагорий-Мокриевич[86]), Избицкий [87]) и Орлов [88]), поменялись именами с обыкновенными преступниками поселенцами и вместо сих последних отправлены по назначению ******). Розыски производятся. Означенные преступники судились в Киеве за вооруженное сопротивление.

Генерал-адъютант Дрентельн.

52.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что, повидимому, можно надеяться, что вследствие решительных и во-время принятых генерал-губернатором мер, начинавшееся в здешнем университете волнение прекратится без особых последствий *******). Генерал-адъютант Гурко объявил профессорам Менделееву [89]) и Меншуткину [90]),

---

*) На поле помета: «Надеюсь, что начальство на это обратит внимание».

**) На поле помета: «Необходимо, чтобы таковые же были приняты и прямым начальством».

***) На поле помета: «Об этом были уже сведения».

****) На поле помета: «Непременно».

*****) На поле помета: «Надеюсь».

******) На поле помета: «Тут, вероятно, было преступное неряшество, если не потворство. С виновных следует сделать строгое взыскание».

*******) На поле помета: «Дай бог».

которые, судя по агентурным сведениям, относились неуважительно к инспекции, что, если произойдет со стороны студентов какая-нибудь демонстрация, то оба они будут немедленно высланы из Петербурга *).

Одновременно с этим было приказано закрыть студентскую читальную залу и арестовать двенадцать человек студентов, которые, как по агентурным сведениям, так и по указанию инспекции, были как бы руководителями движения **). Некоторых из этих молодых людей генерал-губернатор предполагает выслать из города. Вчера в университете порядок ни в чем не нарушался, и сегодня, равным образом, все спокойно.

В Киеве опять арестован какой-то важный, по мнению местного начальника жандармского управления, преступник. На нем был найден заряженный револьвер, которого он однако в дело не употребил. От дачи показания он отказался.

О последних мерах, принятых в Харькове, я узнаю сегодня или завтра из письма, которое должен получить от графа Лорис-Меликова.

Генерал-адъютант Дрентельн.

53.

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, что в Петербургском университете в настоящее время все спокойно; учебные занятия идут своим чередом, и, повидимому, можно надеяться, что происшедшая вспышка не будет иметь печальных последствий ***). Есть основание предполагать, что число благоразумных молодых людей между студентами значительно увеличилось, и эта группа стала устойчивее в своих убеждениях.

Вопреки моему ожиданию, я еще не получил от графа Лорис-Меликова письма, на которое я рассчитывал для всеподданнейшего доклада вашему величеству о последних распоряжениях, сделанных харьковским генерал-губернатором, но из донесения начальника местного жандармского управления видно, что в Харькове арестовано шесть студентов, против которых имеются улики в принадлежности их к партии революционеров-социалистов. Принятие этой меры основано на показании одного студента Харьковского ветеринарного института.

Из других мест империи никаких, особо выдающихся по важности дела, донесений не поступало.

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «И хорошо сделал».
**) На поле помета: «Дельно».
***) На поле помета: «Дай бог».

54.

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, что в городе все спокойно и что в среде университетской молодежи волнение, повидимому, совершенно затихло *).

Письмо харьковского генерал-губернатора, об ожидании которого я всеподданнейше докладывал вашему величеству, получено. Письмо это подтверждает факт ареста некоторых студентов местных высших учебных заведений; кроме задержанных первоначально шести человек, арестованы еще двое. Трое из них принадлежат к составу ветеринарного института, а остальные из числа студентов университета. Данными для задержания послужили добытые агентурным путем сведения о политической неблагонадежности этих молодых людей, дающие повод заключить об их прикосновенности к социально-революционной партии. При произведенном у них обыске у некоторых из числа арестованных найдены компрометирующие документы, которые рассматриваются в жандармском управлении.

Из других мест империи никаких особенно выдающихся донесений не поступало.

Генерал-адъютант Дрентельн.

55.

Вашему императорскому величеству имею счастие донести, что в городе все благополучно.

Сегодня в 10 часов открыто заседание военного суда по делу Мирского.

Сегодня же я получил телеграмму от начальника иркутского жандармского управления о том, что один из скрывшихся на пути трех государственных преступников, ссыльно-каторжный Орлов разыскан и задержан.

Особо важных известий из империи за последнее время не получено.

Генерал-адъютант Дрентельн.

56.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что дело Мирского рассмотрением на суде еще не кончено. Вчера вечером, за поздним временем и по просьбе защитников, заседание суда отложено до сегодняшнего утра. Вчера судебные прения заключились обвинительною речью прокурора.

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы это было прочно».

Загадочная личность, арестованная два месяца тому назад в Киеве под именем Григоренки, окончательно выяснена. Человек этот оказался сыном священника Роменского уезда Владимиром Грищенко [91]), то-есть земляком и товарищем Зубковского, подозреваемого в участии в убийстве князя Кропоткина. Секретные розыски по этому делу продолжаются одним жандармским ведомством с большим успехом.

В Петербурге все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

Приложение.

Письмо А. Р. Дрентельна Н. К. Шмидту

Москва. 2 часа ночи на 20-е ноября.

Около 11 часов вечера приехал некто князь Оболенский, тульский помещик, который был принят в дополнительный поезд и сообщил графу Адлербергу [92]) о происшествии [93]). Граф привел его ко мне. Через полчаса Кох привел стражника Черкасова, ехавшего в числе тринадцати в означенном поезде. Когда подумаешь, что это несчастие могло случиться с императорским поездом! Я даже не понимаю, почему оно не случилось, так как поезд этот прошел прежде. Вы представьте себе настроение моего духа!

Яма, говорят, довольно большая; насчет рельсов показания расходятся: Черкасов говорит, что их разворотило, а полицейский чиновник, приехавший оттуда, утверждает, что рельсы целы. Мне кажется, что показание Черкасова правдоподобнее. Жду Задонского, который находится теперь на месте происшествия.

Я распорядился, чтобы на почте было обращено более внимания на подозрительные письма и в особенности, чтобы это внимание было усилено на телеграфной станции.

7½ часов утра.

Ночью был у меня обер-полицмейстер. По розыску оказалось, что место, где произошел взрыв, соединено проволоками с невдалеке стоявшим небольшим домом. Дом куплен полтора месяца тому назад, но — кто хозяин дома, ко времени отъезда Козлова с места происшествия еще добиться не могли. По некоторым признакам можно было заключить, что дом был только что оставлен.

Сейчас получил две ваши телеграммы, которые Романченко разбирает.

10½ часов.

Телеграммы были доложены государю. Он взгляда Гурки не разделяет. Я позволил себе доложить его величеству, что вопрос о том, что попал он или не попал в намеченную им цель, составляет вопрос второстепенный; на первом плане стоит то, что он стрелял в шефа жандармов как высшего представителя власти и что он действовал в качестве представителя Исполнительного комитета революционной партии. Если преступление Мирского не имело последствий для меня и для жандармов, по которым он стрелял, то прощение его будет иметь весьма печальные последствия для России.

По моему мнению, конфирмация Гурки показывает все, что наделал Дебоа и Петербургский военно-окружный суд.

До сих пор дознано, что из дома был устроен подкоп, положены трубы, а в доме были устроены четыре батареи Румкорфа. Дом двухэтажный с мезонином; в нижнем этаже развешены были образа, портрет государя и разные картины самого благонадежного содержания. Земля рассыпана по двору и в сарае, находившемся во дворе.

Купивший полтора месяца тому назад дом назвался саратовским мещанином Брюхановым [94]). Он, по показаниям соседей, — молодой человек лет 25, блондин [95]); жившая с ним женщина также блондинка, лет 18 [96]), и очень хороша собой.

Розыски продолжаются усиленно.

Государь довольно покоен, как всегда в подобных случаях. Не могу сказать того же про себя.

Крепко жму вашу руку, многоуважаемый и достойнейший Никита Конрадович.

Искренно вам преданный А. Дрентельн.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) В Ростове на Дону 2 апреля 1879 года произошли волнения: были разграблены квартира полицмейстера, полицейское управление и участок.

[2]) 2 апреля 1879 г. А. К. Соловьев стрелял в Александра II близ Зимнего дворца, но промахнулся. Покушение на Александра II А. К. Соловьев совершил по личной инициативе, несмотря на протесты части членов «Земли и воли».

[3]) Соловьев, Константин Григорьевич, отставной лекарский помощник придворного ведомства.

[4]) После неудачной попытки убить Александра II А. К. Соловьев пытался отравиться, раскусив орех с ядом.

[5]) Леонтьев, Сергей Иванович (1825—1887), сенатор.

[6]) Набоков, Дмитрий Николаевич (1827—1904), министр юстиции в 1875—1885 гг.

[7]) В 1877—1878 гг. А. К. Соловьев находился в Самарской губ., ведя пропагандистскую работу.

[8]) Челищева, Екатерина Михайловна.

[9]) Веймар, Орест Эдуардович (1845—1885), врач, оказывал услуги землевольцам. Привлекался по делу об освобождении П. А. Кропоткина и убийстве шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Арестован 3 апреля 1879 г. по подозрению в покупке для Соловьева револьвера и снабжении его ядом, что оказалось неверным. По приговору Петербургского военно-окружного суда 14 мая 1880 г. сослан на Кару, где и умер.

[10]) Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901), ген.-ад., ген.-от кав. С марта 1879 г. по февраль 1880 г. петербургский врем. ген.-губернатор.

[11]) Дубровин, Владимир Дмитриевич (1855—1879), подпоручик 86 пех. Вильманстрандского полка, квартировавшего в Старой Руссе. Вел революционную пропаганду в войсках и при аресте оказал вооруженное сопротивление. По приговору Петербургского-военно-окружного суда повешен в Петропавловской крепости 20 апреля.

[12]) Богданович, Николай Николаевич (1846—1881), отставной поручик, организовал в селе Воронине Торопецкого уезда кузницу, служившую сборным пунктом для пропагандистов. Жена его — Богдановия, Мария Петровна (урожд. Михаэлис). Богдановичи были арестованы в начале апреля 1879 г. по подозрению в соучастии в покушении Соловьева.

[13]) Вульферт, Федор Константинович, отставной поручик артиллерии, в 1876 г. вел пропагандистскую работу среди крестьян Торопецкого уезда.

[14]) Веймар назвал фамилию Севастьянова, повидимому, как первую попавшуюся, не зная, что в действительности под фамилией Севастьянова жил Г. А. Лопатин.

[15]) Фадеев, Ростислав Андреевич (1824—1883), ген.-майор. Автор ряда книг: «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879—6 апреля 1880 г.», «Вооруженные силы России», «Чем нам быть», «Восточный вопрос» и т. д. Издатель журнала «Русский мир».

[16]) Валуев, Петр Александрович (1814—1890), граф, член Госуд. совета, министр госуд. имуществ.

[17]) Горчаков, Александр Михайлович, светл. кн., государственный канцлер и министр иностранных дел в 1856—1882 гг.

[18]) Коцебу, Павел Евстафьевич, граф, варшавский генерал-губернатор, член Госуд. совета.

[19]) Попов, Михаил Родионович (1851—1909), землеволец. Арестован в Киеве 28 февраля 1880 г. Судился по процессу 21-го и приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал в Шлиссельбурге до октября 1905 г.

[20]) Рейнштейн, Николай Васильевич, провокатор. Убит 26 февраля 1879 г. М. Р. Поповым при участии Шмемана и др. Благодаря его предательству, были арестованы Обнорский и др. члены «Северно-Русского Рабочего Союза».

[21]) Оржевский, Петр Васильевич (1839—1897), ген.-лейт., в 1873—1882 гг. начальник варшавского жандармского управления, впоследствии тов. министра внутренних дел и шеф жандармов.

[22]) Обыск в словолитне М. Вольфа был произведен по заявлению инспектора типографий, который указал, что шрифты для печатания «Земли и воли» были взяты из словолитни Вольфа. Управляющий словолитней В. А. Александров был арестован и просидел несколько месяцев в доме предварительного заключения. Расследование, произведенное пом. прокурора Н. В. Муравьевым,

установило полную непричастность словолитни Вольфа к печатанию «Земли и воли».

[23]) Бельгиец Майн был рекомендован полковником И. М. Барановым, бывшим впоследствии петербургским градоначальником и нижегородским губернатором. Баранов совместно с Майном отправились за границу с целью ареста революционеров-эмигрантов, но их поездка ничего реального не дала, истрачено было на это дело около 75 тысяч рублей.

[24]) Волошенко, Иннокентий Федорович (1848—1908), студент Новороссийского университета, активный участник южных революционных кружков. Арестован 24 января 1879 г. в Киеве. Киевским военно-окружным судом 13 мая 1879 г. приговорен к 10 годам каторги и отправлен на Кару.

[25]) Черевин, Петр Александрович, ген.-майор, тов. главноупр. III отделением, впоследствии шеф жандармов, а в 1879 г. и начальник дворцовой охраны.

[26]) Куперник, Лев Абрамович (1845—1905), прис. поверенный, известный впоследствии защитник по политическим процессам.

[27]) Икскуль, Карл Петрович, барон, русский посол в Риме.

[28]) Кропоткин, Петр Алексеевич, кн. (1842—1921), видный член кружка чайковцев, а затем один из крупнейших теоретиков анархизма. Будучи арестован в июне 1876 г., бежал из Николаевского военного госпиталя, куда был переведен из Петропавловской крепости, при содействии доктора Веймара, Адриана Михайлова и др.

[29]) Мезенцов, Николай Владимирович, ген.-ад., ген.-лейт., начальник II I отделения, шеф жандармов. Убит на Михайловской площади в Петербурге 4 августа 1878 г. С. М. Кравчинским при участии Адриана Михайлова и А. Баранникова.

[30]) **Михайлов, Адриан Федорович** (1853—1929), землеволец. В 1880 г. судился по делу об убийстве Мезенцова и приговорен к 20 годам каторги, которую отбывал на Каре.

[31]) В покушении на ограбление почты, следовавшей из Житомира в Киев, и денежного ящика Курского пехотного полка принимали участие члены киевского и житомирского революционных кружков — Козакевич, Зундштрем, Кречетович, Богряновский, Чуйков и др.

[32]) Козакевич, Константин Филиппович, отставной поручик, входил в житомирский революционный кружок. Будучи арестован за покушение на ограбление почты и денежного ящика Курского полка, по приговору Киевского военно-окружного суда в июле 1879 г. приговорен к каторжным работам на 6 лет.

[33]) Тотлебен, Эдуард Иванович, граф, ген.-ад., новороссийский ген.-губернатор.

[34]) Засулич, Вера Ивановна (1851—1919), член «Земли и воли», после примкнула к «Черному переделу». Впоследствии одна из учредителей соц.-дем. «Группы Освобождения Труда».

[35]) Кравчинский, Сергей Михайлович (1850—1894) землеволец, входил в состав редакции «Земли и воли». После убийства Мезенцова скрылся за границу.

[36]) Кропоткин, Дмитрий Николаевич, кн. (1836—1879), ген.-майор, харьковский военный губернатор. Убит 9 февраля 1879 г. Григ. Гольденбергом.

[37]) На шефа жандармов Дрентельна 13 марта 1879 г. было произведено покушение бывш. студентом медико-хирургической академии Л. Ф. Мирским. Нагнав верхом на скакогой лошади карету Дрентельна у Летнего сада, Мирский произвел неудачный выстрел. Скрывшись от погони, Мирский вскоре уехал в Таганрог, где благодаря доносу был арестован. Находясь в Петропавловской

крепости, Мирский донес властям о сношениях Нечаева с революционерами. По приговору Петербургского военно-окружного суда приговорен к смертной казни, замененной ген.-губернатором Гурко бессрочной каторгой.

[38]) Зубковский, Афанасий Андреевич, бывш. студент Киевского университета, в 1878 г. примкнул к революционной организации. Арестован в селе Засулье Роменского уезда. Судился по процессу 16-ти в 1880 г. и был приговорен к 15 годам каторжных работ.

[39]) Баранников, Александр Иванович (он же Тюриков, Кошурников, Алафузов) (1858—1885), землеволец, принимал участие в организации убийства Мезенцова. После — народоволец. В 1881 г. был арестован и судился по процессу 20-ти, приговорен к бессрочной каторге. Умер в Шлиссельбургской крепости.

[40]) Гирс, Николай Карлович (1820—1895), тов. министра иностранных дел, а в 1882—1895 гг. министр иностранных дел. Сторонник сближения России с Германией и Австрией.

[41]) Свидание Александра II с германским императором Вильгельмом I происходило 22 и 23 августа 1879 г.

[42]) Дриго, Владимир Васильевич, управляющий имениями Д. Лизогуба; по поручению последнего снабжал революционеров денежными средствами. Летом 1879 г. был арестован, на допросах дал откровенные показания, погубившие Лизогуба.

[43]) Белоконский, Иван Петрович, находился в сношениях с народовольцами, за что в 1880 г. был сослан в Сибирь. Впоследствии известный земский деятель и член кадетской партии со дня ее организации.

[44]) Мощенко, Никандр Платонович, землеволец. В 1878 г. вел пропагандистскую работу в Саратовской губернии. В 1879 г. был арестован, после чего сослан в Западную Сибирь.

[45]) Клеменц, Дмитрий Александрович (1848—1914) входил в кружок чайковцев, один из редакторов «Земли и воли» и «Общины». В январе 1879 г. был арестован и сослан в Восточную Сибирь, где пробыл до 90-х годов.

[46]) Маков, Лев Саввич (1830—1883), министр внутренних дел.

[47]) Кац, Константин Абрамович (1855—1920), член харьковского революционного кружка, занимался распространением среди крестьян пропагандистской литературы. Преследуемый властями, бежал в Румынию, откуда в 1878 г. обманным путем был вывезен и заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Архангельскую губернию. В 1879 г. бежал из Мезени вместе с Н. Преферанским за границу. Поселился в Румынии, где приобрел большую известность как писатель под псевдонимом Костико-Добруджану Гереа. Впоследствии лидер румынской соц.-дем. партии.

[48]) Преферанский, Николай Алексеевич; умер в Париже в 1887 г.

[49]) Один из братьев Ивичевич — Иван или Игнат, входивших в «Южно-Русский Рабочий Союз», а затем членов кружка В. Осинского и Киевского исполнительного комитета. Оба смертельно ранены при перестрелке с жандармами 11 февраля 1879 г. в Киеве в доме Косоровского.

[50]) Армфельд, Наталия Александровна (1850—1887), подвергалась арестам в 1874 и 1875 гг. за распространение пропагандистской литературы. В 1878 и 1879 гг. принимала участие сначала в московском, а затем в киевском революционных кружках. Арестована в Киеве 11 февраля 1879 г. По приговору Киевского военно-окружного суда осуждена на 14 лет 10 мес. каторги и сослана на Кару.

[51]) Осинский, Валерьян Андреевич (1853—1879), видный член «Земли и воли», действовавший в Киеве от имени Исполнительного комитета. Арестован 24 января 1879 г. По приговору Киевского военно-окружного суда повешен 14 мая.

[52]) Новицкий, Василий Дементьевич, полковник, начальник киевского жандармского управления с 1878 по 1903 г.

[53]) Войнаральский, Порфирий Иванович (1844—1898), известный пропагандист 70-х годов, пожертвовавший все свое состояние на революционные нужды. В июне 1874 г. был арестован, судился по процессу 193-х и приговорен к каторжным работам на 10 лет. По дороге в Ново-Белгородскую тюрьму 1 июля 1878 г. была сделана неудачная попытка освободить Войнаральского, в которой принимали участие А. Квятковский, Хотинский, Фомин-Медведев, Перовская и др.

[54]) Булич, Александр Петрович, земский врач черниговского уезда. Обвинялся в даче 300 рублей Зубковскому для организации подпольной типографии. Судился в 1880 г. по процессу 16-ти и приговорен к 15 годам каторжных работ. Умер в ссылке.

[55]) Зиновьев, Николай Алексеевич, отставной капитан гвардейской артиллерии. Впоследствии член центрального кружка военной организации «Народной воли».

[56]) Богданович, Юрий Николаевич (1850—1888), землеволец, затем народоволец. Под фамилией Кобозева принимал участие вместе с А. В. Якимовой в подготовке покушения на Александра II. Арестован в Москве 15 марта 1882 г. Судился по процессу 17-ти и приговорен к бессрочной каторге. Умер в Шлиссельбургской крепости.

[57]) Фомин, Алексей Федорович (Медведев). В 1878 г. был арестован в Харькове, но бежал из тюрьмы, в 1879 г. вновь арестован. Судился в Харьковском военно-окружном суде за попытку освободить Войнаральского. Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

[58]) Масальский, Иван Федорович, кн., старший чиновник 3-й эксп. III отделения.

[59]) Шмидт, Никита Конрадович, управляющий III отделением.

[60]) Кириллов, Григорий Григорьевич, чиновник для особых поручений при III отделении.

[61]) В целях принятия мер к предупреждению студенческих волнений 2 августа 1879 г. было утверждено положение Комитета министров о том, чтобы в виде временной меры, впредь до изменения университетского устава: 1) предоставить мин. нар. просв. составить, не стесняясь уставом 1863 г., инструкцию для университетской инспекции; 2) предоставить попечителям учебных округов, в случае, если существующая инспекция будет признана не соответствующей своему назначению, изменять ее состав по соглашению с местным губернатором.

[62]) Кавский, Иван Дмитриевич. В июле 1879 г. организовал в Петербурге нелегальный студенческий кружок, имевший целью устройство тайных литографий и распространение среди петербургских рабочих прокламаций. 16 сентября 1879 г. арестован, а 30 апреля 1880 г. административно выслан на родину в Тверскую губернию.

[63]) Богоявленский, Михаил Петрович, студент Петербургского университета. Участник кружка Кавского.

[64]) Беклемишев, Евгений Александрович, вольнослушатель Петербургского университета, в 1879 г. вел пропаганду среди крестьян Псковской губернии. Арестован 15 сентября 1879 г. по обвинению в укрывательстве Л. Мирского. По суду был оправдан, но выслан в Рязанскую губернию под надзор полиции.

[65]) Ольхин, Александр Александрович (1839—1897), известный защитник по политическим процессам. Высланный в 1879 г. из Петербурга в Вологодскую губернию, был привлечен по делу о содействии в укрывательстве Л. Мирского, но был оправдан и вновь выслан.

[66]) Левченко, Павел Васильевич (1853—1884), пропагандист. Арестован 21 августа 1879 г. в Херсоне за попытку передать через ключника записку Россиковой, заключенной в херсонском тюремном замке. Умер в красноярской тюрьме.

[67]) Россикова, Елена Ивановна (урожд. Виттен), член кружка Ковальского в Одессе. В 1879 г. принимала участие, совместно с Юрковским, в экспроприации денежных сумм из херсонского казначейства посредством подкопа. Одесским военно-окружным судом в 1880 г. осуждена к бессрочной каторге.

[68]) Филиппов, Тертий Иванович (1825—1899), тов. госуд. контролера, а с 1889 г. госуд. контролер и член Госуд. совета.

[69]) Крашевский, Иосиф Игнатьевич (1812—1887), польский писатель, известен своими историческими повестями из эпохи XVIII ст.

[70]) Спасович, Владимир Данилович (1829—1906), проф. Петербургского университета, известный присяжный поверенный.

[71]) Чубаров, Сергей Федорович (1845—1879), член киевского революционного кружка. Арестован в Одессе в 1879 г. Судился в Одесском военно-окружном суде по процессу 28-ми. Повешен 11 августа 1879 г.

[72]) Ливен, Андрей Александрович, кн., министр госуд. имуществ.

[73]) Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888), граф, ген.-адъютант. В январе 1879 г. назначен врем. ген.-губернатором Астраханской, Саратовской и Самарской губерний, а 5 апреля харьковским врем. ген.-губернатором с особыми полномочиями.

[74]) Салисбюри, Роберт (1830—1903), в 1878—1880 гг. английский министр иностранных дел.

[75]) Первый номер «Народной воли» вышел 1 октября 1879 г. под ред. Н. Морозова и Л. Тихомирова, печатался в подпольной типографии в Саперном переулке.

[76]) Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879), известный русский историк, проф. Московского университета.

[77]) Курицын, Федор Егорович (1853—1906), бывш. студент Харьковского ветеринарного института, входил в харьковский революционный кружок. Арестован 1 апреля 1877 г. При дознании дал откровенные показания; находясь в одесской тюрьме, занимался доносами, благодаря которым были повешен В. Малинка, Д. Лизогуб, И. Дробязгин и др. В 1880 г. выпущен под надзор полиции.

[78]) Лизогуб, Дмитрий Андреевич (1850—1879), землеволец, вышел из богатой помещичьей семьи. Все свое состояние пожертвовал на революционные нужды. Арестован летом 1878 г. и по приговору Одесского военно-окружного суда казнен 10 августа.

[79]) Фомин, Алексей Александрович. В 1879 г. был арестован за пропаганду среди солдат, но ему удалось бежать. Впоследствии принимал участие в деятельности «Народной воли», работал в московской подпольной типографии в 1882 г.

[80]) Быковцев, Николай Павлович, землеволец. В 1874 г. вместе с Н. Мощенко вел пропаганду среди крестьян, организовал в Харькове пропагандистский кружок. В октябре 1879 г. был арестован в Харькове по подозрению в участии в убийстве кн. Кропоткина.

[81]) Гамбургер, Андрей Федорович, русский посланник в Швейцарии.

[82]) Крыжановский, Николай Федорович (1859—1885). В 1879 г. организовал в Каменец-Подольске революционный кружок, 25 июля вместе с Козачковским

и Туровичем произвел ограбление почты около местечка Ярмолинец Каменец-Подольской губернии. Арестован 26 июля после вооруженного сопротивления, Киевским военно-окружным судом приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации 20 годами каторжных работ.

[83]) Зунделевич, Аарон Исаакович (1854—1923), землеволец. Судился по процессу 16-ти в 1880 г. и приговорен к бессрочной каторге.

[84]) «Черный передел», орган социалистов-федералистов, издавался с января 1880 г.; последний — пятый — номер вышел в декабре 1881 г.

[85]) «Голос» — ежедневная, либеральная политическая и литературная газета, издавалась с 1863 по 1883 г. По своему влиянию и распространению занимала видное место среди русской политической прессы 60—70 годов.

[86]) Дебагорий-Мокриевич, Владимир Карпович (1848—1926), бакунист, пропагандист. Член киевского революционного кружка. Арестован 11 февраля 1879 г. в Киеве, по приговору Киевского военно-окружного суда осужден на 15 лет каторжных работ. По дороге на каторгу, около Иркутска, ему удалось бежать в Москву, а затем за границу.

[87]) Избицкий, Владислав Иосифович, студент Киевского университета, откуда в 1878 г. был исключен за участие в студенческих волнениях. Арестован в марте 1878 г. за расклейку прокламаций. По приговору Киевского военно-окружного суда в мае 1879 г. осужден на 15 лет каторжных работ. По пути на каторгу бежал, но погиб в дороге.

[88]) Орлов, Павел Александрович (1856—1890), участник процесса 193-х, был выслан в Архангельскую губернию, откуда бежал. Арестован в Киеве 11 февраля 1879 г. По приговору Киевского военно-окружного суда осужден на 14 лет каторги. По пути на Кару пытался бежать, но неудачно.

[89]) Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907), знаменитый химик, проф. Петербургского университета.

[90]) Меншуткин, Николай Александрович (1842—1907), известный химик, проф. Петербургского университета.

[91]) В Киеве 21 августа 1879 г. был задержан с подложным паспортом на имя Григоренко не Грищенко, как сообщает Дрентельн, а дворянин Людвиг Александрович Кобылянский (1859—1886), принимавший участие в убийстве харьковского губернатора кн. Кропоткина. Судился в Петербургском военно-окружном суде по процессу 16-ти, приговорен к каторжным работам на 20 лет. Умер в Шлиссельбургской крепости.

[92]) Адлерберг, Александр Владимирович (1818—1889), граф, министр имп. двора и уделов в 1872—1887 гг.

[93]) Воспоминания кн. Д. Д. Оболенского о покушении на взрыв царского поезда 19 ноября 1879 г. были напечатаны в журналах: «Русский архив» 1894 г. № 10, «Былое» (загран). 1904 г. № 6 и «Русская Историческая Библиотека», № 5, изд. «Донской Речи», 1905 г.

[94]) Дом был снят Л. Н. Гартманом на имя не Брюханова, а Сухорукова.

[95]) Гартман, Лев Николаевич (1850—1913), принимал активное участие в революционном движении с 1876 г. Был одним из главных действующих лиц по организации взрыва жел.-дор. полотна под Москвой 19 ноября 1879 г. при проезде Александра II, после чего уехал за границу.

[96]) Перовская, Софья Львовна (1853—1881), член Исполнительного комитета «Народной воли», принимала активное участие в организации покушения на Александра II под Москвой и 1 марта 1881 г. Казнена 3 апреля 1881 г.

Из записной книжки архивиста.

Вокруг 1 марта 1881 г.

Публикуемые ниже документы связаны с некоторыми эпизодами первомартовской истории, лишь отчасти известными в печати.

Первая группа этих документов касается вопроса о суде над первомартовцами. Лишь теперь мы узнаем, что тот прием скоропалительной юстиции с немедленным судом и смертною казнью в 24 часа, который годом ранее был применен по отношению к Млодецкому и год спустя по отношению к Халтурину и Желвакову, этот прием должен был иметь место и в деле 1 марта. Как явствует из публикуемого ниже первого доклада Лорис-Меликова, первоначально было решено уже третьего марта судить Рысакова военно-полевым судом (об этом — см. доклад 5 марта), а четвертого марта, в среду, завершить процесс казнью. Последовавшее в ночь с 1 на 2 марта вслед затем известное признание Желябова вызвало доклад от второго марта (см. № 1) с предложением, ввиду привлечения к делу Желябова, отсрочки всей процедуры на одни сутки. Как видим из резолюции, Александр III пошел на эту однодневную отсрочку суда и казни до четвертого и пятого числа. Однако на третий день, третьего марта, произошли еще новые события: захват конспиративной квартиры на Тележной ул. и арест Геси Гельфман, а затем также и арест пришедшего на эту квартиру Тимофея Михайлова. Вызванный этими событиями новый доклад Лорис-Меликова от третьего марта, в котором он вновь предлагал отсрочить суд еще на 2—3 дня, уже известен в печати [1]).

Однако события следовали так быстро и так неожиданно одно за другим, что вскоре стало ясно, что дело должно пойти отнюдь не только по линии одной лишь отсрочки этого заранее предрешенного судебного действия. Уже в ночь на второе марта Желябов заявил допрашивавшим его властям, что «ежели с восшествием на престол е. и. в. государя императора Александра Александровича ожидания партии не исполнят, и она встретит такое же противодействие, то не остановится и в будущем прибегать к таким же покушениям и против него» [2]). Эта новая угроза террористического акта приобрела 4 марта совершенно реальные очертания: в этот день был открыт подкоп на Малой Садовой ул. и открыт без каких бы то ни было розыскных действий. Власти теперь должны были прямо опасаться того, что они не знают, что еще не открыто и откуда может грозить ближайшая опасность. Эта новая ситуация нашла себе яркое отражение в докладе пятого марта, докладе, который ликвидировал планы военно-полевой расправы с первомартовцами и предлагал направить их порядком,

---

[1]) «Былое», 1918 г. № 10—11, стр. 26.

[2]) Там же, стр. 23—24; точность текста «Былого» возбуждает некоторые сомнения (исполнят?).

уже практиковавшимся в других политических процессах — через Особое присутствие Сената. Что причиною не только отсрочки, но и видимости правосудия была именно Садовая улица, в том определенно убеждает мотивировка этой отсрочки. Здесь именно на первом месте подчеркнуто, что, так как «оставшиеся на свободе единомышленники» первомартовцев «ободрены удачей», то в случае казни первомартовцев они могут попытаться организовать покушение на «драгоценные дни» Александра III во время похорон, когда охрана царя представляет «особые затруднения». Таким образом, дабы не придать решимости террористам, казнь надо было отсрочить до времени после похорон. Но это было вместе с тем и предлогом к замене военного суда сенатским, который должен был начаться, по предложениям доклада, «на другой день после похорон». Это было принято, и таким образом в этом эпизоде отразилось и на правительственных сферах господствовавшее в те дни убеждение, что силы Исполнительного комитета чрезвычайно велики [1]).

Два других документа связаны с именем Геси Гельфман. Известно, что после того, как вследствие своей беременности, Гельфман пережила день 3 апреля, день казни первомартовцев, в западно-европейской прессе и на собраниях, особенно во Франции, поднялась широкая агитация за ее помилование. Эта кампания не прошла мимо русских властей, и соответствующие представления парижского посла заставляли задумываться не только министерство иностранных дел, но и министерство внутренних дел, в котором господствовал переходный режим гр. Игнатьева. Бывший дипломат понял, что необходимо предпринять шаги к успокоению слишком взбудораженного общественного мнения Запада, и понял также, что правительство зашло в первомартовских казнях слишком далеко, для того, чтобы пресса Запада могла ему в чем-либо поверить. И Игнатьев решился на шаг, который должен был дать двойной результат: с одной стороны, опровергнуть утверждения заграничной прессы о невозможных условиях содержания Геси Гельфман, а с другой — парировать ее удары помилованием Гельфман. Но и то и другое требовало деликатности. Кто поверил бы опровержениям, если бы их напечатали правительственные или близкие к правительству органы печати? И как бы выглядело правительство, если бы оно теперь, после этой газетной кампании, само, по своей инициативе, помиловало Гельфман? Игнатьев нашел выход и для одного и для другого: опровержение должно было появиться, но в органе, считающемся на Западе оппозиционным правительству и либеральным, а помилование должно было тоже последовать, но по прошению самой Гельфман. Оформил же Игнатьев свой трюк тем

[1]) В истории составления обвинительных актов по делу 1 марта есть тоже некоторые неизвестные детали. Общеизвестны два обвинительных акта по делу 1 марта: один, включающий всех обвиняемых, кроме Кибальчича, от 16 марта, и другой, от 21 марта, специально о Кибальчиче, который был арестован лишь 17 марта. Однако уже 9 марта был готов первый обвинительный акт и был уже отпечатан, но он касался лишь четырех подсудимых, и арест Перовской 10 марта похоронил его в архиве. И здесь была проделана вновь процедура всеподданнейшего доклада: 13 марта министр юстиции сообщал о необходимости дополнения дознания вследствие ареста Перовской. Отметим также, что обвинительный акт о Кибальчиче в корректуре (она, как и все сообщаемые здесь сведения, имеется в деле министерства юстиции, 1881 г., № 8141) был сокращен, и из него были изъяты сведения о воздухоплавательном аппарате Кибальчича.

путем, что дал свидание с Гельфман корреспонденту «Голоса» и вместе с ним защитнику Гельфман, прис. пов. А. А. Герке. Насколько успешным оказалось посещение первого из них в качестве апологета арестантского режима в Петропавловской крепости, о том можно было судить тогда же. 23 июня состоялся только что упомянутый визит, а уже на следующий день в «Голосе» появилось обширное о нем сообщение. «Голос» прежде всего счел нужным заверить министра, что он всегда готов служить подобным выяснениям, когда только ему позволят, а затем приступил к опровержению «нелепых известий» заграничной печати о «государственной преступнице Гесе Гельфман». Оказалось, по сообщению корреспондента, пробывшего в крепости 1 ч. 20 мин., что все написанное иностранной прессой — «все это ложь не столько тенденциозная, сколько невежественная». Камера Гельфман, в которой он побывал, оказалась «снабжена решительно всем необходимым и, что главное, совершенно достаточным количеством света и воздуха». Что касается одежды, то Гельфман была одета в «длинное, коричневато-сероватое пальто, застегнутое на все пуговицы, из-под которого виднелось черное шерстяное платье; на шее повязана белая косынка; из рукавов пальто виднелось совершенно чистое белье». Однако еще любопытнее тот разговор, который передает либеральный корреспондент. Гельфман рассказала, что «вскоре после окончания суда» ее спрашивал «какой-то полковник» относительно «одного из арестованных». Она, понятно, отказалась отвечать, «хотя и знает его». На вопрос корреспондента, как полковник производил этот допрос, Гельфман уверила его, что полковник «спросил очень любезно». На вопрос, не вынуждал ли он у нее показаний, Гельфман «твердо и решительно» ответила, что «никто и никогда» этого не делал. Наконец, она вообще заверила корреспондента, что «со мною обращались как следует и как указывает закон». Затронут был в беседе и будущий ребенок Гельфман, которого она желала бы отдать родным отца, так как ее родные — «фанатики» [1]). Итак, как видим, корреспондент наиболее «левой» из тогдашних петербургских газет великолепнейшим образом выполнил свою задачу. Нам, по крайней мере, неизвестно другое описание крепостного режима, которое столь бы его восхваляло.

Как достиг Игнатьев своей второй цели — склонить Гесю Гельфман к подаче прошения о помиловании, об этом говорят публикуемые ниже два документа — письмо А. А. Герке и прошение Гельфман. Из них нетрудно заключить о том, как стремился получить документ, подобный прошению. Игнатьев. Сам Герке чувствует, что прошение Гельфман не таково, каким полагается быть всеподданнейшему прошению. Вместо хотя бы малейшего раскаяния — здесь мало подобающие мотивы о пище и содержании. Но Игнатьеву нужна была любая бумажка за подписью Гельфман: ведь она публикации все равно не подлежала, а в официальном сообщении о помиловании она давала возможность сослаться на нее. Эту роль, действительно, прошение выполнило, и о нем оповещено было официально в сообщении о помиловании Гельфман [2]).

Последний из печатаемых документов содержит сведения о наименее известном из метальщиков 1 марта — Иване Пантелеймоновиче Емельянове. Если имена Гриневицкого, Тимофея Михайлова и Рысакова известны в

---

[1]) «Голос», 1881 г., № 173, от 24 июня, стр. 2.

[2]) Для всего предыдущего ср. имеющуюся сводку данных у В. Иохельсона и Р. Кантора, Геся Гельфман, Птг. 1922, стр. 42—44.

литературе 1 марта, то Емельянов, если и попадался на страницах мемуарной литературы, то разве в карийской литературе, в которой он оставил по себе печальную память своим прошением о помиловании 1889 г. Об его первых шагах и, в особенности, о том, как он попал в число метальщиков 1 марта, мы лишь недавно получили сведения из специальной (и единственной в литературе) статьи о нем А. П. Корба-Прибылевой [1]). В рассказе А. П. Корба-Прибылевой, который, как мы теперь можем судить из автобиографического рассказа самого Емельянова, очень точен, содержатся весьма существенные сведения для понимания того, как Емельянов стал метальщиком. Сведения, сообщаемые А. П. Корба-Прибылевой и самим Емельяновым, могут быть однако пополнены еще некоторыми документальными данными, а также и некоторыми показаниями. Так, по метрическому свидетельству, родился Емельянов 26 сентября 1860 г. К Н. Ф. Анненскому, известному статистику, женатому на сестре П. Н. Ткачева, Емельянов попал в 1870 г. Сам Н. Ф. Анненский был в 1881 г. выслан из Петербурга, и, допрошенный в качестве свидетеля, брат его, И. Ф., известный переводчик Эврипида и поэт, живший у брата и помещавшийся у него в одной комнате с Емельяновым, показал, что Емельянов, приехав, «довольно плохо говорил по-русски, мешая в речи турецкие, греческие, французские слова». «Характера он был,— по словам того же И. Ф. Анненского, — резвого; очень бойкий и ловкий, но в то же время скрытен. Способности у него были не блестящие, в особенности к изучению языков». С годами в нем происходила «некоторая перемена: он становился серьезнее». По словам А. А. Страхова, женатого на сестре Анненского, занимавшейся с Емельяновым, он был «довольно понятлив и добродушен», но в то же время «несообщителен по природе»: «случалось часто, что он, еще ребенком, заболев очень серьезно и страдая от сильной боли, никому не говорил о том, ходил, когда ему давно следовало быть в постели».

Емельянов сам говорит в своих показаниях, как он стал социалистом. Его внешняя биография за эти годы была заполнена обучением в ремесленном училище «Дома призрения и ремесленного образования бедных детей», где он пробыл 1875—1879 гг. Окончив здесь «курс наук и столярно-резного ремесла», Емельянов получил звание подмастерья и был в 1879 г. командирован (на средства бар. Гинцбурга) с тремя другими воспитанниками училища в Париж, где работал в мастерской Рудильона. В июне 1880 г. он заявил о своем желании вернуться в Россию и в ноябре был уже в Петербурге [1]). Именно в ноябре началась подготовка дела 1 марта, и остальной ход событий, а вместе с тем и судьба Емельянова достаточно известны из опубликованных материалов.

Печатаемые ниже документы находятся: №№ 1—3 — в деле канц. мин. внутр. дел, 1881 г., № 58 (ЛОЦИА); № 4 — в деле деп. полиции, 3 делопр. № 79, ч. 3, л. 91—92 (Архив Рев. и Внешней Политики); № 5 — в деле мин. юстиции, 1881 г., № 8141, л. 195 (ЛОЦИА); № 6 — в деле Особого присутствия Сената, № 64, т. II, л. л. 318—319 об. (Архив Рев. и Вн. Полити-

[1]) Первоначально в «Каторге и ссылке», 1924 г., № 5; перепечатано в книге А. П. Корба-Прибылевой: «Народная воля», М. 1926, стр. 86—93.

[1]) Для всего предыдущего см. Особое прис. Сената, дело № 64, т. II, л. л. 379—380 об. (пок. И. Ф. Анненского), л. л. 382—383 об. (А. А. Страхов), л. 279 (отн. секр. отд. от 20 апр. 1881 г. об аресте Емельянова); т. IV, л. 395 и том «Документы», л. л. 38—40 (документы). (ЛОЦИА).

ки). Все документы печатаются по подлинникам, кроме № 2, который печатается по черновику.

С. Валк.

1. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел от 2 марта 1881 г. [1]).

Сейчас прокурор судебной палаты доложил мне, что доставленный из дома предварительного заключения преступник Желябов начал давать более чем прежде определенные показания и заявил уже, что бросивший вчера разрывной снаряд Рысаков действовал по его уговору и в течение последних трех недель был подготовляем Желябовым к совершению преступления.

Сознание Желябова находит себе подтверждение и в объяснениях Рысакова.

Таким образом, вновь разъясненные обстоятельства представляют полную возможность к основательному привлечению к суду вместе с Рысаковым и главного виновника преступления — Желябова; но такой совместный суд двух преступников, по заявлению прокурора судебной палаты, необходимо потребует лишние сутки для окончания [2]) всего дела с приведением приговора в исполнение.

Долгом поставляю себе всеподданнейше испрашивать, благоугодно ли будет вашему императорскому величеству соизволить на отсрочку производства суда до среды, причем исполнение приговора может последовать вместо среды в четверг.

С своей стороны решаюсь присовокупить, что полагал бы совместное суждение двух преступников более обеспечивающим основательное рассмотрение дела и возможное разъяснение обстоятельств оного.

Генерал-адъютант гр. Лорис-Меликов. 2 марта, 1881 года.

2. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел от 5 марта 1881 г.

На сих днях будет окончено исследование о святотатственном преступлении, пресекшем дни в бозе почившего государя императора.

Разрешение дальнейшего направления сего исследования к судебному рассмотрению предоставлено, в силу высочайшего указа 6 августа минувшего года, министру внутренних дел.

По моему убеждению, беспримерная дерзость совершенного злодеяния вызывала бы необходимость решительной и безотлагательной кары преступников. Посему мною было предположено предание обвиняемых военному суду по полевым законам. Тем не менее, при всестороннем обсуждении вопроса о порядке производства суда над злодеями заявлены мне весьма существенные соображения, заставляющие меня остановиться в приведении в исполнение первоначального моего по сему предмету предположения.

Во 1-х, нельзя не иметь в виду, что казнь преступников может вызвать в оставшихся еще на свободе единомышленниках их, ободренных удачею, стремление к покушениям на драгоценные дни того, чья жизнь составляет ныне вернейший залог в том, что Россия переживет без глубокого органического потрясения настоящую тяжелую годину ее исторического существования. Между тем предстоящее погребение в бозе почившего императора не может не представить особых затруднений в деле охранения державного вождя России от злодейских покушений.

Во 2-х, чувство священного благоговения масс к непогребенному монарху может быть оскорблено зрелищем

---

[1]) На докладе резолюция Александра III: «Совершенно разделяю ваше мнение».

[2]) Так в подлиннике.

казни в месте пребывания тела в бозе почившего.

В 3-х, если допустить достаточную важность приведенных оснований к отсрочке смертной казни над преступниками до погребения тела в бозе почивающего императора, то нет и причин прибегать к военному суду, главное значение коего состоит в быстроте производства.

Ввиду этих соображений представляется вопрос о передаче оканчиваемого исследования на разрешение суда, который по своему высшему значению более соответствовал бы важности содеянного преступления, а именно на разрешение Особого присутствия Правительствующего Сената, с участием сословных представителей, с теми и однако непременными условиями, чтобы суд начался на другой день погребения и чтобы министр юстиции по особому высочайшему повелению предложил действительные меры к сокращению времени, потребного на производство дела в Сенате.

Всеподданнейше докладывая о вышеизложенном вашему императорскому величеству, долгом поставляю испрашивать, не благоугодно ли будет вашему величеству повелеть: возбуждаемый мною вопрос рассмотреть в особом совещании из тех членов императорской фамилии, кои вами будут к тому назначены, а также из генерал-адъютантов графа Милютина и графа Адлерберга, статс-секретарей графа Валуева, князя Урусова и Набокова и меня.

3. Записка Александра III от 5 марта 1881 г.

Можем собраться завтра, 6 числа, в 11 утра, у меня для обсуждения этого вопроса. Дайте знать всем вами названным министрам. Кроме того, я прикажу брату Владимиру быть здесь.

4. Письмо А. А. Герке В. К. Плеве от 28 июня 1881 г.

Ваше превосходительство
Вячеслав Константинович.

Принося благодарность за данное вами мне разрешение на свидание с осужденною Гесею Гельфман, имею честь уведомить, что свидание это состоялось сегодня, в присутствии г. корреспондента газеты «Голос» Калугина, штабс-капитана Соколова и капитана Лесника, в С.-Петербургской крепости. Я пробыл с Гесею Гельфман около часа, нашел ее несколько изменившеюся сравнительно с тем днем, когда окончился кассационный срок: она, видимо, падает силами, стала малокровна, губы совсем бескровные, дыхание порывисто-краткое, мыслит и говорит, как сильно усталая или поправляющаяся от болезни. Она жалуется на то, что положенная по правилам пища (суп или щи и несколько менее ½ фунта говядины; утром до 1-го часа ей ничего не дают; чаю не полагается) недостаточна для поддержания ее здоровья при ее беременности; также просит об усилении медицинской помощи. Просьбу, ею заявленную, о переводе ее в какое-либо тюремное помещение, где бы она могла быть в тюремной больнице и пользоваться лазаретною порцией пищи, я отказался передать. (Кстати: она просила передать эту просьбу графу Лорису-Меликову; я не счел себя, согласно данным мне указаниям, в праве сказать ей о переменах в личном составе министерства.) Указание на недостаточность пищи и просьбу о дозволении кому-либо из акушеров оказывать ей пособие я обещал передать по принадлежности, что сим и исполняю. — Геся Гельфман на специальный вопрос г-на Калугина и на общие мои вопросы заявила, что с нею обращаются хорошо, что притеснений никаких нет, но что одиночное заключение, при беременности ее, дей-

ствует на нее ужасно сильно и так на нее влияет, что она была сильно больна, чувствует себя и теперь нездоровою, и в настоящее время боится, что останется без акушерской помощи в случае выкидыша или родов. — Я в особенности старался уговорить Гельфман подать прошение на высочайшее его императорского величества имя о смягчении участи ее. Как я уже говорил вам, я считаю себя обязанным как бывший на суде защитник ее по назначению оказать содействие к подаче ею такой просьбы, ибо не могу не видеть разницы между виновностью ее (по закону, несомненно, влекущею смертную казнь) и виновностью других цареубийц, уже повешенных; совершение ею преступления во время беременности и тогда когда близкое ей лицо (как это я узнал уже после приговора) было уже привлечено к суду, — конечно, тоже должно бы повлиять на смягчение наказания, если бы по монаршему милосердию дозволено было уменьшить строгость закона. Наконец, немедленная после объявления приговора смертная казнь, и смертная казнь, ожидаемая беременною женщиной в одиночном заключении в продолжение нескольких месяцев, — наказания далеко не совсем равные. Вот по этим соображениям (конечно, не высказанным в присутствии Гельфман) я уговаривал ее подписать прошение о помиловании. Она сначала отказывалась, объясняя, что не может дать подписки о внезапной перемене убеждений и что согласилась бы подписать лишь прошение об улучшении пищи и об усилении медицинской помощи. После переговоров о редакции прошения, — причем я ей объяснил, что более важно действительное ее раскаяние, нежели заявляемое на бумаге, — она согласилась подписать прошение в известной редакции. Я тогда же написал прошение в указанной ею редакции, и она его подписала. Прошение это было передано при мне его высокопревосходительству г. коменданту и будет им переслано к вам. Если бы при дальнейшем рассмотрении прошения потребовалась перемена редакции, то прошу вновь мне разрешить переговорить об этом с Гельфман; но, с своей стороны, я просил бы (если только имею право просить) не останавливаться на редакции, а видеть в подписанном Гельфман прошении лишь обращение к беспредельной милости государя императора.

С глубоким уважением и преданностью вашего превосходительства покорный слуга Август Герке.

28 июня 1881 г. веч.

5. Прошение Геси Гельфман от 23 июня 1881 г.

Ваше императорское величество, августейший государь.

Находясь ныне, после объявленного мне приговора о смертной казни, впредь до приведения этого приговора в действительное исполнение, в С.-Петербургской крепости, при условиях, которые не дозволяют ни питания, ни медицинской помощи, необходимых для улучшения расстроенного моего здоровья, всеподданнейше прошу ваше императорское величество соизволить повелеть о смягчении моего тяжелого заключения и о милостивой замене назначенного по суду наказания, смертной казни, меньшим наказанием.

Геся Гельфман.

23 июня 1881 года.

6. Показание И. П. Емельянова от 22 апреля 1881 г.

Зовут меня Иван Пантелеймонов Емельянов. В 1870 году я был взят моим родным дядей из деревни, пожелавшим меня взять для того, чтоб дать мне возможность получить образование. Взявши меня 9 лет от роду, босоногого, почти что в одной рубашке, он увез меня с собой на место своей служебной деятельности, в Турцию, в Константинополь, где занимал довольно видное место при русском по-

сольстве. Преобразив меня из дикаря, хотя внешним видом, в так называемого мальчика порядочного общества, он стал исправлять мой малороссийский акцент в русский и вместе с тем выучил меня читать и писать. Обратив меня в благовоспитанного ребенка с более или менее порядочными манерами, он ввел меня в общество детей русских семейств. Таким образом, попав неожиданным для меня образом из деревни прямо в большой город, в общество людей аристократического круга, увидев массу совершенно новых для меня предметов, я был поражен. В моем детском уме произошел целый сумбур. Будучи чрезвычайно любознательным и впечатлительным, я постоянно приставал ко всякому с расспросами и разъяснениями. Очень часто мое любопытство не было удовлетворяемо, а разъяснения не полные. Я был молчалив и много думал. Переезжая с места на место с моим дядей, имевшим разные командировки, я имел возможность видеть многое и встречать людей не только различных классов и состояний, но и разных народностей. Все это давало богатую пищу моим размышлениям. Размышляя, я совершенно самостоятельно (мне было лет 11—12) напал на мысль и идею, которую принято теперь называть социализмом. Я напал и, сам того не замечая, развивал ее сам в себе. Приехав затем в Петербург, я поступил в 1-е реальное училище, оттуда вследствие почти беспрерывных заболеваний и тяжких болезней, — как объясняли доктора, по причине резкой перемены климата, — я перешел в ремесленное училище цесаревича Николая полным пансионером. Мысль о социализме у меня окрепла, и в Петербурге я увидел, что это не есть плод одних моих размышлений. Я пристрастился к чтению книг. Пользовался не только свободным временем, но иногда и ночами. Пройдя очень быстро детскую литературу и для юношества, я дошел до книг серьезного содержания и стал следить за ходом периодической прессы. Обратил особенное внимание на целый ряд политических процессов. Я увидел, что у меня есть значительная доля солидарности по взглядам и убеждениям с подсудимыми, я им сочувствую. Издается наконец «Земля и Воля». Программа «Земли и Воли» очень близко подходит к моим взглядам на политическое и экономическое положение России. Я имел возможность сделать несколько путешествий по внутренней и южной России. Меня поражает русский мужик своей забитостью, угрюмством [1]), бедностью и рабской покорностью своему положению. Он терпит все и всякие притеснения от местной администрации. Маклачество и взяточничество господствуют среди русского народа. Я мечтаю посвятить себя улучшению благосостояния русского народа, как один из его сынов. Но мне хочется посмотреть западно-европейские страны. Я учусь в училище и ремеслу и наукам. Перехожу из класса в класс с наградами. Кончаю курс! Как один из первых—послан за границу от училища на казенный счет. Приезжаю в Париж. Работая, знакомлюсь с французским крестьянином и парижским рабочим. Выношу отрадное впечатление. Посещаю с этнографической целью Германию, Австрию, Швейцарию, Францию. Мое любопытство удовлетворено. Нахожу, что везде экономическое и культурное положение стран лучше, чем в России, за границею слежу за процессом 16. Нахожу и разделяю сообразно моим убеждениям программу «Народной воли». Разделяя программу «Народной воли», считаю себя не вправе оставаться индиферентным. Приезжаю в ноябре месяце 1880 г. в Петербург и поступаю в число членов русской социально-революционной партии. Не переставая усердно заниматься науками и

[1]) Так в подлиннике.

следить за литературой, нахожу время принимать активное участие в делах партии, главным образом, в принятии участия по преступлению 1-го марта. В качестве метальщика, вооруженного разрывным снарядом, стоял на углу Невского и Малой Садовой и затем у Театрального моста.

В самый момент последовавших взрывов от снарядов, брошенных Рысаковым и личностью, мне известною под именем Михаила Иваныча, я находился шагах в 20 от покойного императора, и, когда государь император упал, то я совершенно инстинктивно, имея под левой мышкой завернутый в газетную бумагу снаряд, бросился вместе с другими к государю императору, чтобы подать ему помощь. Снаряд был мною отнесен после катастрофы на квартиру в Тележную улицу, где и был он мною получен от Перовской. Лиц, вооруженных снарядами, было всего четыре (4): я, Рысаков, Михаил Иванович и Тимофей Михайлов, стоявший на углу Малой Садовой и Манежной. За неделю был на опытах с этими снарядами в Парголове вместе с другими лицами. О подкопе на Малой Садовой я не знал до 1 марта, когда Перовская сообщила в квартире Саблина, что на Малой Садовой должен последовать сперва названный ею центральный удар.

После первого марта оставался в Петербурге и продолжал видеться с членами партии, но никакого активного участия не принимал в революционных делах.

Иван Пантелеймонов Емельянов.

С. Г. Нечаев и тульские оружейники.

Тула — один из наиболее ранних центров нашей крупной обрабатывающей промышленности. Известно, что еще в 1632 г. здесь был основан голландцем Андреем Виниусом оружейный завод. Постепенно развиваясь, этот завод становится одним из крупнейших предприятий дореформенной России. Достаточно указать, что по данным, относящимся к середине XIX столетия («Обозрение Тульской губернии», 1850 г.), на Тульском оружейном заводе состояло 3 666 мастеровых и 856 учеников, т. е. более четырех с половиною тысяч рабочих.

Еще в 1831 г. в сунгуровском кружке велись разговоры об использовании тульских рабочих для организации политического переворота [1]). Обратил на них внимание и С. Г. Нечаев, когда искал в России те силы, на которые можно было бы опереться в борьбе с царским правительством. Правда, к 1869 г. Тульский оружейный завод находился в состоянии кризиса; производство на нем сократилось, а число рабочих не превышало 500 [1]). Однако

[1]) Б. Эйхенбаум. Тайное общество Сунгурова, «Заветы», 1913 г. № 3.

[1]) Интересные сведения о состоянии тульской оружейной промышленности в 1869 г. мы находим в сообщении прокурора Тульского окружного суда прокурору Московской судебной палаты от 20 февраля 1870 г. за № 1046: «По дознанию, мною произведенному, оказалось, во-первых, что сословие тульских оружейников простирается до 11 тысяч; во-вторых, что из означенного числа собственно выделкою ружейных частей занимается около 4 тысяч человек; остальные же лица, числясь в сословии оружейников, посвятили себя другим занятиям, и в-третьих, что на оружейном заводе, арендуемом генералом Стандершельд, работают в настоящее время не более 500 человек; в частных заведениях, а равно у себя на дому, занимаются выделкой

было одно обстоятельство, которое должно было заинтересовать Нечаева и его товарищей. Мы имеем в виду волнения, происходившие среди рабочих этого завода в 1868 г. в связи с переходом завода от казны в аренду к генералу Стандершельду. Рабочие были недовольны этим переходом, сведения о недовольстве их проникли в газеты и были известны Нечаеву. Однако надо иметь в виду, что тульские оружейники интересовали Нечаева не как рабочие, а как люди, в руках которых имеется оружие. Роли рабочего класса в революции Нечаев не понимал, а с агитационными призывами обращался, как известно, одновременно и к крестьянам, и к купцам, и даже к «потомкам Рюрика».

Удалось ли Нечаеву установить связь с тульскими рабочими? Известные нам материалы не дают возможности с уверенностью ответить на этот вопрос в утвердительном смысле. В словах Нечаева о том, что тульские оружейники «готовы», можно видеть обычную для Нечаева мистификацию. Однако, как бы то ни было, характерно и то, что, по свидетельству приводимых нами ниже документов, Нечаев делал попытку проникнуть на Тульский завод. Уже одно это придает несомненный интерес печатаемым ниже документам.

Не меньший интерес представляют они и с той точки зрения, что, отчасти, знакомят нас с тем, как Нечаевым и его товарищами велась подготовка к агитации среди народа. По «программе революционных действий», выработанной в конце 1868 или в начале 1869 г., подготовительная работа революционеров, рассчитанная на крестьянское восстание, имеющее произойти, по их предположению, весной 1870 г., делилась на несколько стадий. До мая 1869 г. работа революционеров сосредоточивается в столицах и университетских городах и развертывается, с одной стороны, среди студенчества, а с другой, среди городской «голытьбы». С мая по сентябрь эта работа распространяется по губернским и уездным городам и ведется «среди разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы». С октября пропаганда переносится «в самую массу народа». Этому предшествует собирание сведений о настроении населения в различных местностях и о путях, какими агитатору легче всего добраться до нужных ему и готовых последовать его призыву людей. В бумагах арестованного по нечаевскому делу кн. В. А. Черкезова была найдена записка, являющаяся, по существу, кратким путеводителем для пропагандиста по Тульской губернии. Публикуемые ниже документы знакомят как с этим путеводителем, так и с результатами поверки его, произведенной прокурором Тульского окружного суда.

Документы эти извлечены нами из фонда прокурора Московской судебной палаты 1869 г. № 31, т. I. «По делу о заговорщиках Сергее Нечаеве, Николае Николаеве, Иване Прыжове и др». (Архив Революции и Внешней Политики).

Б. Козьмин.

ружейных частей до 800 человек: остальные лица отправились на заработки в разные города, как-то: в Петербург, Варшаву, Киев, Тифлис и др. При сем считаю долгом присовокупить, что означенные сведения мною получены из частных моих разговоров с разными лицами, занимающимися выделкою ружей; сведения же, извлеченные мною из ведомостей, находящихся в канцелярии тульского губернатора о фабриках и заводах, существовавших в г. Туле впродолжение 1869 г. не тождественны с вышеупомянутыми сведениями; так по упомянутым ведомостям всего оказывается лиц, занимающихся на частных заводах выделкой ружей, 262 человека». (Архив Революции и Внешней Политики. Переписка прокурора Московской судебной палаты, 1869 г. № 31, т. I, л. л. 97—98).

Записка прокурора Московской суд. палаты.

В Петербурге и в Москве производится дознание о составившемся в конце сентября 1869 г. тайном обществе с целью низвержения существующего порядка управления. В преступлении этом обвиняются как главные виновники: 1) бывший приходский учитель в Петербурге Сергей Нечаев (известный также под именем «Ивана Петровича», без фамилии), 2) дворянин, приказчик книжного магазина Черкесова в Москве Петр Успенский, 3) слушатель Петровской земледельческой академии Алексей Кузнецов, 4) мещанин Николаев (известный также под именами «Александра Васильевича Белкова» или «Белкина» и «Егора Анисимова»), 5) служащий по железным дорогам в качестве инженера князь Варлаам Черкезов (он же «Берсеньев»), 6) студент медико-хирургической академии Алексей Никитин де-Тейльс, 7) жена коллежского советника Александровская, Варвара Владимировна и 8) колл. секретарь Иван Прыжов.

Из обстоятельств дела, поступившего в настоящее время уже к следствию, обнаруживается, что главный организатор тайного общества, Нечаев, не ограничивался в своих действиях Москвою и Петербургом, но пропагандировал вредные идеи и в других местах России, в особенности же в Туле, между оружейниками. Когда именно появлялся Нечаев в Туле и кого именно успел он склонить к поступлению в тайное общество, еще с точностью не обнаружено, но относительно Тулы и оружейников до сих пор существуют следующие данные:

1. Обвиняемые Кузнецов и Успенский показали, что как-то в разговоре Нечаев выразился, что сила «наша не в Москве, а в Туле, где готово 50 человек оружейников». То же самое говорил Кузнецову и Николаев, наиболее близкий к Нечаеву человек.

2. Обвиняемый Черкезов показал, что Нечаев выражался ему таким образом: «в Туле оружейники так готовы, что хоть сейчас разнесут всю Тулу».

3. Известно, что в прошлом декабре месяце в гостинице Овчинникова жила Александровская, к которой приезжал из Москвы Черкезов, который уговаривал Александровскую ехать с Нечаевым за границу; после Черкезова приезжал к ней Нечаев (это было в середине декабря) и затем Александровская (кажется с паспортом тульского губернатора) уехала за границу с Нечаевым. Александровская теперь уже арестована.

4. Известно также, что в двадцатых числах декабря — именно 25 или 26 числа — де-Тейльс приезжал с Николаевым в Тулу, где де-Тейльс сначала, как он говорит, останавливался в гостинице Овчинникова, а потом пробыл день у своего дяди, ст. с. де-Тейльса. В гостинице Овчинникова жила в то время служанка Александровской. Николаев же неизвестно где останавливался, но на другой или на третий день увез означенную служанку (Анну Кондратьевну Мартынову) в Москву.

Все эти данные, кроме того только, что давали повод подозревать существование каких-то притонов для означенных обвиняемых в Туле, ничего более не указывали. Ни имен каких-либо участников тайного общества в Туле, и количества оружейников, привлеченных будто бы Нечаевым к этому обществу, известно до сих пор не было.

В настоящее время при обыске у одного из поименованных выше лиц, именно у Черкезова, найден документ, проливающий значительный свет на Тулу. Документ этот следующий:

«Старо-Павшинское подворье; содержатель Кузьма Сергеев Худяков. Приезжают на базар в воскресенье и четверг из сел на Старо-Калужской дороге.

Село Мясное.

Маслово; хороший крестьянин Егор, у него жил Оболенский, студент. Назваться его приятелем и занять квартиру.

Малая Мишнева (или Мишинка — нельзя разобрать). Федор Егоров держит кабак и постоялый двор. Умник, читающий газеты.

Алешня. Поп, заявивший себя во время введения Положения. Суконная фабрика, на которой прикащиком бывший помещик; жена его — хорошая баба из гувернанток, Луганина.

Барыково. Помещик — дрянь. Мужики богаты и страшно недовольны.

Коптево.

Костомарово [1]). Болезни и голод извели молодежь. Было поместье В. В. (т. е. Варвары Владимировны Александровской). Крестьяне Котковы, из них Артамон старостой, умные. Семен — слесарь. Тимофей — зажига на мирских сходках.

Позднякова — село на границе Калужской губ. Помещик выселился на гору из усадьбы от бунтующих крестьян. Управляющий из петербургских дворников».

По всем пунктам этого документа необходимо произвести самое подробное, но негласное дознание. Необходимо удостовериться, появлялись ли в указанных местах, когда и зачем Нечаев, Николаев, Черкезов, де-Тейльс и Александровская; если представится надобность по собранным сведениям произвести обыски, то произвести их немедленно, как с целью отыскания письменных сношений обыскиваемых лиц с вышепоименованными, так и для отыскания прокламаций. В случае обнаружения чего-либо компрометирующего, т. е. доказывающего связь обыскиваемых с моск. тайным обществом, следует арестовать подозрительных лиц; но к этой последней мере прибегать только в вышеозначенном случае. Очень может быть, что с помощью названных в документе лиц можно будет получить указание на оружейников, у которых, если нужно, также произвести обыски и аресты. Для успеха в негласном собирании сведений следовало бы все изложенное здесь сообщить начальнику Тульской губернии и совместно с ним предпринять все нужные меры. О важных открытиях необходимо телеграфировать г. министру юстиции

[1]) В Костомарове живет отец Анны Мартыновой — Кондратий.

Рапорт прокурора Моск. суд. палаты министру юстиции 8 февраля 1870 г. № 48.

Вчера прокурор Тульского окружного суда лично представил мне переписку по производимому им согласно приказания вашего сиятельства дознанию о деятельности злоумышленников в Тульской губ. Из переписки этой видно:

1. Содержание найденной у Черкезова записки подтвердилось в следующем:

а) в Туле, на Старо-Павшинской улице, есть подворье Кузьмы Худякова, к которому в базарные дни приезжают крестьяне окрестных селений, расположенных по Старо-Калужской дороге; по обыску у Худякова ничего подозрительного не обнаружено: книг, писем, газет и рукописей не найдено; б) в 5-ти верстах от Тулы в селе Маслове есть крестьянин Егор (Никитин), у которого три года тому назад проживал отставной учитель духовного училища, спившийся старик Оболенский; сын Оболенского, студент медико-хирургической академии, только изредка хаживал к нему из Тулы во время летнего ваканта и иногда ночевал у отца; в) возле деревни Пышенки Тульского уезда держал постоялый двор мещанин Федор Григорьев, человек грамотный и осторожный в разговоре, который в прошлом году выписывал газеты «Весть» и «Московские ведомости», г) в селе Алешне, Алексин-

ского уезда, на суконной фабрике служит помещик Лушин; в 1862 году здесь было оказано крестьянами неповиновение, усмиренное военной командой. Какое-либо участие в беспорядках со стороны местного священника Михаила Извольского, всеми любимого и никогда не проводившего антиправительственных идей, ничем не подтверждается, д) помещик села Барыкова, Тульского уезда, Николай Петрович Херадинов — человек строптивый, преследующий крестьян жалобами и штрафами за малейшее отступление от Положения, и потому крестьяне его ненавидят, е) в Тульском уезде есть село Коптево с господским домом помещика Павла Воейкова; в течение 1869 года никто из посторонних лиц в селе не бывал, ж) деревня Костомарово Тульского уезда в приходе села Коптева принадлежала Александровской; здесь есть крестьяне: Котковы, из которых Артамон староста, человек неглупый, Семен Чистяков — слесарь и Тимофей Косолапов; последние двое — говоруны на сходках; Тимофей слывет законником, а Семен — грамотеем; в Костомарове года четыре назад проживала Александровская с Тейльсом, от которого родила дочь Надежду; все указанные выше селения находятся на дороге из Костомарова в Тулу и поэтому должны быть коротко известны Александровской и Тейльсу, з) деревни Поздняковой в Тульской губернии нет, по отношению к ней производится дознание жандармским управлением.

2. По тщательным розыскам в означенных выше селениях не обнаружено ни следов пребывания в них кого-либо из заговорщиков, ни связи их крестьян с заговорщиками.

3. Дознание не дало также никаких указаний на связь заговорщиков с тульскими оружейниками. Правда, молодой человек, по фамилии Нечаев, в половине декабря 1869 г. пытался пробраться на оружейный завод под предлогом его осмотра, но арендатор завода, генерал Стандершельд, его туда не допустил.

4. Мещанин Николаев, под именем «Александра Васильева», осенью 1869 г. жил в Туле, в плотничьей артели Семена Кузнеченкова; в октябре к нему приезжал неизвестный человек слишком 30-ти лет; они вместе выехали в Москву, но перед Николиным днем (6 декабря) Николаев снова был в Туле, нанимал там крестьянина Егора Анисимова на бумажную фабрику в Москву, дал ему в задаток 3 руб. и взял у него свидетельство волостного правления на отлучку.

5. Во время заседания по делу о Сеньковских крестьянах, судившихся за неповиновение властям (23—25 октября), к Александровской приезжал в Тулу какой-то человек среднего роста, белокурый с небольшими усами, лет 28—30-ти.

6. В декабре Александровская выехала из Тулы с молодым человеком, похожим на карточку Нечаева, который приехал в Тулу за несколько дней перед тем и остановился в доме Овчинникова.

7. Крестьянка деревни Костомаровой, Анна Кондратьевна Мартынова, жившая у Александровской, уехала после нее в Москву с каким-то человеком.

8. Студент Тейльс приезжал в Тулу 24 декабря и останавливался в доме Овчинникова.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего сиятельства в дополнение к рапорту от 18 января за № 12, имею честь донести, что подлинную переписку по дознанию я предполагаю лично представить г. сенатору Чемадурову и что собранные по этому дознанию сведения, вполне подтверждая те данные, которые раскрыты были московским дознанием, не прибавляют к ним ничего нового; таким образом, все, что касается приезда туда в октябре 1869 г. Прыжова, двухкратного пребывания в Туле Николаева, выезда

Николаева в Москву, с паспортом Егора Анисимова, вместе с Анной Мартыновой, отъезда из Тулы Александровской в сопровождении Нечаева, приезда в Тулу Тейльса и связи его с Александровской, было уже приведено в известность при производстве дознания в Москве.

К истории побега Ярослава Домбровского.

В XXII томе «Красного архива» опубликованы материалы о побеге Ярослава Домбровского с Колымажного двора в декабре 1864 г.

В Нижегородском Краевом Архивном Бюро имеется два тома материалов, связанных с побегом Домбровского и, главным образом, его жены П. Домбровской. Эти материалы сообщают некоторые любопытные штрихи в дополнение к опубликованным в «Красном архиве» документам.

В последних числах ноября 1864 г. Пелагея Михайловна Домбровская (жившая с Валерией и Игнацией Пиотровскими в ссылке в гор. Ардатове Нижегор. губ. с 11 июня 1864 г.) обратилась с письмом к нижегородскому губернатору, сообщая, что она получила письмо от мужа из Москвы с известием, что трехлетнее его заключение (в Александровской цитадели в Варшаве) кончилось, и по приговору суда он высылается в Сибирь. Так как в Сибирь Домбровский должен был ехать через Н.-Новгород, жена просила о свидании с мужем.

На сопровождавшем это письмо рапорте ардатовского исправника губернатором Одинцовым 2 декабря была наложена резолюция: «сделать справку, находится ли здесь Домбровский, и если нет, то уведомить, когда прибудет и тогда можно вытребовать жену» [1]).

2-го же декабря из Москвы была получена след. телеграмма: «Нижегородскому губ. Сегодня бежал польский арестант Ярослав Домбровский, жена его сослана в Нижегородской губернии, прошу о розыске. Граф К р е й ц».

Получив телеграмму, губернатор Одинцов немедленно принял меры к поимке Домбровского. Был усилен надзор полиции за П. Домбровской. Нижегородские власти были уверены, что Домбровский прямо из московской тюрьмы... поедет к поднадзорной жене в г. Ардатов. 3 декабря исправникам окружающих Ардатов уездов было разослано секретное предписание об усилении наблюдения по трактам, особенно арзамасскому, «по которому он должен следовать в Ардатов к жене своей», а ардатовскому исправнику — «строго следить за женою его, не появится ли у ней Домбровский».

19 декабря на имя Домбровской поступило письмо с извещением о побеге мужа, о котором сообщает М. Клевенский [1]). Письмо было вскрыто и препровождено в Московскую следственную комиссию, и Домбровская узнала о побеге мужа только из официальных сообщений газет.

Московская следственная комиссия, разыскивавшая Я. Домбровского, 22 декабря 1864 г. обратилась к нижегородскому губ. с просьбой «командировать кого-либо из ваших чиновников в г. Ардатов для секретного дознания, с кем именно Домбровская находилась в более близком знакомстве, не получала ли она через кого-либо или через почту письма, в котором сообщается прямо или намеками о побеге ее мужа; равно, не был ли кто у ней проездом, и затем, по собрании секретного дознания, сделать у ней строгий обыск,

[1]) Нижегород. Краевое Архивное Бюро, фонд. канц. нижегор. губ., дело о побеге Я. Домбровского. 1864 г., № 1149.

[1]) См. «Красный архив», т. XXII, ст 236—241.

забрать всю переписку... [которую] с подробными показаниями препроводить в следств. комиссию».

Нижегородские власти с усердием принялись за розыски. В г. Ардатов был командирован губернаторский чиновник. Домбровская вызывалась несколько раз на допросы; во время произведенного обыска была забрана вся переписка и препровождена в Москву.

В январе 1865 г. на имя Валерии Пиотровской было прислано письмо со штампом «Познань» без подписи, написанное на имя Домбровской, начинавшееся так: «Милая Пелагея!..» По всей вероятности, — письмо от Я. Домбровского, так решили и губернские власти, но о побеге в нем не говорилось ни слова, только в конце брошена мысль, что не теряет надежды снова быть вместе...

20 мая 1865 г. нижегородский губернатор, находясь в Ардатове, получил сведения, что Домбровская накануне вышла из квартиры на базар и неизвестно куда скрылась. Немедленно была разослана погоня по всем дорогам и сообщено о побеге в Нижний, откуда были посланы телеграммы в Петербург, Москву, Вильно, Варшаву. Несмотря на тщательные розыски полиции, давшие возможность напасть на след бежавшей, сама Домбровская разыскана не была. Власти пришли к убеждению, что Домбровской невозможно было ускользнуть от погони, если бы она бежала действительно 19 мая, как об этом показали на допросе сестры Пиотровские.

В одном из своих распоряжений Одинцов пишет: «Происшествие это как по самой сущности оного, так и по обстоятельствам, сопровождавшим его, обратило на себя особое внимание III отд. с. е. и. в. канц. и г. министра вн. дел, от которого последовало по этому предмету два уже строгих секретных предписания: от 31 мая № 3986 и 10 июля № 5227. Вместе с этим случай этот сделался предметом особых газетных толков... Следствие об этом происшествии начато 27 мая и, состоя в производстве уже 2½ месяца, до сих пор не оканчивается и едва ли привело к каким-либо положительным результатам».

Дальнейшими розысками и дознаниями было выяснено, что Домбровская бежала не 19-го, а ночью или ранним утром 17 мая, и что побег сопровождался следующими обстоятельствами.

Со ст. Вязников Владим.-Нижегородской ж. д. по Муромскому тракту вечером 13 мая приехал в Ардатов неизвестный человек, под предлогом проезда в Саровскую пустынь. Человек этот в Ардатове пробыл от 8—9 часов вечера до 5 часов утра 14 мая, после чего, действительно, поехал в Саров. Вечером и утром, при отъезде из Ардатова, неизвестный посетил местную аптеку (содержавшуюся польским уроженцем Танявским) для покупки, будто бы лекарства. 15 мая неизвестный нанял лошадей в ближайшем селении, а на следующий день отправился из Сарова в Ардатов, повидимому, рассчитав время так, чтобы проехать мимо Ардатова ночью.

Миновав Ардатов ночью с 16-го на 17 мая, человек этот настиг женщину, одетую странницей, которая попросилась, чтобы ее довезли до с. Павлова. После небольшого разговора странница эта была взята неизвестным. Это и была бежавшая Домбровская, с которой неизвестный отправился уже по другому тракту, именно по Горбатовскому, на станцию Гороховец.

К выяснению личности увезшего Домбровскую, назвавшегося в Сарове шт.-кап. Озеровым, и его поимке, были приняты соответствующие меры.

Возвращаясь из Сарова, неизвестный в с. Стексове встретил жандармского ротмистра Разумовского и назвался прапорщиком Мирбахом, едущим по своим делам к Блоку, управляющему имением Федорова в с. Кулебаках. Ввиду настойчивых расспро-

сов Разумовского, Мирбах быстро и незаметно уехал из Стексова. Каким образом оказалась у Разумовского фотография Мирбаха, сказать трудно, но, по предъявлении ее монахам Саровской пустыни, последние признали в нем «Озерова».

Начались поиски Мирбаха, и с помощью московского розыска было выяснено, что жена Мирбаха живет в Москве. Вызванная к московскому полицеймейстеру I отделения полковнику Огареву 21 августа 1865 г., Прасковья Яковлевна Мирбах объяснила, что муж ее уехал из Москвы в Петербург в начале 1864 г., и она, более уже года не получает писем и не знает, жив ли он. Мирбах представила Огареву два след. письма:

«Милостивая государыня Прасковья Яковлевна. Исполняю просьбу покойного вашего мужа Николая Ивановича — сего 5 числа он убит на дуэли, обо всем подробно узнаете в скором времени. Имею честь быть вашим покорным слугою Н. П а в л о в с к и й.

P. S. Дуэль была на Волковом кладбище в 5 час. утра. 8 мая 1865 г. С.-ПБ.»

«Милостивая государыня Прасковья Яковлевна. В прошлом письме я писал вам о дуэли, но благодаря бога Николай Иванович только был ранен, и это ошибка вышла, я не подождал четверти часа на Волковом.... [1]), но противник его пал. 5 числа Николай Иванович уехал по Варшавской ж. д. до Вильно, а оттуда поедет за границу; вообще положение его незавидно. Дуэль же была из-за какой-то Пашеты, побольше узнать ничего не мог и, если что впоследствии узнаю, то все подробно опишу. Вы припомните меня, я познакомился с вами в С.-Петербурге.

Желаю вам всего лучшего и жалею от всей души обо всем случившемся и должен правду сказать, что рана почти смертельна. С истинным уважением имею честь быть П а в л о в с к и й.

P. S. Я завтра уезжаю в Псков на несколько дней».

По наведенным справкам, заграничного паспорта Мирбаху не выдавалось. Этими письмами, вероятно хотели замести следы выезда Мирбаха. Дуэль и отъезд за границу приходятся на то время, когда Мирбах должен был выехать в Ардатов за Домбровской.

По всей вероятности, после побега Я. Домбровского и отъезда его в Петербург (1 января 1865 г.) было решено устроить побег и жены его. Фраза Домбровского, что если бы он был в Петербурге, то давно был бы за границей [1]), говорит о наличии группы или организации в Петербурге, которая помогла бежать и Я. и П. Домбровским и переправить их за границу.

Для расследования побега Домбровской 3 июля 1866 г. в Н.-Новгород приезжал ген.-майор Ден, но его приезд никаких результатов не дал. В апреле 1867 г. дело о побеге П. Домбровской было прекращено.

А. Чернов.

[1]) Одно слово неразборчиво.

[1]) «Красный Архив», т. XXII, стр. 238

Ответственная редакция: { **В. Адоратский.** **В. Максаков.** **М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Врангелевщина. С предисловием *И. Минца*. (Окончание)	3—40
Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. С предисловием *С. Дубровского*. (Окончание)	41—58
25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова)	59—96
«Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова). (Окончание)	97—124
Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II	125—175

Из записной книжки архивиста

Вокруг 1 марта 1881 г. Сообщил *С. Валк*	176—184
С. Г. Нечаев и тульские оружейники. Сообщил *Б. Козьмин*	184—189
К истории побега Ярослава Домбровского. Сообщил *А. Чернов* . . .	189—191